

ДИНА БРОДСКАЯ

МАРИЙКИНО ДЕТСТВО

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

русская классика

Марийкино детство
Дина Леонтьевна Бродская

Аннотация
Дина Бродская. Марийкино детство
Кухаркина дочка
В углу у Маласихи
Доктор Мануйлов и Лора
Дом на Губернаторской
Старики Михельсоны
Что такое «война»
Саша-переплетчик
Именины Ванды Шамборской
Подарок
«Комман ву портрет ву?»
Горбатая Вера
Клоун Патапуф из цирка Труцци
Девочка с заграничным именем
«Кем я буду?»
В цирке
Лора поступает в гимназию
Рассказы о Питере
В гостях у переплетчика
Зима в подвале
Чемодан клоуна Патапуфа

Царя прогнали
Плотник и меховщик
Газета «Голос рабочего»
В больнице
Собрание кухарок
«Неделя бедноты»
Ордер
На новоселье
Кто нам даст-подаст…
Мы вернемся!
Выгнали…
Гайдамаки
Кинодрама «В старинной башне»
Тайна Марийки и Стэллы
Представление в цирке
Город под обстрелом
Дорогой гость
Новая жизнь
День рождения Марийки
Школьная осень

Аннотация

Повесть «Марийкино детство» – это история восьмилетней девочки, детство которой пришлось на тяжелые революционные годы. Марийка – кухаркина дочка, смышленая и наблюдательная. Она умеет радоваться жизни, любит читать и больше всего мечтает об учебе. Ее мечта недостижима, но Марийка пока не думает об этом.

Проходит время… Девочки из состоятельных семей отправляются в гимназию, а Марийка по-прежнему помогает маме на кухне и проводит время на улице… Она не унывает, однако задается вопросом: «Кем я буду, когда вырасту?» Ответ Марийка получит, когда жизнь вокруг нее начнет стремительно меняться.

Дина Бродская
Марийкино детство

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

© ООО «Издательство АСТ», 2025

Кухаркина дочка

Мать просыпалась в шесть часов. Приподняв с постели тяжелое тело, она шлепала босыми ногами через всю комнату и подтягивала кверху чугунный утюг, который заменял на стенных ходиках гирю. Потом, присев на край кровати, она начинала шнуровать высокие прюнелевые ботинки и, когда не сразу попадала в дырочки шнурком, ругалась вполголоса:

— От-то еще, холера!..

Марийка лежала в постели и смотрела на потолок, где расплылось огромное сырое пятно, похожее на собаку. В кухне было почти темно. Оконце наверху, круглое, как иллюминатор, пропускало мало света. Оно было величиной с большую сковороду, на которой мать жарила котлеты. Когда Марийка взбиралась на стул и становилась на цыпочки, ее нос как раз доставал до круглой деревянной рамы окна. Из окна она могла видеть красную кирпичную стену дома напротив и кусок криво подвешенной жестяной вывески сапожника. На вывеске было выведено тусклым золотом одно только слово: «Заказ». Это

слово было не простое: оно читалось справа так же, как и слева.

Мать уходила на рынок. Ключ щелкал в замке кухонной двери, а Марийка, сладко зевая, вытягивалась на самой середине узкой кровати и опять засыпала. Каждые пятнадцать минут она просыпалась и, приподняв край сатиновой занавески, смотрела на часы. В семь часов, хочешь — не хочешь, надо было вставать. Чтобы совсем проснуться, Марийка таращила глаза и начинала считать синих петухов на занавесках. После четырнадцатого петуха ей больше уже не хотелось спать.

Прибрав постель, Марийка наливала маленьким ковшиком воду в печной бак — поднять ведро ей было еще не под силу, — потом она принималась за чистку башмаков, выставленных на кухне с вечера, и торопилась прежде всего вычистить коричневые докторские штиблеты.

Скоро возвращалась мать с огромной, туго набитой кошелкой, из которой торчали зеленые стрелы лука и кудрявые хвосты молодой морковки.

— Ой, и жарко, доченька! — говорила она, высыпая на стол деньги из вспотевшего кулака.

Марийка помогала матери разгружать кор-

зину, а потом принималась чистить картошку. Сидя на корточках у печки и сбрасывая на пол длинные завитки картофельной шелухи, она прислушивалась к тому, как мать записывает расходы в книжку:

— Капуста… Яйца… Буряк… Баранины четыре фунта, квасоля для супа…

В кухне то и дело появлялась горничная Катерина, маленькая чистенькая женщина в передничке с кружевцами. У нее всегда были поджаты губы, как будто ее только что обидели. Катерина забирала вычищенную обувь, наливала горячую воду для бритья в блестящий никелированный стаканчик, опрокидывала над мусорным ведром пепельницы, полные окурков и конфетных бумажек. Почти не разжимая тонких, бледных губ, она еще в дверях выкладывала всегда какую-нибудь новость:

«Наша-то опять свою гребенку кудай-то задевала. Всю спальню перерыли, а не нашли…»

«Наша-то в театр едет, муслиновое платье с воланчиками гладить велела…»

«Наша-то вчера в карты продулась, нынче с левой ноги встала».

Горничная Катерина ненавидела докторшу Елену Матвеевну и за глаза называла ее не иначе

как «наша» или «наша-то».

Иногда в кухню заглядывал и сам доктор Григорий Иванович, высокий, смуглый и весь коричневый — от шляпы до гетр. Держа под мышкой коричневый чемоданчик с инструментами и застегивая коричневую замшевую перчатку, он говорил:

— Поля, изжарьте мне отбивную с молодой картошкой, и пусть девочка принесет в больницу.

Доктор всегда называл Марийку «девочкой» и за три года так и не спросил ни разу, как ее зовут.

— Сегодня мяса на базаре хоть завались, — докладывала Поля, — а рыбы, Григорий Иванович, совсем мало. Был, правда, один сом — ну свежий, прямо усами шевелит, да вы ведь их не едите… А у одной женщины я нашла щуку за сорок копеек, да уж такую ледащую…

— А ну-ка… — говорил доктор и, сняв коричневую перчатку, вытаскивал из корзины рыбу за хвост.

— Да разве это рыба!.. Ерунда, а не рыба. Сорок копеек за такую дохлятину!..

И, старательно моя руки под краном, доктор повторял, покачивая головой:

— Сорок копеек за такую дохлятину… Это нуж-

но умудриться! — и уходил, хлопнув дверью.

— «Дохлятина»... — ворчала Поля. — На пятачок прогадал, а скандалу на сто рублей. Ничего, барин, заработаешь... Вечером домой вернешься, так все карманы будут целковыми набиты. У-у, скупидон проклятый!..

— Эти целковые не так-то легко им достаются, — говорила Катерина, разжигая утюг.

Она обожала доктора так же сильно, как ненавидела его жену. Служила она у доктора Мануйлова тринадцать лет и в письмах к нему подписывалась: «Ваша раба Катерина Шишкова».

Катерина любила вспоминать те времена, когда доктор был еще не женат и она три года заправляла всем домом, как полная хозяйка.

— Ах ты мой боженька, — говорила она, — как хорошо жилось, когда Григорий Иванович были еще холостяки!..

По ее словам выходило, что в те времена и люди были лучше, и жизнь дешевле, и ситец прочнее.

В десять часов утра Марийку звали в детскую к Лоре. Она проходила через приемную для больных, скользя по навощенному паркету, как по льду, хотя это ей было строго запрещено. В приемной вдоль стен стояло много стульев, а на

столиках лежали журналы, которые никто не читал: ни больные, ни домашние, потому что все боялись заразы.

В детской, белой солнечной комнате, за широко раскрытыми окнами шелестели ветви акаций. Восьмилетняя девочка с рыжими волосами и с веснушками на щеках и веках сидела в своей кроватке и ныла. Это и была Лора. По утрам она всегда бывала недовольна. Ей не хотелось вставать, не хотелось одеваться, не хотелось завтракать. Если светило солнце, ей хотелось дождика, чтобы можно было прыгать по лужам под маминым красным зонтиком, а если был дождик, она плакала оттого, что в дождик не пускают на улицу без калош.

— Вот оно, твое сокровище, бесценное, явилось… — говорила Лоре Катерина. — Ну, надевай же чулочки, видишь — Марийка пришла.

Лора протягивала Катерине ногу. Но иногда она кричала Марийке, как только та переступала порог:

— Уходи к себе на кухню! Ты сегодня некрасивая.

Марийка поворачивалась и уходила обратно, показав Лоре два раздвинутых пальца, что означало: «Ссора на всю жизнь». После этого она

дулась несколько дней. Когда ее опять звали в комнаты, она не хотела идти и пряталась под кроватью, где пахло пыльной паутиной и где от всякого движения звенели над головой расхлябанные матрацные пружины.

Мать вытаскивала ее из-под кровати за ногу и, отшлепав, кричала:

— Дуреха! За ней господа присылают, а она еще фасоны строит! Подумаешь, принцесса гордая! Иди!..

И Марийка шла, ругая шепотом мать, Лору, Катерину и доктора с докторшей.

Лора встречала ее так, как будто ничего и не случилось.

— Ну, — говорила она, — придумывай игру.

И Марийка придумывала.

Одна половина жизни Марийки проходила на кухне, другая — в детской, у Лоры. После картофельной шелухи, после ваксы, которой она мазала докторские штиблеты, ей было даже страшно брать в руки чистенькие книги с цветными картинками и кукол в голубых и розовых платьицах. А Лора без Марийки не умела играть и даже не знала, как заправлять игрушечную швейную машинку; шелковые лоскутики, которые ей давала Елена Матвеевна, без Марийки

валялись зря.

Немного поиграв, девочки бежали в спальню к докторше Елене Матвеевне. В спальне Катерина поднимала шторы, и на пол падали кружевные тени от гардин. На широкой дубовой кровати, между сбившихся подушек, лежала, щурясь на свет, молодая женщина, такая же рыжая, как Лора, только без веснушек.

— Мамочка, не надо ли тебе чего-нибудь поискать? — спрашивала Лора.

Девочки знали, что Елена Матвеевна всегда рассовывает свои вещи куда попало и потом ни за что не может припомнить, где они.

Марийка с Лорой любили разыскивать ее платки и гребенки, которые всегда оказывались в самых неожиданных местах.

Однажды весь дом искал полдня перчатку, и, когда все уже перестали искать, Марийка случайно нашла ее в китайской вазе.

В углу у Маласихи

Марийкин отец, часовой мастер Соломон Михельсон, умер восемь лет назад, за шесть месяцев до рождения дочери.

Это был тихий молодой человек с темными глазами. Он принимал в починку не только часы, но и старые бинокли, микроскопы, компасы. За починку брал он недорого, а работал очень аккуратно. Поэтому в его крохотном магазинчике, где один угол был занят картузником, всегда можно было застать двух-трех заказчиков.

Каждую пятницу Михельсон запирал свой магазин на час раньше и шел заводить часы к адвокату Радзевскому.

Радзевский жил в собственном особняке с облупившимися колоннами. У него была квартира из восьми комнат, и он держал кухарку, горничную и кучера.

Тут, у Радзевского, часовой мастер и познакомился с Полей.

Поля была круглой сиротой. Десяти лет она уже служила по чужим людям на Полтавщине, в деревне Глубокая Криница. Платили ей за службу

два рубля в год и каждый раз на Пасху давали: чоботы, сорочку, платок и фартук. Она таскала на руках крестьянских ребят, набивала им рты жеваным хлебом и, если они орали, забавляла их тарахтелками из свиного пузыря, в котором гремели камешки.

Шестнадцати лет тетка увезла ее в город и определила в услужение к булочнику «одной прислугой за все». Днем Поля стряпала и управлялась по хозяйству, а вечером помогала булочнику месить тесто и сбивать белки для крема. Прослужив у булочника четыре года, она перешла на другое место, в горничные, где платили лучше и работа была чище. Поступила она к адвокату Радзевскому. Тут ее научили складывать салфетки веером, говорить по телефону и подавать стакан воды на блюдечке. Она теперь носила батистовые переднички и знала, какие рюмки полагаются для вина, а какие для водки.

— Добрый день, Соломон Абрамович, — приветливо встречала Поля часового мастера. — У нас на той неделе все часы ходили аккуратно, только в кабинете торопились на десять минут.

Она водила его по большим пустынным комнатам адвокатской квартиры и, задрав голову, смотрела, как он, стоя на лесенке, проверял и

заводил часы.

Отправляясь в булочную, Поля делала небольшой крюк, чтобы пройти мимо часового магазина. В витрине стояли бронзовые часы, где вместо маятника качались на цепочках фарфоровые качели с фарфоровой девочкой на перекладине. За окном сидел Соломон и разглядывал сквозь лупу колесики и винтики, лежавшие перед ним на столе, и когда замечал Полю у окна, то поднимал голову и улыбался.

Как-то раз, в воскресенье, Соломон пришел к Поле в гости. Они посидели немного на кухонном крыльце, а потом пошли погулять в городской сад. С тех пор они стали часто встречаться и скоро решили пожениться. Поле нравился часовой мастер. Он одевался чисто, носил пиджак и шляпу, говорил тихим голосом и обращался с Полей не так, как все, а ласково, вежливо — жалел ее.

— Хорошая душа у Соломона Абрамыча, — рассказывала Поля подругам. — Говорит он с тобой как брат родной. Человек он ужасно добрый, и я с ним не пропаду.

— Это верно, — говорили соседские кухарки. — Главное, что евреи почти совершенно непьющие. К тому же и ремесло у него очень чистое.

В день именин Михельсон подарил Поле фла-

кон одеколона «Нильская лилия» и полдюжины батистовых носовых платков, обшитых тоненьким кружевцем. Такие дорогие платки Поля видела только у своей хозяйки. Она не решалась в них сморкаться и спрятала все шесть в сундучок.

Поля объявила хозяевам, что служит последний месяц. Она стала ходить по посудным лавкам, купила синий стеклянный, весь в шипах кувшин, четыре тарелки, разрисованные вишнями, и все мечтала, как она уберет свою новую комнату и какие повесит занавески, когда они с Соломоном Абрамычем поженятся.

Но с Михельсоном случилось несчастье. Осенью его вызвал к себе в имение один богатый помещик, у которого испортились большие башенные часы в парке. Михельсон исправил старинные часы, получил, кроме платы, два десятка оранжерейных персиков и отправился домой. Тут-то и приключилась беда. Лодка, в которой он переправлялся через Днепр, опрокинулась неподалеку от берега. Михельсон добрался до берега благополучно, но после купанья в холодной осенней воде заболел воспалением легких и умер на шестой день.

Поля ничего не знала ни о возвращении, ни о болезни Михельсона. Как-то вечером, когда она

чистила серебряные ложки, к ней пришла незнакомая пожилая женщина и сказала, что старики Михельсоны просят ее сейчас же прийти, — с их сыном случилось несчастье.

Поля набросила на плечи платок и побежала к старикам. Сердце у нее колотилось от страха. Она еще ни разу не бывала у Михельсонов и не знала, как они ее примут. Ведь сын их был часовой мастер, а она — простая прислуга. Да и что это случилось с Соломоном?

Старики Михельсоны занимали небольшую квартирку позади часового магазина. В первой комнате было пусто. «Живут небогато», — подумала Поля, окинув взглядом кушетку, обитую ситцем, некрашеный сосновый стол и дешевые зеленоватые стаканы.

Из соседней комнаты слышался женский плач. Поля нерешительно остановилась на пороге. На полу, у стенки, лежали большие подушки в белых наволочках с прошивками. Старик и старуха сидели на подушках и оплакивали сына, как полагалось по старому обычаю. У старика плечи были покрыты полосатым талесом, а на коленях лежал толстый молитвенник. Старуха, очень старая и морщинистая, в парике, черном как воронье крыло, сидела на подушке, покачиваясь от

рыданий. Слезы не переставая текли из ее глаз.

— Вот какое у нас горе, — сказала она Поле, — нет у нас больше сына… В субботу он вернулся совсем больной и не съел даже кусочка рыбы. Мы уложили его в постель, а сегодня он уже в земле.

Старуха долго плакала. Она, видно, хотела что-то еще сказать Поле, но слезы мешали ей говорить. Она начинала, всхлипывая, выкрикивать по-еврейски какие-то слова и один раз даже ударилась головой о стенку.

Поля стояла у порога и тоже плакала. Михельсоны как будто забыли про нее: старик склонился над молитвенником, старуха стонала и охала. Поля постояла, постояла и ушла, тихонько плача.

Через неделю старуха сама пришла к Поле, вызвала ее на крыльцо и сказала, что сын, умирая, беспокоился о ней и о своем будущем ребенке и просил позаботиться о них. Старуха дала Поле двадцать восемь рублей денег и серебряные часы фирмы «Павел Буре» с надписью на крышке: «2-я премия за отличную стрельбу».

Через полгода родилась Марийка.

Она появилась на свет в «Екатерининском родильном заведении для бедных».

У нее не было отца, она была прислугина дочка, значит, она была «бедная».

После рождения дочки Поля сняла угол у знакомой старухи, чулочницы Маласихи, и стала ходить на поденщину.

Жила Маласиха на фабричной окраине города, в Культяповке.

На склоне глинистой Скупой горы и в оврагах густо лепились землянки и покосившиеся лачуги.

Лачуги эти были сколочены из листов ржавой жести, из обломков дорожных ящиков с черными надписями «осторожно», из кусков старых заборов, утыканных гвоздями. Жили в них фабричные — с текстильной фабрики, с лесопилки, с металлургического завода.

Весной потоки рыжей глинистой грязи затопляли овраги и кривые улочки Культяповки. Женщины, увязая в липкой глине, с трудом перебираясь с камня на камень и с доски на доску, тащили ведра с водой из единственного колодца.

На рассвете, когда раздавался первый протяжный гудок с лесопилки, в лачугах один за другим зажигались огни и за окнами начинали шевелиться тени. После второго гудка всюду хлопали двери, рабочие выходили на улицу и длинной вереницей тянулись к Мандрыковскому спуску. Тут дорога раздваивалась: женщины шли налево

— к табачной фабрике, мужчины направо — к лесопилке и к металлургическому. Днем улица Культяповки была пустынна. Только ребятишки копошились в пыли и ловили лягушек в канавах.

Вечером, после гудка, Культяповка снова оживала. Вечерняя смена шла на работу. Рабочие утренней смены возвращались домой.

Поля работала поденно у мастеровых, которые не могли держать постоянную прислугу и только изредка нанимали поденщицу. Изо дня в день приходилось ей стирать пропитанное заводской копотью белье, отчищать заскорузлые кастрюли, отскабливать затоптанные, заплеванные полы.

Что бы ни делала Поля — гнулась ли над корытом с прокисшим вонючим бельем, ползала ли по полу на мокрых коленях, — ни на минуту она не переставала думать о том, что дома, совсем одна, целый день лежит ее Марийка.

«Не вывалилась ли Марийка из люльки, не надорвала ли грудку, плача с утра до вечера?»

И верно, Марийка могла орать целый день во всю свою небольшую силенку, все равно раньше двенадцати часов, когда прибегала из мастерской Маласиха покормить ее из рожка, к ней никто не подходил. Маласиха была маленькая толстенькая

старушонка с руками черного цвета. Уже много лет она занималась окраской чулок, и руки у нее никогда не отмывались. Она кормила Марийку из рожка, съедала сама несколько холодных вареных картошек и снова уходила в мастерскую.

Марийка часами плакала, потом умолкала и опять плакала, засыпала, просыпалась и плакала опять.

Когда она немножко подросла, она привыкла лежать одна в пустой комнате. Комната ей казалась очень большой. Всюду были протянуты веревки, с которых свисали мокрые крашеные чулки.

В углу у чулочницы Маласихи Поля с девочкой прожили три года. Марийка очень рано научилась ходить. У нее были игрушки: жестяная коробочка с фасолью, катушки из-под ниток и ручка от поломанной мясорубки. Кроме того, было еще окно. Отсюда можно было увидеть множество интересных вещей, особенно летом, когда воздух такой синий, что если долго смотреть вверх, то в небе начинают лопаться какие-то сверкающие пузыри. Но, может быть, это были и не пузыри, а золотисто-сиреневые голуби, реющие в поднебесье…

Вечером, когда в комнате становилось темно и

Марийка не могла уже играть, она забиралась на постель и сидела тихо-тихо, как мышка. В сумраке неосвещенной комнаты чулки, висевшие на веревках, становились похожи на чьи-то тонкие черные ноги. Тонкие черные ноги шевелились от сквозняка и, переплетаясь, плясали на веревках.

Марийка немного подросла, и Поля переехала из Культяповки в город. Она поступила к сестрам Сухановым, но теперь уже не горничной, а снова «одной прислугой за все» — на шесть рублей в месяц со стиркой. Прислуге с ребенком уже не приходится выбирать места.

Сухановы были маленькие, худенькие, черноглазые, похожие на свою мать, такую же маленькую и сухонькую, как они.

Когда старуха Суханова шла по улице вместе с тремя дочками, одетыми, как и она, в старомодные бархатные пальто с буфами, их всех можно было принять за сестер.

Младшая Суханова была зубным врачом. К ней ходило лечиться много ребят. Из приемной комнаты на кухню всегда доносился рев детей, которые не хотели входить в зубной кабинет. Суханова всех мальчиков называла «зайцами», а девочек «зайчихами». Если Марийка попадалась ей на глаза, она всегда говорила девочке:

— А ну-ка, зайчиха, открой рот! Э, да ты совсем беззубая, как бабушка…

Рано утром, пока все еще спали, Марийка ходила в приемную для больных, большую холодную комнату со множеством вышитых подушек и салфеток, разложенных по диванам. В углу под этажеркой жила большая старая черепаха. Марийка стучала пальцем об пол, и черепаха медленно выползала на этот стук. Лежа на полу, Марийка играла с черепахой. Ей хотелось погладить пальцем маленькую плоскую головку, но черепаха втягивала головку под панцирь и ни за что не позволяла к себе притронуться.

У Сухановых было много денег, но жили они скупо. Суп варили на два дня, чтобы выходило дешевле, а когда к ужину готовили селедку, то прислуге доставались только хвост и голова. Больше всего на свете Сухановы боялись воров. На дверях у них было пять запоров: французский замок, ключ, задвижка, цепочка и огромный чугунный болт. Старуха каждый вечер приходила на кухню и говорила нудным, скрипучим голосом:

— Прислуга должна быть честной. Самое главное — это честность. Дело не в том, что она тайком выпьет сливки, а дело в принципе…

Когда Марийке исполнилось шесть лет, мать начала учить ее грамоте. Поля и сама-то научилась читать недавно. Покойный Михельсон подарил ей букварь и показал буквы. Первая книга, которая попала Марийке в руки после букваря, была «поваренная». Марийка прочла ее от корки до корки, и долгое время ей снились по ночам горы сливочного мороженого, целые озера фруктовых подливок и красные моря из томатного соуса, над которыми кружились, хлопая поджаренными крыльями, утки, начиненные яблоками.

У Сухановых Поля с девочкой прожили несколько лет. Но однажды у зубной докторши завалилась куда-то золотая коронка, и старуха перевернула весь дом. Отодвигали все шкафы, встряхивали все ковры, искали под кроватями, под диванами, под этажерками, но коронки… так и не нашли.

— Самое главное — это честность; прислуга должна быть честной… — скрипела старуха целый день.

А вечером она пришла на кухню и сказала Поле:

— Я вынуждена обыскать ваши вещи.

Поля заплакала и вытащила из-под кровати свой сундучок. Старуха Суханова вынула из сун-

дучка ситцевую сорочку, полотенце с вышитыми петухами, наволочку и носовые платки, перевязанные голубой ленточкой.

— Откуда это у вас? — спросила старуха и посмотрела на Полю, высоко подняв брови.

— Жених подарил, — ответила Поля и покраснела.

Старуха ничего не сказала, только понюхала платки и отложила их в сторону.

Марийка сидела на кровати и не дыша следила за тем, как морщинистые, унизанные кольцами пальцы старухи вытаскивают из сундука одну вещь за другой. Когда дошла очередь до синего кувшина, Марийка заревела во все горло. Она думала, что старуха заберет кувшин.

Назавтра Суханова отказала Поле от места.

— Возможно, что вы и не брали коронку, — сказала она, — но тень подозрения на вас падает. Для меня самое главное — это честность. Кроме того, ваша девочка подрастает, и у нас за последнее время уходит очень много хлеба.

Старуха уплатила Поле пять рублей двадцать копеек. Ей полагалось шесть рублей, но восемьдесят копеек с нее удержали за разбитые тарелки.

Доктор Мануйлов и Лора

Была война. За два года к ней все привыкли, и никто уже не удивлялся, что на улицах солдат и офицеров гораздо больше, чем штатских. Всех молодых и здоровых забирали на фронт. Ушел Машкин отец, дворник Андрей, ушли два студента из первого этажа, ушел водопроводчик Ковтюн и плотник Легашенко. Во дворе, где жила Марийка, остались только старики, женщины и дети. Почти всех городских врачей тоже послали на войну. Доктор Мануйлов остался дома, потому что у него была «расшатана нервная система», как говорила его жена, Елена Матвеевна.

Марийка внимательно присматривалась к доктору. Ей хотелось знать, что это в нем расшаталось.

Но доктор был все такой же прямой, так же твердо и четко шагал, и ничего в нем не шаталось. И работал он так же много, как раньше. Видно, не такая уж сильная была у него болезнь.

— Мама, а что это — «нервная система»? — как-то раз спросила Марийка у Поли.

— Панская хвороба! — ответила Поля сердито.

Доктор утром лечил в больнице, днем ездил к больным на дом, а вечером принимал их у себя. Бывали дни, когда он зарабатывал в день пятьдесят рублей и даже больше. Кроме того, садоводы-караимы, которых он лечил, присылали ему на дом брынзу, масло в маленьких плоских бочонках и корзины с желтыми сливами.

Доктор Мануйлов был высокий, смуглый, черноглазый, с седеющими, точно напудренными, висками.

Он считал себя отличным, талантливым врачом и говорил, что больные готовы на него молиться. Бесплатно он лечил только в больнице. Все знали, что бедных он не лечит. Он не стесняясь говорил про себя:

— Я работаю как каторжник, у меня семья, и я не могу быть благотворителем.

Он был очень чистоплотен и аккуратен и требовал аккуратности от всех в доме. Он сердился, когда Елена Матвеевна повсюду разыскивала свою сумочку, или у Лоры был криво завязан на голове бант, или жаркое было разложено на блюде не по правилам (мясо должно было лежать как раз посередине блюда, а гарнир вокруг).

В комнатушке у Катерины стояла круглая картонка, где, точно блины, стопкой лежали

полотняные чехлы от летних фуражек доктора. Четырнадцать белых накрахмаленных чехлов.

Доктор носил ослепительные, точно фарфоровые, воротнички, и каждую субботу парикмахер Жорж приходил мыть ему голову особым составом. Можно было подумать, что доктор не был никогда сыном кременчугской курятницы Мануйлихи. Он и не вспоминал о своем детстве, о городке, в котором вырос, о маленьком дворике, где постоянно стоял крик и кудахтанье птицы, где хлопали крылья и в воздухе медленно кружились куриные перья.

Раз в год, на Пасху, приезжала из Кременчуга мать доктора, толстая черноглазая старуха с тремя подбородками и с коричневой бородавкой на лбу. Из бородавки торчал пучок седых волос. Она привозила с собой бутылки с янтарным гусиным жиром и битую птицу. Это была болтливая старуха. Она любила говорить о себе и о своих детях, лучше которых, по ее словам, никого не было на свете. Она была уверена, что второго такого врача, как ее сын, нет во всем мире, и, гулко вздыхая, говорила басом:

— Я хоть и простой человек, а детям своим образование сумела дать. Дочек я не только скубти курей учила, а и еще кой-чему. Они у меня вполне

воспитанные барышни, чистехи и умницы. Уж не говорю про Гришеньку. Всем известно, какой он доктор…

Марийка боялась доктора. Он никогда на нее не кричал, но если он входил в кухню в то время, когда девочка ела, то у нее кусок застревал в горле. Один раз она слышала, как старая Мануйлиха сказала доктору:

— Твои прислуги тебя обжирают. Держишь кухарку с ребенком, точно какой помещик.

Поэтому за обедом Марийка всегда торопилась. Она обжигалась горячим супом и давилась неразжеванными кусками. Она боялась, что доктор войдет в кухню и увидит, как много она ест.

— Да ешь ты толком! — кричала на нее мать. — Ведь не краденое…

Марийка начинала жевать медленнее, но она так привыкла есть второпях, что куски сами проскакивали ей в горло.

— Не ребенок, а живоглот, — говорила Поля.

Не одна Марийка боялась доктора. Все в доме побаивались его. Даже упрямая Лора не смела при нем капризничать.

Лора часто хныкала по утрам и ни за что не хотела завтракать. Тогда заходил в детскую доктор и спокойно говорил:

— Если Лорочка любит своего папу, то она выпьет молоко…

Лора хмурилась, гримасничала, но все-таки опускала нос в кружку.

— Кушай, Лорочка, кушай, — приговаривала Катерина.

Но стоило доктору перешагнуть порог, как Лора опять начинала фыркать и выплевывать пенки. Набив полный рот яичницей или гренками, она мотала головой и отталкивала лбом ложку, которую протягивала ей Катерина. Будто столбняк какой-то находил на нее. Откусит большой кусок булки с маслом, но не глотает его, а сидит полчаса с раздутой щекой, уставившись в одну точку. Однажды утром Катерина чистила ей зубы и, всунув в рот зубную щетку, вытащила наружу кусок колбасы, пролежавший у Лоры за щекой целую ночь. Случалось и так: Лора заявляла, что она ни за что не станет есть, пока не позовут Марийку. Марийку звали в детскую и усаживали рядом с Лорой за маленьким столиком.

Когда Марийка сидела рядом, Лора начинала жевать быстрее.

Дом на Губернаторской

Марийка сидит на корточках возле раскрытой кухонной двери и чистит ножи тертым кирпичом. Она видит перед собой длинный двор, залитый солнцем, двухэтажные флигеля, обсаженные акациями, а в конце двора большую лужайку, или «полянку», как все называют ее.

На полянке колышется высокая, по пояс, густая трава, а репейник даже выше Марийкиного роста. На полянке хорошо играть в прятки или гоняться за стрекозами и красненькими божьими коровками.

В этот ранний час двор еще пуст. Только старый дворник, Машкин дедушка, красит скамейки в зеленую краску да две няньки с младенцами сидят на соседнем крыльце.

Но вот на окнах поднимаются шторы, из подъездов выбегают ребята. Горничная вытряхивает ковры, бублишница Хана проносит на плече корзину с горячими бубликами.

Машкин дядя, недавно приехавший из деревни, пятнадцатилетний Василько, вытаскивает из подвала длинный, похожий на змею шланг и

начинает поливать двор.

Высоко вверх бьет водяная струя, шуршат по листьям и сверкают на солнце брызги. Василько нравится смотреть, как играет вода, с напором вырывающаяся из узкого, тесного шланга; то он направит струю вверх фонтаном, и в воздухе запахнет сыростью и прибитой пылью, то начнет поливать мостовую завитушками и кренделями, обливая по пути старую белую клячу, запряженную в телегу с дровами.

Кляча покорно стоит под потоками холодной воды, только испуганно мигает белесыми ресницами, а вокруг бегают мальчишки, хохочут и стараются попасть под водяную струю.

На черном крыльце появляется Лора. Она доедает кусок булки с медом. Катерина догоняет ее, чтобы застегнуть на ней передник.

— Марийка, пойдем играть с девочками! — кричит Лора и пробегает мимо Марийки на полянку.

Там собралось уже много детей: нарядная Ляля с огромным, похожим на пропеллер бантом в волосах, Володька из 35-го номера, белокурая длинноносая Ванда Шамборская. Они играют в «короля», и Марийка слышит, как Лора говорит мальчику Маре, который живет во втором

этаже:

— Здравствуйте, король!

— Здравствуйте, милые дети, — сонно отвечает толстый Мара. — Где вы были, что вы делали?

— Были в саду, а что делали — угадай! — хором отвечают дети и начинают подпрыгивать вверх, хватая горстями воздух.

«Рвали вишни», — думает Марийка и, зажав в руке воняющий селедкой нож, следит за игрой. Мара-король морщит лоб и надувает щеки — он никак не может отгадать.

Король соображает медленно, и все дети успевают разбежаться в разные стороны. Марийке тоже хочется поиграть в «короля». Она могла бы такое задумать, чего никто бы не разгадал, — что там дурацкие вишни! Можно придумать, будто вертишь мясорубку, жаришь картофель, или вытаскиваешь у больного занозу из пальца, или завиваешь волосы щипцами, или едешь на велосипеде… Но Марийке надо вычистить еще шесть ножей и восемь вилок, воняющих селедкой. А это не так-то просто. Марийка наклоняет голову так, что волосы падают ей на глаза, и начинает изо всех сил тереть кирпичом ножи.

Она трет и трет, а сама то и дело поглядывает украдкой на полянку.

Из дворницкой выходит Машка с банкой в руках. Она идет в лавочку Фельдмана за солеными огурцами. По пути она останавливается возле Марийки и несколько минут стоит молча, широко расставив ноги и прижав к груди стеклянную банку.

— Чистишь? — говорит она наконец. — Кирпичом? А я чищу землей… Ишь, разорались, делать им нечего! — добавляет она, кивнув на полянку.

— Подожди меня, — просит Марийка, — мне тоже надо в лавочку, за перцем.

Лавчонка старого Фельдмана помещается тут же, во дворе. Марийка и Машка входят с черного хода. В сенях, заваленных бочками и ящиками, жена Фельдмана, худая замученная старуха, стирает белье. В полутемной лавчонке пахнет селедками, корицей и туалетным мылом. Веники, нанизанные на веревку, висят пышной гирляндой под потолком. Перед прилавком толпятся дети из соседних домов: они покупают леденцы и переводные картинки.

Лавочник — длинный тощий старик в жилетке и черной шелковой шапочке.

Он охает и кряхтит, когда ему приходится доставать с верхних полок железные банки с леденцами.

Дрожащей, сморщенной рукой лавочник вынимает из банок леденцы: туфельки, рыб и бабочек — все ядовитого розового цвета.

Он разрезает ножницами листы переводных картинок, раздает их детям и у каждого спрашивает, сколько ему лет.

— А тебе сколько лет? — спрашивает он у Марийки, протягивая ей пакетик с перцем.

— Восемьдесят! — отвечает Марийка и смеется, подмигнув Машке. Ей надоело каждый раз говорить лавочнику, что ей восемь лет.

К полудню двор уже полон детей и нянек. И дети, и няньки то и дело поглядывают на флигель с зеленой крышей и просторными окнами. В этом флигеле живет сам домовладелец — Сутницкий. Каждое утро, ровно в двенадцать часов, на балкон Сутницкого горничная выносит большую золоченую клетку с попугаем. Дети начинают дразнить птицу:

— Попка дурак! — кричат они, прыгая под балконом. — Ку-ку, попочка, ку-ку!..

— Ку-ку! — пронзительно и хрипло орет попугай, раскачиваясь в кольце.

Вскоре на балконе появляется сам Сутницкий, высокий седой старик с черными бровями, в пестром бухарском халате. Если он в хорошем на-

строении, то бросает вниз конфеты, и мальчишки вырывают их друг у друга. Марийке тоже один раз досталась шоколадная конфета, измазанная пылью, но все же очень вкусная.

Все дети боялись Сутницкого. Он был очень важный и богатый. Говорили, что в его имениях столько земли, сколько во всей Бельгии, — а Бельгия это ведь целое государство. Няньки стращали им непослушных: «Вот погоди, я Сутницкому расскажу...» Уж очень были страшны его нависшие черные брови. Когда он проходил через двор, няньки поправляли у девочек банты в волосах и обдергивали передники. «Здравствуйте, Сергей Иванович», — кланялись они. А он ни на кого не смотрел и только прикладывал руку к козырьку. Если он замечал на земле какую-нибудь бумажку, то натыкал ее на железный наконечник своей палки и относил в мусорный ящик. Палка Сутницкого очень нравилась всем детям. Вместо набалдашника на ней была укреплена раздвижная дощечка, и эту палку можно было превратить в стул на одной ножке. Сутницкий нередко сидел на своей палке где-нибудь посреди двора. Его косматые черные брови насуплены, седые усы хмуро свисают вниз, и он долго сидит, уставившись невидящим взглядом в землю.

Сутницкий один занимал все двенадцать комнат флигеля. Жена его давно умерла, а единственная дочь вышла замуж за англичанина и жила за границей.

Каждый год, зимой, она приезжала на неделю в гости к отцу и привозила своего сына Вилли, краснощекого мальчика в шерстяных носках, который даже в самые лютые морозы ходил с голыми коленками.

Вилли плохо говорил по-русски и играл с одной только Лялей Геннинг.

В бельэтаже, в большой квартире с окнами на улицу, жил богатый меховщик Геннинг. У него была дочка, ровесница Лоры и Марийки. Всем мамашам очень нравилась хорошенькая Ляля. С ее платьиц и кружевных воротничков снимали фасоны.

Она всегда вертелась между взрослыми и прислушивалась к их разговорам. Иногда вдруг, среди игры во дворе, она начинала говорить что-то не совсем понятное:

— Теперь в моде платья из пан-бархата… Булонский лес красивей, чем Сокольники…

Ляля очень гордилась тем, что она играет с англичанином Вилли. Когда он приезжал к своему дедушке, она надевала самое нарядное платье и с

утра уходила к нему в гости. В эти дни она уже не обращала внимания на других детей.

Но стоило Вилли уехать, и Ляля как ни в чем не бывало выходила во двор и вмешивалась в игры.

Марийка не любила Лялю Геннинг. Когда Ляля в первый раз появилась на дворе, Марийка и Лора играли в «классы». Лора прыгала на одной ноге по криво нарисованным квадратам, а Марийка сидела рядом на корточках и, раскачиваясь, приговаривала:

Колдуй, баба, колдуй, дед, Заколдованный билет… Чух-чух, не хочу, Я ошибку закачу…

Это нужно было для того, чтобы Лора «стратила», то есть сделала ошибку.

Лора и в самом деле скоро «стратила»: бросила свое стекло прямо в «пекло». После Лоры была Марийкина очередь. Она старательно прыгала на одной ноге, а Ляля стояла сбоку и наблюдала за игрой. Кончив играть, Марийка спрятала в карман свои «счастливые стекла». Тут Ляля дернула ее за рукав:

— Девочка, я не хотела вам помешать, когда вы играли. Разве вы не видите, что у вас порвался башмак? Подите домой и наденьте другие туфли…

Марийка посмотрела на свой грязный палец,

выглядывавший из дырки, покраснела и отставила ногу назад.

Потом ребята решили играть в «золотые ворота». Когда все стояли в кругу, а Лора скороговоркой считала: «Аты-Баты шли солдаты», — Ляля пошепталась с Вандой Шамборской и вышла из круга. Надувшись и исподлобья глядя на Марийку, она заявила:

— Мамочка мне не разрешает играть с девочкой из кухни…

Ребята посмотрели друг на друга. Все любили играть с Марийкой и никогда не думали о том, что она девочка из кухни.

Разве не она выдумала игру в «быстрый скок», разве не она первая придумала, как шить из лопухов шляпы?

Ванда и Ляля, обнявшись, ушли и сели на скамеечку, а мальчишки вертелись перед ними, боролись и всячески старались себя показать.

Марийка осталась одна. Она отошла в сторону, чтобы никто не видел, что у нее стали мокрые глаза. Но она была так зла, что через минуту ей даже расхотелось плакать. Она сжала кулаки, тряхнула головой и побежала к старой акации; под акацией лежали доски, только сегодня утром привезенные для починки забора.

Из сарая Марийка притащила деревянный ящик, в котором доктору однажды были присланы книги. Она подозвала пробегавшую мимо дворникову Машку, и они вместе положили на ящик самую длинную и самую крепкую доску. Потом они с Машкой сели верхом по концам доски и стали раскачиваться. Они так высоко подлетали кверху, что у них захватывало дух.

— У-ух ты! Ну и качели! — кричала Машка. Одной рукой она крепко держалась за край доски, другой рукой прижимала к груди копченую воблу, которую купила в лавочке для деда.

Когда Машка опускалась к земле, Марийка на другом конце доски подлетала кверху. Она теперь уже не сидела верхом, а стояла на доске. Волосы ее развевались по ветру, щеки горели. Она громко смеялась и то и дело поглядывала на другой конец двора, где вокруг Ляли с Вандой вертелись все ребята.

Лора первая подбежала к старой акации посмотреть, что это еще Марийка придумала и чего они с Машкой так смеются. Вслед за Лорой прибежали и другие ребята. Они столпились вокруг качелей и наперебой просили:

— Марийка, дай немножко покататься!

— Сейчас, сейчас! — кричала Марийка, под-

летая на такую высоту, что было страшно глядеть. — Еще один разок качнемся, а потом всех по очереди, всех по очереди пустим!.. Нам не жалко…

Теперь уже Ляля и Ванда остались на скамеечке одни. Они шептали друг другу на ухо секреты, пожимали плечами, хихикали и притворялись, будто совсем не слышат голосов и хохота, доносящихся из-под старой акации.

Но даже по их спинам Марийка видела, что они никогда не простят ей того, что она переманила к себе всех ребят.

Старики Михельсоны

Изредка Марийка заходила к старикам Михельсонам. Они жили все там же, за часовым магазинчиком, где теперь у окна работал их зять, белокурый человек с толстыми губами. На окне по-прежнему стояли часы с фарфоровой девочкой на качелях.

Вход в квартиру был со двора.

Марийка с опаской заглядывала в калитку, потому что боялась озорных мальчишек бондаря Бобошко.

Их было двое, но они всегда так орали и шумели на своем дворе, что Марийке казалось, будто их целая банда. Стоило ей войти во двор, как они высовывались из-за угла, выскакивали из окошка или прыгали с крыши сарая прямо ей под ноги. Они улюлюкали и оглушительно свистели, засовывая в рот грязные пальцы. Едва живая от страха, Марийка пробегала через двор и, поднявшись на цыпочки, дергала колокольчик у бабушкиной двери.

В маленьких комнатах Михельсонов пахло каким-то особенным, стариковским запахом.

Бабушка, низенькая, сморщенная, на стоптанных каблуках, с животом, подвязанным полотенцем, разрезала на столе ярко-желтую яичную лапшу, которую она разделывала для продажи.

Из соседней комнаты, осторожно ощупывая стенки, выходил старик с неподвижными, мутными глазами, в картузе, глубоко надвинутом на уши.

За последние годы он совсем ослеп и перестал выходить на улицу. Он дремал на стуле у окна, закутанный в бабушкин клетчатый платок, или сидел в часовом магазине у своего зятя, греясь у железной печки и прислушиваясь к разговорам заказчиков.

— Это кто? Зачем пришел? — спрашивал дедушка, услышав Марийкины шаги.

— Абрам, это Маничка, — говорила старуха и подводила к нему Марийку.

Он ощупывал ее плечи, лицо и волосы своими дрожащими пальцами с сиреневыми ногтями, и девочке странно было думать, что этот чужой маленький старичок — ее дедушка.

— Выросла, очень выросла… — говорил дедушка с укоризной, точно в этом была Марийкина вина, и начинал вздыхать и бормотать что-то под нос.

Бабушка всегда была очень рада Марийке и угощала ее куском фаршированной рыбы, или помидорами, или желтым початком кукурузы.

Когда Марийке пора было уходить, бабушка сама провожала ее до ворот. В углах крохотного грязного дворика были навалены большие и малые бочонки. Бондарь Бобошко, лохматый и полупьяный, клепал железные обручи.

Увидев Марийку с бабушкой, мальчишки бондаря бросали им вслед щепки и арбузные корки.

— Эй ты, кучерявый баран! Скажи: кукуруза! — кричали они.

— Подождите, шибенники, вот я вас поймаю, так я вам задам! — говорила бабушка.

Но Марийка отлично видела, что мальчишки все равно ее не боятся, да и сама бабушка, наверно, хорошо знала, что ей, старенькой, с ними не справиться.

Марийка привыкла к тому, что на их улицах — так уж издавна повелось — мальчишки любят дразнить. Все же она спрашивала у бабушки:

— Бабушка, за что это они? Почему?

Но бабушка бормотала что-то непонятное:

— Евреи — великий народ… У них нет своей страны… Разбросаны по всему свету…

И как Марийка ни приставала, она больше

ничего не могла добиться.

По дороге домой Марийка думала о том, почему это так несправедливо устроено: все над тобой смеются, хотя ты не сделал ничего дурного. И маленького черноглазого Джафара, сынишку чистильщика сапог, тоже дразнят обидными словами. А ведь Джафар — самый тихий мальчик на всей улице и никогда никого не трогает.

И Марийка жалела, что она только наполовину русская. Уж лучше быть русской совсем. Тогда бы мальчишки не дразнили ее «кучерявым бараном» и не дергали бы за волосы.

Что такое «война»

Почти каждый день Марийка отправлялась в библиотеку за книгами для себя и для докторши. Под мышкой она держала книги, а в кулаке крепко сжимала записку докторши Елены Матвеевны, где было написано: «Дайте что-нибудь юмористическое» или «Прошу дать увлекательный роман».

Библиотека, находилась на Сергиевской улице, неподалеку от городской тюрьмы. Каждый раз, приближаясь к тюрьме, Марийка переходила на другую сторону. Она боялась усатых городовых, которые расхаживали по панели мимо широких тюремных ворот. Вся библиотека помещалась в одной маленькой комнатке. Детскими книгами были заняты четыре нижние полки. Библиотекарша, барышня со вставным стеклянным глазом, сидела возле книжных полок за высокой стойкой. Ее вставной глаз, красивый и голубой, был неподвижен и всегда устремлен вдаль.

Марийка подходила к стойке и, поднявшись на цыпочки, протягивала библиотекарше записку, измявшуюся в кулаке.

— Что же дать? — говорила библиотекарша и задумчиво смотрела в окошко, как бы желая найти там ответ.

Потом она вытаскивала из-под стойки какую-нибудь специально отложенную книгу и говорила:

— Скажи мадам Мануйловой, что это очень увлекательная вещь. Пусть только она долго не задерживает.

— А тут начала нет, — робко говорила Марийка, раскрывая книгу.

— Поищи начальный листок в середине.

Но Марийка не уходила. Она топталась у стойки, тяжело вздыхала и смотрела умоляющими глазами на библиотекаршу, которая тасовала свои формуляры, как игральные карты.

— Мне тоже дайте какую-нибудь книжку, — говорила наконец Марийка, собравшись с духом.

— Опять тебе книгу? Такая маленькая и так часто меняешь! Я уверена, что ты не читаешь, а только перелистываешь страницы.

Не приподнимаясь с места, библиотекарша протягивала руку назад и брала с ближайшей полки всегда одну и ту же книжку, которая лежала с краю. Это была большая, очень тонкая книжка со стихами под названием «Щелкунчик-прыгунчик

и Кузька-жучок».

— Я ее уже брала, — тихонько говорила Марийка, чувствуя себя немного виноватой.

— Что? Брала? А ну, расскажи содержание…

Марийка торопливо бормотала давно надоевшие стихи из «Щелкунчика-прыгунчика»:

Росянка, жирянка, листы мухоловки… От них нам погибель, от них нам беда…

— Прямо не знаю, что тебе и давать, — разводила руками библиотекарша. — Иди поищи сама на детских полках, да смотри не перепутай книги и расставляй их в том же самом порядке.

Марийке только этого и надо было. Съежившись, чтобы стать как можно незаметней, стараясь не шуршать страницами, она рылась на полках и, вздыхая, откладывала в сторону читанные и перечитанные не один раз книги. Их было не так уж много: несколько книг «Золотой библиотеки» в замасленных переплетах, с которых давным-давно облезла вся позолота, «Сказки кота-мурлыки», «Юркин хуторок» и десяток разрозненных номеров «Светлячка».

В библиотеку часто приходил Митя Легашенко, сын прачки Липы, что жила в одном дворе с Марийкой.

Это был высокий бледный мальчик с большими

оттопыренными ушами. Во дворе Митю дразнили «Каплоухим» и «прачкой». Митя помогал своей матери, прачке Липе, стирать белье и отлично гладил самые тонкие кружева, оборки и рюшки. Когда он развешивал белье на заднем дворе, мальчишки, сидевшие на заборе, кричали ему:

— Каплоухий бабские юбки развешивает! Эй, прачка! Почем берешь за штуку?..

С ребятами Митя не играл, потому что всегда был занят.

В библиотеку он влетал как пуля, проносился мимо барышни со стеклянным глазом прямо к полкам, ворошил все детские книжки, а когда библиотекарша отворачивалась, то подбирался и к полкам, где стояли книги для взрослых.

Библиотекарша на Митю никогда не сердилась. Она хорошо знала его мать, прачку Легашенко, потому что отдавала ей в стирку белье.

Однажды Марийка пришла в библиотеку и долго рылась на книжных полках. Она не отыскала ни одной новой книги и хотела уже уходить, как вдруг услыхала Митин голос.

Митя стоял позади нее и, засунув руки в карманы, презрительно говорил:

— Это разве книга? Вот я раз читал книжку «Дети капитана Гранта»... Это книга так книга,

толстенькая. Страниц, наверно, тыща будет, не меньше.

Марийка посмотрела на него исподлобья и недоверчиво покачала головой.

— Думаешь, вру? — спросил Митя.

— Ясно, врешь. Таких толстых не бывает.

— А вот и бывает. У меня дома и сейчас полный сундук журналов лежит. Тоже, наверно, страниц с тыщу будет… Картинок сколько! И все интересные, про войну. Там и пушки, и атаки на немца, и газ пускают… Вот пойдем сейчас ко мне, я тебе покажу.

— Ну, идем, — сказала Марийка. Ей хотелось посмотреть картинки про войну, о которой все так много говорили: война, война… уехал на войну.

Марийке казалось, что война — это вроде какого-то места, куда уезжают совсем так, как уезжают на Кавказ. Она даже думала, что на войне непременно должны быть горы.

Марийка и Митя вышли из библиотеки.

— А твоя мама не заругает? — спросила Марийка.

— У меня мамка добрая, — сказал Митя. — Она, бывает, и покричит, да отходчива. Отец у нас тоже добрый. Он мне один раз такие санки сколотил, что я на них три зимы подряд катался. Крепкие,

точно каменные… У нас отец на войну забран. Он храбрый, ему «Георгия» дали. Он сколько хочешь может немца убить!

Марийка хорошо помнила Митиного отца, высокого чернобородого плотника Легашенко. Он как-то чинил доктору книжный шкаф, и Марийка с Лорой целый день вертелись у него под ногами. Легашенко был проворный и веселый работник. Рубанок так и ходил у него в руках. В пять минут он вырезал Марийке и Лоре по большой деревянной ложке. В бороде у него всегда торчали золотистые стружки; Легашенко уверял девочек, что он стружки ест.

По кирпичным ступенькам Марийка и Митя спустились в подвал. Дверь, как всегда, была приоткрыта, и из нее валил пар. Марийка переступила через порог и первое время ничего не могла разглядеть. В нос ей ударило горячим запахом щелока, нечистого белья и подпаленного крахмального полотна. Было жарко, как в бане. Склонившись над корытом, Липа стирала белье. Большая и сильная, она так легко выжимала огромную простыню, точно это был носовой платок. Она пела грустную украинскую песню про вербу, которая роняет листья в быструю воду, но, услышав на пороге шаги, оборвала песню на

полуслове.

— Кто? — спросила она, выпрямившись.

— То я, — сказал Митя, — а это Марийка мануйловская за журналами пришла.

— Где тебя чертяки носють! — закричала Липа. — Становись гладь!

Митя подошел к плите, схватил утюг и поплевал на него:

— Да он же совсем холодный. Пусть погреется.

Митя вытащил из сундука кипу журналов в тонких серовато-голубых обложках.

— Видишь, сколько их у меня! Тут тебе и картинки. Интересные. Ты посмотри в пятнадцатом номере, там бумажкой заложено. А я пока сорочки выглажу.

Марийка начала перелистывать журнал. Картинки там были все какие-то странные. На первой попавшейся картинке она увидела большое поле. Впереди стоят винтовки, скрещенные на манер шалашика. Священник с большой бородой стоит перед винтовками и держит в руке крест. А за спиной священника стоят на коленях солдаты. Полное поле солдат, и все на коленях. Под картинкой подпись: «Молебствие перед боем».

На другой странице была нарисована старинная церковь, вся в пламени. «Знаменитая

ратуша города Арраса (Франция), превращенная германскими тяжелыми орудиями в груды развалин», — прочла Марийка.

Марийка перелистывала страницу за страницей. В глазах у нее мелькали пушки, дымящиеся развалины, аэропланы и всадники, несущиеся на конях с поднятыми кверху шашками.

Марийка зевнула. Вот так картинки — одни пушки да солдаты! И что это в них Митька нашел интересного?

Она отвернулась и стала смотреть по сторонам. Липа по-прежнему стирала, опустив в мыльную пену свои большие красные руки.

Митя стоял возле длинной доски, положенной на козлы, с утюгом в руке. Лицо его было мокро от пота. Рубашку он снял. Перед ним, как облако кружевной пены, лежала тончайшая батистовая сорочка. Митя, ловко орудуя утюгом, расправлял на доске плиссированные оборочки и кружевные фестоны. Когда Марийка подошла поближе, она заметила, что голая Митина грудь покрыта какими-то багровыми рубцами.

— Что это у тебя? — спросила Марийка.

— Мозоли. Крахмальные манишки — они, дьяволы, твердые. Если весь не наляжешь грудью на утюг, ни за что не выгладишь. А ты что картинки

не смотришь? Или не нравятся?

Марийка ничего не ответила.

— Нет, ты взгляни в пятнадцатый номер, где у меня бумажкой заложено. Там здорово нарисовано!

Марийка вытащила из кучи журналов 15-й номер, раскрыла страницу, заложенную узкой бумажкой, и наклонилась над картинкой.

Она опять увидела огромное поле. Тут и там взлетали кверху какие-то темные фонтаны. Две сестры милосердия в белых косынках с крестами тащили носилки. На носилках лежало что-то белое, не то подушка, не то мешок. Приглядевшись внимательней, Марийка увидела, что это не мешок и не подушка, а человек или, вернее, обрубок человека, у которого нет ни рук, ни ног. Обрубок был весь забинтован белым. Под рисунком стояла длинная подпись: «Русские сестры милосердия под огнем двенадцатидюймовых орудий, под разрывами шрапнелей и гранат оказывают помощь тяжело раненному французскому солдату. Зарисовка собственного корреспондента».

— Ну что, понравилось? Здорово его обтяпали! — спросил Митя.

Липа тоже заинтересовалась картинкой. Она обтерла фартуком руки, подошла к Марийке и

заглянула через ее плечо.

— «Обтяпали, обтяпали»! — передразнила она сына. — Чем любуешься? Несчастьем? Может, и твоего батьку так обтяпают. Нам от этой войны одно горе, а он любуется…

— Так я что ж… я ничего… — забормотал Митя и начал яростно плевать на раскаленный утюг.

Марийка сидела молча и смотрела на картинку.

Она вдруг представила себе мужа Липы, веселого плотника Легашенко, без рук и без ног, забинтованного в белую марлю, с торчащей кверху черной бородой.

«Как же он будет есть? — подумала Марийка. — Липе придется кормить его с ложечки. Он даже не сможет передвигаться на скамеечке — безрукому ведь нечем оттолкнуться от земли. Липа, наверно, положит его вот на этот сундук. Сундук, правда, короток, но ведь у Легашенко все равно будут отрезаны обе ноги…»

Марийке стало страшно.

Она положила журнал на пол и побежала к порогу. Только сейчас она поняла, куда уехал Легашенко и что это такое — «война».

Саша-переплетчик

Саша-переплетчик был племянником доктора Мануйлова. Называли его переплетчиком для того, чтобы не спутать с племянником Елены Матвеевны, Сашей-студентом. Сашина мать приходилась доктору родной сестрой. У Мануйловых ее называли «бедной Надей». Говорили, что в молодости она была очень красива. Ее хотели выдать за богатого купца, но она отказала ему и вышла замуж по любви за приказчика из мануфактурной лавки. Приказчик скоро умер от чахотки. «Бедная Надя» начала брать шитье на дом. У нее было трое детей: две девочки и старший сын Саша, который работал в переплетной. Он-то и кормил всю семью, потому что «бедная Надя» вот уже два года умирала от рака.

Саше-переплетчику было двадцать два года. Смуглый, с длинными, как у всех Мануйловых, ресницами, он был похож на доктора и в то же время совсем на него не похож. Доктор был всегда какой-то сердитый, хмурый и строгий, а у Саши в глазах точно смешинки прыгали. Марийке казалось, что красивее Саши нет никого на свете.

Докторша всегда посылала за ним, когда нужно было починить электрический звонок, вставить зимние рамы или повесить занавески. Саша-переплетчик был сильный и ловкий парень.

Он охотно делал все, что его просили, но Марийке казалось, что он делает это не всерьез, а точно подсмеиваясь над кем-то.

Саша работал подмастерьем в большой переплетной мастерской, которая помещалась в соседнем доме, тоже принадлежащем Сутницкому. Переплетное заведение Тараканова занимало весь низ этого дома. Сквозь пыльные окна можно было рассмотреть старые книги, грудами лежавшие на подоконниках. А в верхнем этаже этого же дома жила сама Тараканиха. Летом под вечер она сидела на балконе и гадала на картах.

Иногда Саша забегал на кухню к Поле прямо из мастерской, в парусиновом переднике, обляпанном клеем, и с грязными руками.

— А ну-ка, Пелагея Ивановна, — говорил он, — угостите горячим чайком, если есть…

— Как не быть, с утра плита топится…

Поля наливала в свою кружку крепкого, точно пиво, горячего чаю и приносила из буфета кусок белой булки.

— А то пошел бы ты, Сашенька, в столовую, — говорила она, — там сейчас доктор кофей пьют. Ведь ты им не чужой…

— А зачем мне доктор? Живот у меня не болит, руки-ноги тоже на месте, — отшучивался Саша.

В парадные комнаты он ходил только тогда, когда его звали передвинуть какой-нибудь шкаф; разве забежит иной раз к Лоре в детскую, пощелкает по носу ее кукол, перелистает книжку с картинками и снова в кухню. Тут он показывал Марийке китайские тени и «море, корабль, пушки — детские игрушки». Лора тоже прибегала на кухню, и все они поднимали такой шум и беготню, что с полок начинали валиться кастрюли.

Именины Ванды Шамборской

Восемнадцатого июля Ванде Шамборской должно было исполниться десять лет. Уже за две недели до этого дня все дети во дворе только и говорили что о Вандиных именинах. Говорили о том, что Ванде шьют шелковое платье, такое же, как у Ляли только не белое, а голубое, что к именинам Шамборщиха сделает крендель, такой большой, что он не влезет в духовку и его придется отнести к дворничихе в русскую печь, а на сладкое приготовят мороженое «тутти-фрутти» — самое вкусное мороженое на свете (оно и с орехами, и с клубникой, и с апельсинными корочками).

Задолго до именин все дети начали беспокоиться, позовет ли их к себе Ванда или нет.

Толстый Мара и Володька из 35-го номера даже не собирались в гости. Они знали, что Ванда их терпеть не может, потому что они всегда дразнили ее «Ванда-веранда, белобрысая сметанда».

Больше всех волновались Катя и Лиза Макаровы. Мать их была телефонисткой, или, как говорили во дворе, служила «барышней» на теле-

фонной станции.

Катя и Лиза ходили в стареньких, но очень чистеньких платьицах. У них были соломенные шляпки, как у богатых девочек, но летом, чтобы сберечь башмаки, они бегали босиком, как все подвальные, и поэтому боялись, что Ванда их не позовет. Она говорила, что пригласит к себе в гости только самых «приличных» детей.

Марийка была твердо уверена, что ее-то Ванда, уж конечно, не позовет на именины. Ведь там будет Ляля Геннинг, которой не позволяют играть с девочкой из кухни.

Лора заранее приготовила для Ванды подарок. Докторша взяла ее в игрушечный магазин и вместе с ней выбрала фарфоровый кукольный сервиз. В большой розовой коробке лежали крохотные чашечки, сахарница, молочник, чайничек и даже стеклянная вазочка для варенья, завернутая в папиросную бумагу.

— Подумаешь, носятся с этими именинами точно дурень с писаной торбой! — говорила Марийка Машке. — И пусть себе! Они пойдут на именины свои крендели трескать, а мы устроим воробьиные похороны. Верно, Машка?

— Верно, — отвечала Машка, вздыхая.

Ей больше хотелось попробовать именинного

кренделя, чем хоронить дохлого воробья.

Вдруг в самый последний вечер перед именинами, когда Марийка уже укладывалась спать, в кухню прибежала Лора.

— Знаешь, — закричала она еще с порога, — Ванда пригласила тебя на именины! Она сначала не хотела, но я попросила и даже сказала, что одна не пойду. Именины начинаются завтра в шесть часов…

Марийка высунула голову из-за сатиновой занавески.

— Врешь, — сказала она Лоре.

— Честное слово!

— Ну, побожись.

— Ей-богу!

Марийка вылезла из-под одеяда, схватила свое платьишко и стала скорей натягивать его через голову. Она хотела сейчас же бежать в сарай, где мать рубила дрова, и рассказать ей удивительную новость. Но тут дверь со стуком распахнулась, и Поля, согнувшись, вошла в кухню с вязанкой дров на плечах.

— Мама, а меня на именины позвали!

Поля бросила дрова на пол у печки, налила из-под крана кружку воды, напилась и с размаху поставила кружку на стол.

— Ну и жара!.. — Она обтерла рукой потный лоб.

— Мама, скорее выстирай мое полосатое платье. А носки я какие надену? Белые-то ведь с дыркой…

— А и вправду тебя позвали? — спросила Поля.

— Конечно, вправду! — закричала Лора. — Ванда сперва не хотела приглашать, потому что у нее слишком много гостей и почти все девочки. Но я попросила, чтобы Марийку тоже позвали. Ванда и согласилась. И Мару позвали на именины. Он хоть и растяпа, но все-таки мальчик…

— Ну что ж, иди, если зовут, — сказала Поля и спокойно принялась щепать лучину.

Марийка дернула ее за рукав:

— Мама, а подарок?

— Нужен Ванде твой подарок… У нее, наверно, полна комната разных цацок.

— Ну да!.. Все пойдут с подарками, а я безо всего. Лора, а если я подарю Ванде шелковую коробку?

У Марийки ничего не было красивее шелковой коробки. Эту коробку подарила ей соседка-чиновница. Как-то раз у чиновницы сбежал белый ангорский кот, он пропадал трое суток, и его искали по всем соседним дворам, но нигде не могли найти. Марийка развешивала с матерью

белье на чердаке и увидела там ангорского кота, который выскочил из-за печной трубы весь испачканный сажей. Марийка поймала беглеца, отнесла его чиновнице и получила в подарок пустую коробку, обтянутую желтым шелком. Когда-то в этой коробке лежало дорогое печенье «Сильвия». Сладкие крошки застряли в уголках коробки и в дырочках бумажной кружевной салфеточки. Марийка крошки съела, а в коробку сложила все свои богатства: белую фарфоровую баночку из-под цинковой мази, пустой флакон, синее стеклышко, большую черную пуговицу, несколько пробок и узкий листок блестящей глянцевой бумаги, где наверху стоял штамп: «Доктор медицины Г. И. Мануйлов, прием от 7 часов вечера». Этот листок Марийка нашла в кабинете под столом.

На углах коробки висели шелковые кисточки, а на крышке топорщился желтый бант.

— Лора, так ничего, если я подарю Ванде коробку?

— Пустые коробки никто не дарит…

— А если с кисточками?

— Все равно нельзя.

Марийка снова улеглась в постель, но долго не могла заснуть. Она все думала, что бы такое

подарить Ванде, и ничего не могла придумать.

— Разве ж можно без подарка, — вздыхала она. — Шамборщиха-то небось рассердится…

Шамборский был жандармский полковник.

Все дети во дворе боялись его. А еще больше они боялись его толстой крикливой жены. Шамборщиха вмешивалась во все: как хозяйка, ругала дворников за плохо подметенную панель, отчитывала чужих нянек за то, что плохо смотрят за детьми, горничным запрещала во дворе вытряхивать ковры.

Полковник Шамборский, белокурый, худой, с длинным носом, был очень молчаливый человек и ни с кем во дворе не разговаривал.

— Мой папа все может сделать!.. — хвасталась Ванда. — Он кого захочет, того и посадит в тюрьму. Даже Сутницкого может посадить.

Но ребята Ванде не верили. Они все-таки считали, что Сутницкий важней Шамборского.

Поля давно уже храпела, а Марийка лежала рядом и все никак не могла заснуть.

Простыня и тюфяк сбились в сторону, у Марийки болели бока от холодной железной рамки кровати.

«Ну что бы это подарить?.. — думала она. — Что бы это подарить? Уж если шелковая коробка не

годится, так и думать нечего про стеклышки, пробки да пуговицы. Вот разве еще боярышня?»

Марийка приподнялась, спрыгнула с кровати и подбежала к печке. Вытянув руку вперед, она нащупала на заслонке коробок спичек, чиркнула спичкой и зажгла маленький огарок. По стенам запрыгали тени, блеснула медная кастрюля на полке, осветился кусок потолка с темным сырым пятном, похожим на собаку.

Заслонив ладонью огонь, Марийка подошла к шкафчику и выдвинула ящик. Там среди просыпанной соли валялись истрепанные карты, несколько гвоздей и пестрая открытка с боярышней. На голове у боярышни был надет кокошник, разукрашенный самоцветами, на шее в несколько рядов висели яркие бусы. Марийка вынула открытку и поднесла к ней огарок. Тут только стало заметно, что розовое лицо боярышни все засижено мухами, а по кокошнику расплылось жирное пятно.

Нет, не годится такой подарок! Эх, жалко, что бабушки нет в городе! Уж конечно, бабушка отыскала бы в своем сундуке какой-нибудь подарок для Ванды. Но бабушка и дедушка уехали в Минск к своей дочке и, наверно, вернутся не скоро. А может быть, и совсем не вернутся. Марийка

вздохнула, задула свечу и полезла на кровать. Долго она лежала, прислушиваясь к тиканью ходиков, и только под самое утро спохватилась:

— Вот дура я! Надо будет к Саше-переплетчику сходить. Уж он-то, наверное, что-нибудь придумает…

И Марийка сейчас же заснула.

Подарок

Утром Марийка рано встала и, умывшись под краном, хотела сразу же бежать к Саше. Но не тут-то было. Мать заставила ее вынимать косточки из вишен, приготовленных для компота. Марийка сидела с миской на коленях и железной шпилькой вынимала косточки. Пальцы у нее были красные и липкие от вишневого сока. То и дело она посматривала на часы. Маятник ходиков мерно покачивался и скрипел, железные стрелки медленно двигались по картонному циферблату, разрисованному розами. Утюг, привязанный вместо гири, опускался все ниже и ниже. Было уже без четверти одиннадцать. В шесть часов надо идти на именины, а у Марийки еще нет подарка, и она даже не знает, что подарить. Она так беспокоилась, что съела только четыре вишни.

Не успела она покончить с вишнями, как докторша позвала ее в комнаты и велела разыскивать свой кушак от халата. Марийка облазила все углы. Только под конец она догадалась засунуть руку между спинкой и сиденьем дивана и вытащила оттуда кушак.

Потом пришлось сидеть с Лорой, которая не хотела без нее завтракать.

Освободилась Марийка только в час дня и сломя голову помчалась к Саше-переплетчику.

Она выбежала за ворота.

Вот, наконец, и переплетная.

Над головой Марийки скрипела и качалась вывеска на ржавых петлях: «Переплетная мастерская А. Тараканової. Картонажные работы». Ветер гнал по улице бумажки и обрывки афиш.

Проехал на извозчике отец Ванды, жандармский полковник Шамборский. Городовой, стоявший на углу, отдал ему честь.

У Шамборского на коленях лежали пакеты. «Наверно, для именин накуплено», — подумала Марийка.

Она вошла в коридор, заваленный рулонами картона. Из комнаты, где работали картонажницы, доносилась песня. Марийка заглянула в переплетную.

В большой комнате работало восемь переплетчиков.

Марийка вошла в мастерскую.

— А-а, кучерявая… Тебе чего, егоза? — спросил переплетчик Лука Ефимович. Он закручивал винт небольшого металлического пресса и,

подняв свое потное красное лицо, улыбнулся Марийке.

— Я ничего, дяденька, — сказала Марийка, — я к Саше…

— К Саше так к Саше. Принимай, кавалер, барышню, раз в гости пришла…

— Сашка, доктор тебя, дорогого родственничка, на обед приглашает, видишь — девчонку прислал, — пошутил молодой переплетчик Банкин. — Снимай фартук, беги. Полицмейстер и губернатор уже за столом сидят и тебя дожидаются… Да беги же скорей, фрикадельки остынут…

— Придется отказать, я сегодня у архиерея обедаю, — ответил Саша и подмигнул Банкину.

Марийка очень любила ходить в переплетную. Все ей здесь нравилось: и веселые переплетчики, и кислый запах клея, и пол, забросанный обрезками цветной бумаги, и высокие трехногие табуретки, и груды старых лохматых книг, и даже пронзительный скрежет пресса.

— Саша, — зашептала Марийка, — знаешь, какое дело? Сегодня у одной девочки, у Ванды, именины в шесть часов, гостей собирают — видимо-невидимо! И меня тоже позвали, только у меня подарка никакого нет. Ты придумай, Сашенька, чего бы ей подарить.

Саша задумался. Марийка смотрела на него с тревогой.

— Придумать можно. Ты погоди, я сейчас.

Он взял со стола толстую пачку бумаги и подошел к стальной машине с большим колесом сбоку. Саша просунул бумагу в машину и завертел колесо. Огромный нож опустился сверху и перерезал поперек всю пачку бумаги, точно это был ломтик сыра.

Эх, зачем я на свет народился!

Эх, зачем я тебя полюбил —

запел высоким голосом Банкин.

Марийка подошла к Саше и дернула его за рукав.

— Саш, ты придумал? Ведь скоро уже на именины собираться… Там мороженое «тутти-фрутти» будет…

— Да ну? Раз мороженое «хрюти-шмути», значит, надо что-нибудь придумать. Вот что! Сделаем-ка мы ей альбом для стихов. Подойдет?

— Подойдет-то подойдет, а как же мы сделаем?

— Это уж не твоя забота. Вот кончу переплетать книги для прокурора, соберу разноцветной бумаги и такой тебе альбомчик состряпаю, что заглядишься. Твой подарок лучше всех будет…

— Давай работай, Соловьев, хватит лясы точить! — прикрикнул старший мастер, рыжий Смирнов.

Марийка отошла в сторону и оглянулась вокруг. Посреди комнаты стопкой были сложены до самого потолка листы желтого картона. Повсюду на длинных столах стояли деревянные чашки с густым белым клеем, похожим на манную кашу. Переплетчики сидели вдоль стола на высоких трехногих табуретках. Одни раздирали старые книги на части и ножиком обравнивали лохматые края страниц, другие обклеивали картонные переплеты коленкором. Марийка знала, что разорванные страницы снова склеят вместе, но каждый раз, когда она видела, как равнодушно переплетчики раздирают книги на части, ей становилось страшно и жалко их до слез.

Марийка на цыпочках прошла в тот угол, где работал золотопечатник Курбанов. Вот бы кем ей хотелось быть!

Рядом со столом Курбанова стоял шкафчик. Там на деревянных полочках рядами были разложены выпуклые медные буквы, цифры, веночки и разные узоры, которыми украшают переплеты дорогих книг. Были в этом шкафчике и целиком составленные слова. Чаще всего Марийка ви-

дела, как Курбанов печатает золотом одно и то же: «Блокнот», «Меню», «Альбом», «Нотабенэ», «Сувенир».

Вот и сейчас Курбанов выдвинул несколько папок и рылся в них, отыскивая какую-то надпись.

Вытянув шею, Марийка заглянула в шкафчик. Каких только там не было букв! И прямые буквы, и косые, и с завитушками, похожими на виноградные усики. Дальше лежали тяжелые медные лиры, якоря, птички с веточкой в клюве, цветы, пчелки, кораблики и руки с протянутым указательным пальцем.

— Черт!.. — бормотал Курбанов. — Куда этот ять проклятый задевался… Поищи-ка на полу…

Марийка стала шарить на полу. Повсюду валялись обрезки бумаги и коленкора. Вместо буквы ять Марийка нашла под ногами медный восклицательный знак. Он был приплюснут, и Марийка сунула его к себе в карман. Она знала, что Курбанов все равно выбрасывает приплюснутые буквы.

Курбанов взял со стола темно-зеленый сафьяновый переплет, положил на него тоненький листочек золотой бумаги, а на листочек — несколько тяжелых медных букв. Марийка уже знала, что теперь Курбанов положит переплет

под горячий пресс, а когда вытащит его оттуда, то на зеленом сафьяне будут блестеть оттиснутые золотом буквы.

В коридоре послышался визгливый женский голос. Распахнулась дверь, и в мастерскую вошла мадам Тараканова. Это была маленькая женщина с тоненькими ручками и ножками, с крохотной, точно змеиной, головкой, на которой сидела большая черная шляпа. Даже непонятно было, как такая маленькая головка не сгибается под тяжестью этакой огромной шляпы, украшенной множеством перьев, бантов и шпилек.

Тараканова надела на нос пенсне, подбежала к стенке и стала ее рассматривать.

— Все стенки изгадили и заплевали! — закричала она. — Опять Сутницкий жалуется. Завтра бабу пришлю. Она тут уберет и стенки побелит. А ты, Банкин, в тех местах, где обои разлезлись, бумагой подклеишь, возьмешь там в кладовке оберточную. И если замечу, что кто-нибудь стенки пачкает, — расчет. И никаких объяснений!

Переплетчики молчали.

Тараканова раскрыла записную книжку, отыскала в ней что-то и сердито спросила:

— Прокурору книги готовы?

— Соловьев кончает, — ответил мастер Смир-

нов.

Тут Тараканова заметила Марийку, сидевшую в углу на книгах.

— А ты что тут расселась? Стащить что-нибудь хочешь? Пошла вон! Ну, живо!

Марийка выбежала вон, придерживая рукой карман, где лежал восклицательный знак.

«Комман ву портрет ву?»

С трех часов Марийка сидела на окне в коридоре и выглядывала во двор — не идет ли Саша.

«А вдруг он забыл про альбом, а вдруг он не найдет цветной бумаги, а вдруг Тараканиха его куда-нибудь услала?»

Она увидела Сашу, как только он вошел в ворота, и со всех ног побежала ему навстречу:

— Сашенька, принес?

Саша издали помахал ей альбомом.

Альбом был темно-красный коленкоровый, уголки Саша обтянул кожей. Страницы все были из розовой, желтой и зеленой бумаги. Марийка никогда еще не держала в руках такого красивого альбома. Уж теперь не стыдно идти на именины.

На первой страничке Марийка написала: «Дорогой Вандочке на добрую память от Марии Внуковой». Потом она начала наряжаться. Она надела накрахмаленное ситцевое платье-татьянку, чистые белые носки и ярко начищенные ботинки.

— Что ж, одета, как дай бог всякому, — одобрительно сказала Поля, со всех сторон осмотрев

дочь. — Смотри же веди себя как воспитанная, за столом не жадничай и ни с кем не дерись…

— Уже половина шестого! — испугалась Марийка. — Побегу Лору торопить…

Лора стояла в спальне перед зеркальным шкафом и любовалась своим нарядным батистовым платьем, которое все было обшито воланчиками. Через плечо на шелковом шнурке у нее висел вышитый карманчик с крохотным кружевным платочком.

Марийка побежала обратно в кухню.

— Мама, — закричала она еще с порога, — а платочек?

— Какой тебе еще платочек?

— У Лоры в карманчике лежит, и мне тоже нужно. Ведь на именины же…

— Ну, поищи в столе, там лоскуток белый лежал под полотенцем.

— Да не годится лоскуток! Ванда увидит сразу, что это тряпка.

— Вот наказание! Ну ладно уж…

Поля вытащила из сундучка новенький батистовый платочек, обшитый кружевцами.

— Ну, так и быть — бери. Потеряешь — выпорю! Да смотри — груши или вишни будешь есть, рот не обтирай: пятна-то фруктовые не отмываются.

— Марийка, иди скорей! — закричала Катерина. — Лорочка уже давно одемшись, а эта принцесса все никак не вырядится!

Катерина выпустила девочек через парадную дверь. Лора шла впереди, держа обеими руками коробку с чайным сервизом. Она шла очень медленно, потому что боялась споткнуться и уронить коробку. Розовый бант в ее волосах качался, точно пышный цветок. От Лоры пахло духами. Марийка шла позади с альбомом под мышкой и посапывала носом. Она думала, что если очень сильно тянуть в себя свежий горьковатый запах Лориных духов, то хоть часть его перейдет к ней.

Когда они проходили через двор, Володька из 35-го номера, сидевший на заборе, стал дразнить Марийку:

Кучерявый баран, Не ходи по дворам! Там волки живут, Твои патлы оборвут…

Машка, тащившая через двор ведро с водой, остановилась и с завистью посмотрела на Марийку.

Марийка на минутку отстала от Лоры:

— Маш, понюхай, хорошо от меня пахнет?

Машка поставила ведро на землю и приложилась носом к Марийкиной шее.

— Пахнет керосином, — сказала она.

— Это мне мама вчера голову керосином мыла. А духами еще не пахнет?

— Может, и пахнет, да керосином перешибает.

— Ну, я пойду… — сказала Марийка.

— Эх ты, а еще воробья собиралась со мной хоронить…

— Марийка, что ж это ты? Мы опоздаем! — закричала Лора.

Она стояла на крыльце парадного подъезда № 3 и дожидалась Марийки.

— Завтра, Маша, все расскажу, что там будет! — крикнула Марийка и побежала вприпрыжку.

Ей казалось, что она сейчас очень красивая и нарядная. Ей хотелось прыгать, кричать, выдумывать разные игры. Но она чинно, «как воспитанная», поднималась по лестнице следом за Лорой.

Когда девочки вошли в подъезд и стали подниматься по лестнице, Марийку от страха даже затошнило и ладони у нее вспотели. Она сунула альбом под мышку и помахала руками в воздухе, чтобы скорей высохли.

Лора приподнялась на цыпочки и позвонила. Дверь у Шамборских была коричневая. Медная дощечка, ручка, звонок и даже жестяная марка с надписью: «Страховое о-во Саламандра» — все

блестело, как золотое.

Дверь девочкам открыла сама Ванда. Она была в голубом шелковом платье, белобрысые волосы ее были завиты в трубочки — по четыре трубочки на каждом плече.

— Лора пришла! — закричала она. — Теперь не хватает только Сережи и девочек Добрышиных…

— Дорогая Вандочка, поздравляю тебя с днем твоих именин и желаю тебе всего, всего хорошего, — сказала Лора и протянула Ванде коробку с сервизом.

Ванда тут же, в передней, вынула из коробки чайничек и крохотную сахарницу.

— Ах, какая прелесть! Какие малюсенькие чашечки! — закричала Ванда. — Они гораздо меньше тех, что мне подарила в прошлом году мама…

Марийка шагнула вперед и молча протянула Ванде свой красный альбом с уголками, но та была так занята сервизом, что ничего не замечала.

— Возьми, — сказала Марийка, ткнув Ванду альбомом в бок, — это тебе.

Ванда оглянулась.

— Ах, альбом!.. Это сегодня уже четвертый! Спасибо большое.

Она положила альбом на столик и снова за-

нялась чайничком и его голубой крышечкой, которая была не больше двадцатикопеечной монеты.

— Ну, что тебе еще подарили? Покажи! — сказала Лора.

— Идемте.

И девочки побежали в комнаты.

В большой комнате с хрустальной люстрой было много детей. Марийка никого не знала, кроме толстого Мары, который сидел на диване и что-то жевал. Одна щека у него была надута, точно от флюса.

Игры еще не начинались. Дети чинно сидели вдоль стен и разглядывали друг друга. Мальчиков было всего двое — толстый Мара и еще один, незнакомый. Остальные были девочки.

Все они были очень нарядные, в кружевах, воланчиках и бантиках. У одних банты торчали в волосах, у других — на плече, у третьих были шелковые кушаки с бантами, а у одной девочки было целых шесть голубых бантов: один большой — на голове, два поменьше — на плечах, один огромный — на поясе и два совсем маленьких — на лайковых туфельках.

Марийка оробела. У нее не было ни одного банта, и только сейчас она заметила, что башмаки у

нее хотя и ярко начищены, но слишком велики и грубо сшиты, а платье гораздо длиннее, чем у всех девочек. Оглядываясь по сторонам, она искала исчезнувшую куда-то Лору и, не найдя ее нигде, присела в уголке, между волосатой пальмой и большой вазой, которая стояла на тумбочке. На вазе были нарисованы страшные змеи с закрученными хвостами и косоглазые люди в пестрых халатах.

Из столовой вышла шумная толпа мамаш и гувернанток.

— Дети, — сказала черная вертлявая дама с большим ртом и с красной розой в прическе, — мы сейчас устроим маленький концерт. Просим дорогую именинницу продекламировать стишок.

Все захлопали в ладоши.

Ванда вышла на середину комнаты и, дергая кушак своего платья, пролепетала что-то себе под нос об ангеле, который летел по небу и тихую песню пел. Один за другим дети выходили на середину комнаты. Читали они быстро и очень неразборчиво.

В особенности отличился мальчик Гога.

Гога был сын той самой вертлявой дамы, которая устраивала концерт. Дама непременно

хотела, чтобы Гога прочитал детям стихи Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы». Такое длинное стихотворение не всякий-то мальчик запомнит!

Но Гога долго отказывался. Он мычал, мотал головой, отворачивался лицом к стенке, а все гости хлопали в ладоши и кричали:

— Ну, Гога! Гога! Ну!!!

Наконец Гога вышел на середину комнаты. Он был одет в темно-синюю шерстяную матроску, очень длинную и собранную внизу на резинке. Коротенькие штанишки почти совсем не были видны из-под матроски, и Марийке сперва показалось, что Гога вовсе без штанов.

Марийка фыркнула и даже привстала от удивления.

Нет, все-таки штаны были, только очень-очень коротенькие.

Несколько минут Гога стоял и молча теребил на своей матроске галстук. Марийка внимательно смотрела ему в рот. Уж этот-то скажет что-нибудь замечательное!

— Ну, Гогочка, не огорчай маму! — стонала дама с розой.

Наконец Гога раскрыл рот и начал говорить стихи. Марийка опять привстала. По-каковски же он это говорит? Она не понимала ни одного

слова.

— Та-та-та, та-та-та, та-та-та, та-та. Ту-ту-ту, ту-ту-ту, ту-ту-ту, ту… — доносилось с середины комнаты.

Марийка успела пересчитать все хрусталики на люстре, а Гога все татакал и тутукал. Можно было подумать, что во рту у него лежит горячая картофелина и он никак не может ее проглотить.

Марийка закрыла глаза. Она была уверена, что Гога это делает нарочно за то, что к нему так приставали.

Дети зевали, и только взрослые слушали, склонив голову к плечу и сладко улыбаясь. Наконец Гога кончил.

— Молодчина! Прелестно прочел! Какая память!.. — слышалось со всех сторон.

После Гоги выступила Ляля Геннинг и прочла французскую скороговорку. Наверно, Ляля никого не боялась. Она улыбалась, смотрела по сторонам и кончиками пальцев придерживала свою юбочку, точно собиралась танцевать.

Бонжур, мадам Сан-Суси, Комбьен кут сэ сусиси? Си су. Си су сэ сусиси? Се тро шер, мадам Сан-Суси.

Марийке эти стихи понравились больше, чем Гогины. Здесь она поняла хоть одно слово — «ма-

дам», а там не поняла ни одного.

Не успела Ляля кончить, как раздался звонок и пришли новые гости — шестилетний Сережа Ветвицкий со своим отцом. Сережа принес Ванде большой резиновый мяч в красной шелковой сетке с кисточкой.

— Отдай Вандочке свой подарок, — сказал Сереже отец.

Но Сереже так нравился мяч, что он никак не мог с ним расстаться.

— Стыдись, Сережа, ведь это куплено для Вандочки…

Отец присел возле Сережи на корточки и долго шептал ему что-то на ухо — то ласково, то сердито.

Но Сережа не хотел ничего слушать. Когда отец снова попытался отнять у него мяч, он поднял отчаянный рев. Он лег на пол, прикрыл мяч животом и кричал:

— Не дам, не дам! Дураки!..

Так Ванде и не пришлось получить свой подарок. Сережа вскоре запросился домой и унес мяч, положив его в свою шапку.

Начались игры. Марийка все еще сидела в углу за пальмой. Она смотрела, как девочки и мальчики, взявшись за руки, топчутся в хороводе и

поют:

Как у Ванды на именинах Испекли мы каравай Вот такой широты, Вот такой высоты… Каравай, каравай, Кого любишь — выбирай!

Ванда стояла посреди хоровода и думала, кого бы ей выбрать. Вдруг она увидела, что Марийка сидит за пальмой и от нечего делать щиплет волосатый ствол.

— Я выбираю Марийку, — сказала Ванда.

Она привела Марийку за руку и поставила на свое место.

Хоровод завертелся вокруг Марийки.

…Ка-равай, ка-равай,

Кого любишь – выбирай! —

пели дети.

Марийка выбрала крохотную двухлетнюю девчушку, которая с трудом поспевала за хороводом на своих кривых ножках.

— Не хочу больше играть в каравай! — вдруг закричала Ляля, выходя из круга. — Это игра для малышей. Давайте лучше играть в фанты!

Гости расселись на стульях, и Ванда начала обходить их по очереди. Прежде всего она подошла к Гоге.

— Барыня прислала сто рублей. Черного и бело-

го не покупайте, о желтом даже не вспоминайте, «да» и «нет» не говорите, что хотите покупайте, головою не мотайте, смеяться тоже нельзя, — выпалила Ванда скороговоркой.

Гога запыхтел от удовольствия, что его спрашивают самым первым, и приложил палец к губам, боясь, как бы не выронить лишнего слова.

Ванда внимательно осмотрела Гогу с ног до головы и спросила:

— Какого цвета у вас носки?

— Зеленые.

— Не врите, они у вас белые.

— Ванделька, что за выражение! — воскликнула дама с розой.

— Гы-ы… — засмеялся Гога.

— Штраф, с тебя фант! — закричала Ванда.

Гога вытащил из кармана перочинный ножик. Марийка сидела посередине длинной шеренги гостей и с нетерпением ждала, когда дойдет до нее очередь. Уж она-то не сдастся так скоро!

Наконец Ванда подошла к ней:

— Какого цвета у вас носки?

— Сиреневые, — ответила Марийка.

— Вот и не сиреневые, а белые! А какого цвета у вас лицо?

— Синее.

— Ха-ха-ха! Синее! Вы что, разве утопленница?

Ванда никак не могла заставить ее отдать фант. Она злилась и задавала глупые вопросы:

— Какой у вас нос?

— С двумя дырочками.

— Нет, а какого он цвета?

— Телесного.

Ванда так разозлилась, что даже ногой топнула. Марийке стало неловко — ведь все-таки Ванда была именинница. Она решила на первый же вопрос, ответить «нет» и отдала обрадованной Ванде фант — батистовый носовой платочек, который ей дала мать.

Ванда сложила все фанты в вазу, не в ту огромную, с китайцами, а в другую — маленькую, с цветочками. Ванда вынимала из вазы то ножик, то гребенку, то бант и опрашивала: что делать этому фанту?

Дама с розой в прическе завязала себе глаза шарфиком, уселась в кресло и стала назначать какому фанту что делать:

— Этому фанту три раза проскакать на одной ноге вокруг рояля.

— Этому фанту пропеть что-нибудь хорошенькое.

— Этому фанту протанцевать с именинницей

польку.

Наконец Ванда вытащила из вазы маленький носовой платочек.

— Владелец этого фанта должен подойти к господину Шамборскому, — медленно проговорила дама, — и сказать ему приветствие на французском языке.

«Это мне, — подумала Марийка. — Как же так? Я ведь не умею по-французскому…»

Ляля засмеялась и захлопала в ладоши.

— Не отдавайте вещи, пока каждый не исполнит, что ему назначили, — сказала она со злорадством, поглядывая на Марийку.

Поднялся ужасный шум. Лора кричала, что она не хочет петь, девочка в кружевном воротнике плакала и требовала обратно свою брошку, потому что воротник висел у нее на плече и ей было очень неудобно. Только Гога весело скакал на одной ноге вокруг рояля.

А Марийка спряталась опять за пальму.

«Не пойду, — думала она. — Я же не умею по-французскому, ни за что не пойду. Вот как только Ванда отвернется, я выхвачу из вазы свой платочек. Пусть тогда заставят!»

Но Ляля точно отгадала Марийкины мысли. Она схватила вазу со стола и отнесла ее даме с

розой в прическе.

— Нина Петровна, возьмите вазу! Я боюсь, что все фанты растащат…

Марийку вытащили на середину комнаты и стали уговаривать, чтобы она подошла к отцу Ванды и сказала ему: «Комман-ву-портэ ву, мосье?» Это значит: «Как вы поживаете?»

— Попробуй, Марийка, ничего! — сказала Лора.

— Ну, повторяй за мной, ведь это очень легко, — приставала Ляля. — Комман-ву-портэ ву…

Марийке было ужасно стыдно. Все гости смотрели на нее и смеялись. Ей очень не хотелось повторять за Лялей французские слова, но она вспомнила о том, как мать наказывала ей беречь батистовый платочек, и шепотом, про себя, несколько раз повторила: «комман» и «портэ».

Что ж, это и вправду нетрудно. «Портэ» — похоже на «портрет».

— Ну ладно, а где говорить-то? — спросила Марийка.

— В гостиной! Станислав Стефанович в гостиной! — загалдели кругом.

— Идемте!

Марийку повели в гостиную. Чтобы попасть туда, нужно было пройти через столовую. Там уже был накрыт огромный стол. На твердой на-

крахмаленной скатерти стояли закуски, пироги и хрустальные вазы с фруктами. На дворе еще не стемнело, но все лампы были зажжены, и Максимовна, наряженная, как барыня, в синее шерстяное платье, вынимала из буфета стеклянные вазочки для мороженого.

«И вправду уж сделаю, как они хотят, — подумала Марийка, — а то еще Ванда рассердится и не позовет есть мороженое «тутти-фрутти».

Дети остановились у высоких дверей, завешенных зелеными портьерами. За портьерами разговаривали и смеялись взрослые.

«Вот сейчас… Сейчас… — подумала Марийка. — И зачем только я пришла на эти именины! Лучше бы воробья с Машкой на дворе хоронила. Ох! убежать бы!»

Ей стало страшно, как тогда на лестнице.

— Ну, чего же ты стала? Какая смешная! — сказала за ее спиной Ляля Геннинг.

Кто-то легонько подтолкнул Марийку. Она споткнулась, переступила через порог и остановилась, зажмурившись от яркого света.

Гостиная была полна народу. Дамы в шелковых платьях, военные, какие-то старики в чесучовых пиджаках, горничная с большим подносом, уставленным чашками, — все это замелькало в

глазах у Марийки точно карусель.

Все разговоры смолкли. Стало так тихо, будто Марийке в уши напихали ваты; только и было слышно, как в углу за карточным столом кто-то из мужчин щелкает картами, распечатывая новую колоду. В этом углу стоял зеленый стол, и возле него сидел сам Шамборский и еще какие-то важные старики. Один был толстый, краснолицый, в военном мундире с эполетами, обшитыми серебряными макаронами. А других стариков Марийка от страха и не разглядела.

Шамборский сидел к ней спиной. Марийка видела его розовый затылок и белобрысые напомаженные волосы, которые блестели, как мокрые.

«Была не была», — подумала Марийка и, стуча башмаками, подошла к карточному столу и остановилась сбоку.

Все дети двинулись вслед за ней. Они толпились за ее спиной и хихикали.

Дамы заулыбались и поднесли к глазам лорнеты. Ванда подбежала к своей матери и начала ей что-то шептать на ухо.

Марийка стояла молча и тяжело дышала. «Комман, комман, комман», — твердила она про себя, чтобы не забыть.

— Ну, говори же, — толкнул ее кто-то в бок.

Она перекрестила живот маленьким крестиком и тихо, почти шепотом, сказала:

— Комман ву портэ ву, мосье?

Шамборский держал в руке сложенные веером карты и так близко поднес их к носу, точно принюхивался.

— Я пас, — произнес он, обращаясь к толстому старику, сидевшему напротив.

— Говори громче, — шепнули Марийке сзади.

Она еще раз перекрестилась и сказала очень громко и ясно:

— Комман ву портрет ву, мосье?

Шамборский оглянулся и рассеянно сказал «Да-да», а все захохотали, потому что Марийка вместо «портэ» сказала «портрет». Больше всех смеялась Ляля, но Марийка не обращала на это никакого внимания. Она получила обратно носовой платок, а на остальное ей было наплевать. Ей даже сразу стало как-то скучно.

— Идемте в залу! — закричала Ванда. — Я покажу вам свои подарки.

Ванда принесла из детской целый ворох подарков. Тут были различные игры в пестрых картонных коробках, две куклы — одна голая, целлулоидная, другая фарфоровая, в костюме

гимназистки, — рабочий ящик с маленькими ножницами, наперстком, игольником и вязальным крючком, кукольная посуда и четыре альбома для стихов. Ванда начала читать вслух надписи на альбомах:

— «Милая именинница, храни и вспоминай тетю Нэлли», «Ванде Шамборской от Люси Некрашенко», «Вандочке на вечную-вечную память от Лизочки Стекловой».

Тут же, на первой странице, был написан акростих:

Ты хочешь знать, кого люблю я? Его нетрудно угадать. Будь повнимательней, читая, Я больше не могу сказать.

Каждая первая буква в строке была подчеркнута, и если прочитать их подряд сверху вниз, получалось: «тебя».

— «Дорогой Вандочке на добрую память от Марии Внуковой», — прочла Ванда и с недоумением пожала плечами. Она никогда не слыхала такой фамилии.

— Кто же это — Мария Внукова? — спрашивали дети друг у друга.

— Внукова-Лукова! — сказал Гога, и все засмеялись.

Никто из детей не знал этого имени, кроме

Лоры и Марийки. Но Лоры в эту минуту не было в комнате, а Марийка постеснялась сказать, что она-то и есть эта никому не известная Мария Внукова.

Марийка снова села в угол за пальмой. Как же так? Что же теперь делать? Ванда подумает, что Марийка пришла к ней на именины без подарка.

«Сказать ей, что ли?» Сказать почему-то было стыдно.

За столом Марийка все время молчала.

Сейчас же после чая она стала звать Лору домой. Но Лоре совсем не хотелось уходить, и Марийка просидела за пальмой еще целый час. Наконец за Лорой прислали Катерину. Было уже десять часов, а девочек отпустили в гости только до девяти.

На дворе, счищая с липких ладоней волоски, нащипанные с пальмы, Марийка вздохнула и сказала Лоре:

— Лора, а Лора! Ты завтра скажи Ванде, что это я подарила ей красный альбом с уголками. Ладно?

— Ладно, — ответила Лора и кивнула головой.

Она понимала, как это обидно, когда приходишь на именины с подарком, а все думают, что ты ничего не подарил.

Горбатая Вера

Кроме Машки, у Марийки была еще одна подруга — дочь печника Полуцыгана, горбатая Вера. Она жила на заднем дворе. Здесь не было ни акаций, ни зеленых скамеек. Возле ступенек, что вели к Вере, в подвал, громоздились одна на другой в несколько этажей деревянные решетчатые клетки. За решетками клевали пшено жирные нахохлившиеся куры. На каждой клетке висел ярлычок с фамилией хозяина.

Отец Веры, Полуцыган, был искусным мастером, умел складывать маленькие красивые печурки-голландки, которые забирали мало дров и хорошо нагревали квартиру. Слава о Полуцыгане шла по всему городу, и осенью, когда ремонтировались старые печи, у него отбою не было от заказчиков.

В эти дни он возвращался с работы поздно ночью, весь измазанный в желтой глине, а на рассвете опять уходил.

— Золотые руки у нашего печника, — говорили про него во дворе. — Если бы он не запивал, то жил бы припеваючи…

Семья Полуцыгана занимала большую комнату в подвальном помещении. В углу возвышалась огромная замысловатая печь с двумя духовками, котлом для воды и лежанкой. Печка была похожа на дом. Котел для воды со своей выпуклой — медной крышкой торчал над нею, как башня, а тяжелые кованые дверцы духовок были совсем как ворота.

Возле одного из окошек стоял длинный, узкий стол, облитый клеем и забросанный обрезками картона.

Жена печника Наталья клеила за столом аптечные коробки. Наталья была очень высокого роста, костлявая, с длинными руками и ногами. Горбатенькая Вера доставала ей разве что до колен. Наверно, и печку Полуцыган сложил такую большую и высокую, чтобы жене было удобней стряпать.

Мадам Тараканова платила за каждые три коробки по копейке. Когда Полуцыган пил, его семья с утра до поздней ночи клеила коробочки, чтобы заработать себе на хлеб. Получить заказ от Тараканихи было нелегко, и часто недели по две ребята «отдыхали», а Наталья ходила мыть каменные лестницы в парадных подъездах и помогала дворнику пилить дрова. В те дни, когда Тарака-

ниха давала Наталье работу, клеить приходилось не разгибая спины, потому что переплетчица сильно ругалась, если заказ опаздывал.

Горбатая Вера сидела за столом на специально устроенном для нее высоком стуле. Работала она медленно, но очень аккуратно, ее голубые этикетки со словом «аспирин» были всегда ровно наклеены и не обляпаны желтыми пятнами гуммиарабика, как у Сеньки. Сеньке было очень трудно усидеть на одном месте. Чуть ли не каждую минуту он вскакивал со стула и бежал к печке, где у него в баночках варились разные составы и мази, или к окошку, где сох на веревочках огромный воздушный змей. Сеньке было одиннадцать лет, но больше девяти ему никто не давал, такой он был маленький и щупленький. Зимою он ходил в ремесленную школу, где был самым первым учеником. Какой-то гимназист подарил ему толстый старый учебник по химии. Сенька прочел его и с тех пор помешался на разных опытах. Он постоянно возился с самодельными приборами, раздобыл где-то надтреснутую колбу и спиртовку, перегонял воду, получал из сгущенных соляных растворов кристаллы и варил в железных банках какие-то вонючие мази.

Мальчишки прозвали его «инженером Дохля-

тиным», после того как он однажды выудил из канавы утонувшего щенка и целый час сгибал и разгибал его лапки, чтобы оживить утопленника.

Полуцыган строго-настрого запрещал Сеньке возиться с банками и склянками и не раз выбрасывал все его приборы в окошко.

Но через три дня Сенька как ни в чем не бывало опять варил свои вонючие составы, на окошке подвала горела синим пламенем спиртовка, в колбе булькала разноцветная жидкость, и едкий пар поднимался к низкому потолку. Только вместо консервной банки с раствором на окне теперь стояла какая-нибудь пивная бутылка с отбитым горлышком.

Когда Марийка ссорилась с Лорой, она уходила к Вере и сидела у нее с утра до обеда.

— Вот и наша помощница пришла, — приветливо встречала ее Наталья.

Марийке все нравилось в подвале у Полуцыгана. Здесь все было не такое, как у них на кухне. Печка была совсем не похожа на их плиту, а низкий сводчатый потолок подпирался деревянным столбом. Столб был со всех сторон обклеен конфетными бумажками и пестрыми обертками от мыла. Каждый раз, когда Вера находила красивую

бумажку, она наклеивала ее на столб. На втором подоконнике, свободном от Сенькиных приборов, стояли горшки с колючими бородавчатыми кактусами и геранью, или «калачиком», как ее называла Наталья.

Марийка завидовала Вере, что она живет не на кухне у чужих господ, а у себя дома, что у нее есть деревянный столб, который можно оклеивать картинками, и горшки с кактусами и «калачиками».

Марийка подсаживалась к столу рядом с Верой и брала в руки липкую кисточку. Это была хорошая работа — наклеивать на коробочки розовые и голубые этикетки, похожие на большие почтовые марки, совсем не то что чистить кирпичом ножи и вилки.

Свои коробочки Марийка откладывала в сторону, а потом пересчитывала их и с гордостью говорила Наталье:

— На восемнадцать копеек наклеила!

— Ах ты, моя помощница дорогая!

— А у меня, мама, что-то медленно сегодня дело идет, — говорила тоненьким голоском Вера.

— Может, устала, дочка? Так ты передохни немножко. Ты ведь у нас слабенькая…

— Я тоже, мама, передохну, — говорил Сенька

и, сорвавшись с места, бежал к печке помешать свое варево.

— А ты-то с чего? Пяти минут на месте не усидишь, точно на иголках. Другие вон в твои годы уже на заводе подручными работают, а тебя и за коробки не усадишь.

— Мам, так я же клею, вот только сажи подсыплю в банку…

Сенька варил гуталин из сажи, дегтя и какой-то бурой жидкости.

Возвращаясь к столу, весь испачканный в саже, он рассказывал о том, как он наварит целый пуд гуталину и будет продавать его чистильщикам сапог. На вырученные деньги он сможет наварить уже три пуда гуталину и опять его продавать. Денег будет много — он пошлет Веру в Крым лечить горб, матери купит шубейку на лисьем меху, а себе — велосипедный насос.

Велосипедный насос был давнишней мечтой Сеньки. Кто-то сказал ему, что для того, чтобы получить из каменного угля чистейшие алмазы, требуются две вещи: велосипедный насос для накачивания воздуха и температура в тысячу градусов. Вот Сенька и собирался изготовлять алмазы. Кусок каменного угля величиной с тарелку уже давно лежал у него под кроватью. Остановка

была только за насосом. Как только ему удастся раздобыть велосипедный насос, он приладит его к примусу и будет до тех пор подливать керосин и накачивать воздух, пока уголь не накалится до тысячи градусов. Потом нужно уголь залить холодной водой, остудить, и из него получатся настоящие алмазы — каждый величиной с горошину.

Сенька все еще возился у печки, а девочки уже опять мазали клеем этикетки.

— Какой мне сон сегодня чудной приснился! — говорила Вера.

— А ну-ка, расскажи, доченька…

Вере постоянно снилась еда. То она увидит во сне огромный пирог с капустой величиной со стол и ангела, который разрезает пирог на куски и раздает всем детям со двора. Дети толкаются и оттесняют маленькую Веру, и когда доходит до нее очередь, то пирог уже роздан. А то приснится ей жареный гусь, который оживает и удирает с тарелки, когда его собираются съесть…

— Ну, это что за сон! Пироги с капустой… — быстро, не глядя на Веру, говорил Сенька. — Вот мне снится всегда интересное. Один раз приснилось, будто я по воздуху летаю на такой машине, вроде как аэроплан, только без крыльев, и эта

машина может ездить по земле и плыть по воде.

Слова изо рта у Сеньки сыпались, как скороговорка «на дворе трава, на траве дрова»; он был проворный, быстрый и юркий, точно мышь.

— Учить бы тебя надо, — вздыхала Наталья, — в гимназию бы отдать, вышел бы образованный. Так где же нам, когда у нас и так через каждую копейку слезы льются…

Наталья еще ниже наклоняла над столом свое широкое бледное лицо. Она что-то шептала, вздыхала и покачивала головой. Марийке становилось очень жалко Наталью, и она старалась как можно скорее клеить, чтобы заработать для печниковой семьи побольше копеек.

— Ничего, мама, вот я наделаю из угля целый мешок алмазов и разбогатею. Поступлю тогда в гимназию, а коробки аптечные к черту, к черту, в печке их спалю! — торопливо говорил Сенька.

Он подскакивал к столу, мазал одним махом несколько этикеток и бочком, бочком — снова к печке.

Когда Полуцыган не работал, он целые дни проводил в извозчичьем трактире на Рыбной улице. Этот трактир содержал его приятель, бывший печник Иван Иванович.

Бывало так, что Полуцыган не выходил из

трактира Ивана Ивановича по нескольку дней. Наталья к этому привыкла и не беспокоилась.

Однажды, когда Полуцыган не показывался домой больше двух суток, Наталья послала в трактир Веру, чтобы та забрала у отца ключи от сарая. Марийка пошла вместе с Верой.

Рыбная улица, где помещался трактир Ивана Ивановича, была недалеко от дома Сутницкого. Нужно было спуститься с горы и свернуть налево, к вокзалу. Привокзальные улицы были грязные, узкие, с высокими, тесно сдвинутыми домами. Почти в каждом доме здесь помещались трактир, чайная или пивная. На вывесках чаще всего были нарисованы огромные раки и дымящиеся сосиски, а иногда попадались и надписи: «Трактир “Американ”, «Чайная “Уют”, «Восточные закуски».

На булыжной мостовой дребезжали ломовые телеги, к вокзалу тянулся рабочий люд, шло много солдат с сундуками за спиной.

Здесь было очень шумно от грохочущих телег, от паровозных гудков, от брани ломовиков, которые не могли разъехаться на узкой мостовой и нещадно лупили своих взмыленных тощих кляч.

Даже как-то не верилось, что в десяти минутах ходьбы отсюда были широкие улицы, зеркаль-

ные витрины магазинов и цветущие акации на бульварах.

Девочки еще издали увидели трактир Ивана Ивановича.

Перед трактиром стояло много извозчичьих пролеток, и лошади, засунув головы в торбы, жевали овес, дожидаясь своих хозяев. Воробьи целыми стаями прыгали под ногами у лошадей и клевали рассыпанный овес.

Марийка и Вера вошли в трактир. На дворе стоял солнечный день, а здесь горели лампы, на окнах были задернуты темные занавески, и казалось, что уже наступил вечер.

Повсюду за столиками сидели извозчики — огромные краснорожие мужики в синих сборчатых поддевках. Они уписывали солянку, поставив на пол свои засаленные и бурые от пыли цилиндры.

В углу, на деревянном помосте, сидел слепой большеротый парень и играл на гармошке. Девочки с минуту смотрели, как он растягивает гармонику, раскачивается вместе со стулом, морщится и кривит свой огромный рот каждый раз в ту сторону, куда выгибаются мехи его гармошки.

Держась за руки, подруги подошли к высокой стойке, за которой стоял толстый рябой старик

в ситцевой рубашке с расстегнутым воротом. Стойка была завалена разрезанными пополам мелкими дыньками и заставлена влажными и холодными бутылками с черным пивом.

— Иван Иванович, мама спрашивает, или у вас папаша? — спросила Вера.

Иван Иванович, высунувшись из-за стойки, разглядел девочек, выплеснул через их головы на пол остатки пива из толстой стеклянной кружки и молча указал пальцем на соседнюю дверь.

Марийка и Вера вошли в небольшую комнату, куда Иван Иванович пускал только своих постоянных посетителей.

Здесь на деревянной скамейке лежал Полуцыган, а у стола сидели несколько незнакомых людей. Никто из них даже не посмотрел на девочек. Вера и Марийка остановились у дверей.

Закинув голову, Полуцыган говорил:

— …И вот, братцы мои, всякую машину я могу постигнуть. Маленький, бывало, любил я мастерить разные штуки. Таких, как у меня, змеев, мудреных и пригодных к лету, таких голубятен с разными затеями не было ни у кого по всей Культяповке. Хотелось мне учиться, да не пришлось, отдал меня отец в ремесло. Печное дело я изучил довольно прекрасно — печка, она сооружения

нехитрая. Увидел я, что негде тут моим способностям развернуться, и стала тоска меня одолевать. Сынишка мой, Сенька, в меня пошел, тоже все мастерит да выдумывает, а я запрещаю. Учиться ему не придется, так пусть лучше с детства отвыкает… А дочка у меня убогонькая. Упала с лестницы, имея четыре года от роду. Посмотрю я на ее горб — сердце у меня так и защемит. Всю ведь жизнь ей мучиться, да и замуж никто не возьмет через это…

Полуцыган смолк. Его распухшее, обросшее черной щетиной лицо было страшно. Он закрыл глаза, полежал так с минуту, потом опять их открыл и тут заметил девочек, топтавшихся возле двери.

Он вздрогнул и приподнял голову.

— Вам чего тут? — спросил он девочек каким-то не своим голосом.

— Мама послала… — почти шепотом ответила Вера.

— Ну, поди сюда…

Вера подошла и остановилась возле скамейки, выпятив живот, крошечная, большеголовая и большеглазая, с огромным горбом на спине. Она была такая маленькая, что ее лицо приходилось чуть не вровень со скамейкой, на которой лежал

Полуцыган. Печник поднялся и спустил на пол ноги, обмотанные портянками.

— Вот, — сказал он, погладив Веру по волосам, — вот она — моя доченька…

Старик, сидевший у стола, посмотрел на Верин горб.

— Да, действительный факт, — сказал он, отхлебнув из пивной кружки. — Так сказать, физический дефект тела…

Вера стояла, склонившись на правый бок, словно притягиваемая тяжестью горба к земле, и испуганно мигала.

Полуцыган заплакал, опустив лохматую голову на колени.

Марийка еще никогда не видела, как плачут мужчины. Ей стало страшно. Она убежала домой, забралась под кровать и долго там сидела, зажмурив глаза. Ей все еще виделся трактир Ивана Ивановича, извозчики, поставившие на пол свои цилиндры, и плачущий Полуцыган…

Клоун Патапуф из цирка Труцци

Шел крупный теплый дождь.

Марийка, Вера и Сенька босые бегали по двору. Они шлепали по лужам и, запрокидывая головы, ловили раскрытыми ртами дождевые капли.

В луже прыгала большая бурая жаба. Сенька замахнулся на нее камнем.

— Что ты делаешь? — закричала Вера. — Разве позабыл: кто жабу убьет, у того мать помрет?

— Так я ж ее только напугаю…

Загрохотал гром. Где-то на дальнем краю неба блеснула молния.

— Это боженька небо раскрыл и молнию кинул, чтобы черта убить… — задумчиво сказала Вера.

— Вот враки! — закричал Сенька. — Молния получается, когда сталкиваются две тучи.

В это время во двор въехала извозчичья пролетка с мокрым, блестящим от воды поднятым верхом и остановилась у подъезда.

С пролетки спрыгнул высокий мужчина в котелке и в клетчатом пальто. Он снял с облучка два больших чемодана, какие-то странные металлические палки с перекладинами и огромную

железную лейку. Потом он вытащил из коляски девочку, закутанную в одеяло, и на руках перенес ее через лужи в подъезд. Вернувшись обратно, он стал расплачиваться с извозчиком. Марийка и Вера подошли поближе и во все глаза смотрели на некрасивую, черную, как галка, девочку, которая неподвижно стояла, завернутая в одеяло, точно в плащ. Зеленая железная лейка, стоявшая рядом, была так велика, что носик ее приходился как раз над головой девочки.

— Вот так леечка! — зашептала Марийка на ухо подруге. — Побольше, чем наш самовар…

Девочка опустила темные ресницы и закричала сердитым птичьим голосом:

— Папа, иди скорей!

Человек в клетчатом пальто взбежал на крыльцо, стряхнул с себя дождевые брызги, взял в одну руку чемодан, в другую — лейку и стал подниматься наверх. Девочка сунула себе металлические палки под мышку и пошла вслед за ним, волоча одеяло по ступенькам.

— Новые жильцы в шестую квартиру переехали, — сказал Сенька. — Еще вчера дворник говорил, что к Сметаниным жилец приедет…

— Он, наверно, садовник, — заметила Марийка, — только почему у него лейка такая

большая?

— Это чтобы поливать деревья, — уверенно сказал Сенька. — А палки видали? Вроде как бы для удочек. А в чемодане у него что-то гремело железное. Может, у него там и велосипедный насос есть…

Вечером все дети узнали от дворниковой Машки замечательную новость: в квартиру к Сметаниным переехал клоун, который представляет в цирке Труцци. Это про него во всех афишах написано — Патапуф.

На следующий день во дворе только и было разговоров что о клоуне.

— Я был с мамой в цирке, — говорил толстый Мара, — и ничего там особенного нет. Там был один клоун, и у него в носу зажигалась лампочка… А за пазухой у него была настоящая белая крыса, которую он бросал в публику. И эта крыса попала в одну старушку. Старушка ка-ак закричит. А крыса-то, оказывается, была из ваты…

— И не стыдно так брехать! — укоризненно сказал Сенька. — Как может зажигаться в носу лампочка? Ведь провода туда не протянешь.

Мара был известный врунишка, и ему не верили даже тогда, когда он говорил правду.

Ребята увидели Митю, шагавшего с корзиной

на голове.

— Вон прачка идет! — закричала Машка.

— Каплоухий, кому белье несешь?

— Сметаниным, — ответил Митя.

Все его окружили:

— К Сметаниным клоун переехал!

— У него лейка огромной величины…

— И в чемодане что-то звенит, а девочка в одеяло завернута…

— Он в цирке служит…

— Ты, как пойдешь к Сметаниным, осмотри все как есть и нам расскажи…

— Ладно, — сказал Митя, — посмотрю. Ну, пустите, а то у меня делов еще много…

Он вошел в подъезд, поднялся во второй этаж и позвонил у дверей квартиры № 6. Все ребята со двора проводили его до самого порога этой квартиры.

Дверь приоткрылась, пропустила Митю и снова захлопнулась за ним. Митя вышел обратно минут через двадцать. Пустую корзину он надел на голову, как шляпу.

— Ну что?

— Чего ты так долго?

— Видел лейку?

— А клоуна видел? — спрашивали ребята.

— Видел. Я со Сметанихой в кухне белье пересчитывал, а клоун этот входит со сковородкой в руке…

— А сковородка большая? — перебила Марийка.

— Да погоди ты, не перебивай! Входит он, значит, со сковородкой в руке и говорит: «Позвольте, мадам, на вашей плите зажарить яичницу для моей дочки…»

— Яичницу! — ахнула Машка.

— Нет, ты скажи лучше, какая сковородка, — допытывалась Марийка.

— Вот пристала! Ну самая обыкновенная сковородка, — ответил Митя. — И вот, значит, ставит этот клоун эту самую сковородку на плиту и начинает жарить яичницу. Шесть яиц разбил — видно, богатый…

— А потом что было? — спросила Марийка.

— Да ничего, зажарил и ушел.

Митя забарабанил пальцами по корзине и побежал к себе на задний двор. Так от него больше ничего и не добились.

На следующий день, когда Марийка и Лора вышли погулять во двор, они увидели дочку клоуна. Некрасивая смуглая девочка в красном пальто с пелеринкой стояла возле крыльца.

— Смотри, — зашептала Марийка Лоре. Темные глаза девочки глядели сердито. Она не обращала на Марийку и Лору никакого внимания. Те присели на скамейку.

— У нее лаковые туфли, — прошептала Лора.

Из подъезда вышла докторша Елена Матвеевна.

— Мама, ты куда? — закричала Лора.

— За покупками, — ответила Елена Матвеевна и остановилась, заметив девочку в красном пальто.

— Как тебя зовут, детка? — спросила она, наклонившись к девочке.

— Стэлла.

— Я тебя никогда не видела.

— Мы только вчера приехали.

— Откуда же?

— Из Киева.

— Ах, какие у тебя чудесные ресницы! — воскликнула докторша. — А ну, закрой глазки…

— Они постоянно лезут в глаза и очень колются… — сказала Стэлла, не глядя на докторшу.

Елена Матвеевна посмотрела на Лору и Марийку. Они сидели, обнявшись, на скамейке и шептались, исподлобья поглядывая на дочку клоуна.

— Лорочка, иди сюда, познакомься со Стэллочкой, вот тебе будет новая подруга.

Лора подошла к Стэлле и протянула ей руку. Елена Матвеевна кивнула девочкам головой и направилась к воротам.

— Девочка, вы умеете прыгать через скакалку? — спросила Лора.

— Я такими глупостями не занимаюсь, — строго ответила Стэлла.

— А чем вы занимаетесь?

— Я занимаюсь хозяйством. И потом, папа учит меня акробатике.

— А зачем вы привезли железные палки? — спросила Марийка.

— Это заграничные раздвижные ходули, — сказала Стэлла и отошла в сторону.

Марийка и Лора пошли за ней. Им очень хотелось расспросить про заграничные раздвижные ходули и про цирк. Но Стэлла, насвистывая, прошлась один раз под акациями, потом повернулась и ушла домой.

Через полчаса она снова вышла во двор. Поверх красного пальто у нее на ремне висела через плечо маленькая дорожная сумочка из желтой кожи, а в руке она держала проволочную корзинку для провизии.

Стэлла искоса поглядела на девочек и прошла мимо них к воротам. В карманах ее пальто звенели деньги.

Марийка и Лора побежали к воротам и увидели, что Стэлла повернула направо и пошла вниз по бульвару на главную улицу.

— Ишь, деньги в кармане звенят, как у большой, — с завистью сказала Лора.

Девочка с заграничным именем

Все дети во дворе гордились тем, что к ним в дом переехала настоящая девочка из цирка. Наверно, во всем городе не было второй девочки с таким красивым заграничным именем, девочки, которая носила бы красное пальто с пелеринкой, широкий гранатовый браслет у самого локтя и умела бы отдавать ногою честь.

Даже Ляля Геннинг и та не выдержала. Она нацепила себе на руку вместо браслета нитку кораллов и попросила, чтобы с этих пор все дети во дворе называли ее не Лялей, а «Лилли».

Стэлла бывала во дворе редко. Утром она ходила в лавки и занималась акробатикой, а по вечерам отправлялась с отцом в цирк. Все дети знали, что Стэлла сама хозяйничает и на обед никогда не готовит супа, а только жарит колбасу или оладьи с вареньем. Они часто видели в окне второго этажа Стэллу в голубом переднике. Насвистывая вальс, Стэлла чистила на подоконнике ягоды или перемывала чашки.

Во дворе Стэлла играла только с мальчишками. Она очень быстро бегала, была сильная, ловкая,

и ей не по вкусу были спокойные игры девчонок.

Марийке очень нравилась Стэлла, но дочка клоуна не обращала на нее никакого внимания до тех пор, пока не произошел один случай.

В тот год лето выдалось очень жаркое. Дворники поливали улицы несколько раз в день, но вода тут же высыхала. В городе появилось множество бешеных собак. По приказу губернатора на углу каждой улицы для собак были выставлены плошки с водой, прикрепленные железными цепочками к тумбам.

Однажды утром, когда Марийка чистила вилки возле своего крыльца, во двор вбежала большая черная собака с опущенным хвостом, язык у нее висел чуть ли не до земли, и одно ухо было разорвано.

— Бешеная! Бешеная! — закричала Ванда и первая бросилась бежать.

Все дети рассыпались в разные стороны, только один толстый, неповоротливый Мара не успел удрать. Он залез на скамейку и визжал так, точно его резали. Собака кинулась прямо на него.

«Сейчас укусит», — подумала Марийка и, размахнувшись что есть силы, бросила в собаку вилкой. Собака взвизгнула, еще больше поджала хвост и повернула к воротам. Тут откуда-то сверху

вдогонку ей полетели огурец, две картофелины и медная пепельница.

Собака с визгом выскочила за калитку. А через минуту с лестницы сбежала Стэлла, путаясь в длинном голубом переднике. Она подобрала пепельницу, щелкнула по лбу Мару, который все еще стоял на скамейке и ревел, а Марийке крикнула:

— Послушай, как тебя зовут?

— Марийка.

— Ты молодчина, Марийка, что не испугалась. Собака-то, пожалуй, и вправду была бешеная…

Через час с улицы прибежала Машка и рассказала, что в соседнем дворе большая черная собака покусала двух девочек. Все решили, что это та самая.

А на другой день после случая с собакой Стэлла вдруг позвала Марийку к себе в гости.

В комнатах у Стэллы все было не похоже на то, что привыкла видеть Марийка в других домах.

На стенах висели большие пестрые афиши.

С Е Г О Д Н Я
ГРАНДИОЗНОЕ
ЦИРКОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
КОНЮШНЯ ВИЛЛИАМА ТРУЦЦИ

БОКС АВСТРАЛИЙСКОГО КЕНГУРУ С ЧЕЛОВЕКОМ

в антрактах знаменитый клоун

ЛЮБИМЕЦ ПУБЛИКИ ПАТАПУФ

— Видишь, это мой папа — любимец публики, — указала Стэлла на последнюю строчку.

— А что это такое — «в антрактах»? — спросила Марийка.

— Это когда зажигают свет и устраивают перерыв. Неужели ты никогда не была в цирке?

— Нет.

— Не может быть! Ни разу? — сказала Стэлла. — Ну ладно, я тебя как-нибудь возьму с собой.

Под потолком в комнате у клоуна раскачивались кольца для гимнастических упражнений, на стульях были навалены зеленые и рыжие парики, панталоны с разноцветными штанинами и высокие шляпы всех цветов и размеров, которые Стэлла называла «цилиндрами».

Над кроватью висел большой портрет. Темноглазая кудрявая женщина в пышной газовой юбочке сидела на белом коне.

— Это моя мама, — сказала Стэлла, — она была наездница… — И, немного помолчав, добавила: — Мама разбилась насмерть, когда проделывала

один трудный номер. Она упала с лошади на полном скаку. Я и сама хотела стать наездницей, но папа не позволяет, поэтому я готовлюсь на акробатку. Вот, смотри…

Стэлла стащила с себя платье и осталась в черных трусиках и красной вязаной фуфайке. Она натерла ладони каким-то белым порошком, разбежалась, ухватилась за кольца и начала на них кувыркаться. Она качалась то на одной руке, то на другой, стояла в кольцах, как на полу, и наконец повисла вниз головой, совсем не держась руками. Потом она спрыгнула на пол и отерла пот с покрасневшего лица.

— Здорово ты кувыркаешься! — сказала Марийка с восхищением.

— Что ты! Это ведь самые простые упражнения. Вот погоди, я тебе сейчас что-то покажу.

Стэлла просунула в кольца толстую палку, а посередине палки укрепила кожаную петлю. Потом она разбежалась, подпрыгнула кверху и вдруг повисла на петле, уцепившись за нее зубами, словно собака.

Марийка смотрела, раскрыв от удивления рот.

— Хочешь попробовать? — спросила Стэлла. — Это совсем нетрудно. Нужно только не разжимать зубов.

— Я не смогу, — покачала головой Марийка.

— Ну попробуй.

Марийка взяла в рот кожаную петлю. Она была соленая, и от нее пахло сапогом.

— Нет, я не могу, — сказала Марийка, отплевываясь, — у меня и так болит молочный зуб…

— Ну, тогда попробуй перекувыркнуться в кольцах.

Стэлла заколола булавкой Марийкино платье на манер штанов. Ухватившись за кольца, Марийка начала раскачиваться, как на качелях, и перекувыркнулась два раза подряд.

— Ты способная, — похвалила ее Стэлла. — Ну, слезай. Теперь мы будем стряпать обед.

Она надела поверх трусиков свой длинный голубой передник и зажгла керосинку. Стэлла и Марийка нажарили полную сковородку гренков и сварили какао. На сладкое у них были бисквиты с земляничным вареньем. Марийке очень понравилось стряпать такой обед. Это не то что у доктора, где чуть ли не полдня приходится чистить картошку и молоть в мясорубке мясо. Гренки они ели прямо со сковородки, какао Стэлла пила из кастрюльки, а Марийка — из молочника. Молочник потом сполоснули под рукомойником и поставили сохнуть на окно.

Когда Ляля и Ванда узнали, что Марийка побывала в гостях у Стэллы, ела там бисквиты с вареньем и кувыркалась на кольцах, они очень обиделись, что Стэлла позвала в гости Марийку, а не их. Целый день они ходили надутые и все время перешептывались. А в семь часов вечера Марийка увидела, что во двор въехал извозчик и остановился у подъезда Шамборских. Через несколько минут выбежали разряженные Ванда и Ляля, а вслед за ними вышла толстая Шамборщиха. Все они уселись на пролетку и уехали.

— В цирк покатили! — сказала Машка, которая всегда все знала.

На следующее утро, когда Марийка бежала через двор в лавочку к Фельдману, она увидела под старой акацией кучу ребят, столпившихся вокруг Ляли и Ванды. Ляля и Ванда что-то рассказывали, а ребята смеялись. Марийка подошла поближе и прислушалась.

— Подумаешь, есть чего задаваться, — говорила Ляля, — артист… артист… а его все время бьют по щекам и дают ему подзатыльники.

«Про кого это они?» — подумала Марийка.

— Это прямо ужасно, как его били, — сказала Ванда. — Я бы не могла перенести, если бы моего папу так хлестали по щекам.

— И я бы не могла, — сказала Лора.

— Другие артисты представляют, — опять начала Ляля, передернув плечами, — ездят на лошадях, качаются на трапециях, а он только бегает и кричит как дурак. Вот вам и артист!

Вдруг лицо у Ляли вытянулось, она толкнула Ванду плечом и шагнула назад.

Марийка оглянулась.

За спиной у нее стояла Стэлла. Оскалившаяся, с растрепанной челкой, она была похожа на злую, взъерошенную кошку. Она ничего не говорила, а только смотрела на Лялю, не мигая своими пристальными черными глазами. И это было гораздо страшнее, чем если бы она ругалась.

Все дети с визгом бросились врассыпную, и только один Мара, как всегда, не успел удрать.

Стэлла схватила его за шиворот и все так же молча надрала ему уши.

Потом она подтолкнула его в спину коленкой, и он, широко расставив руки, спотыкаясь, полетел по двору, да так быстро, как не бегал никогда в жизни.

Возле самого своего крыльца Мара упал животом на кучу песка и только тут догадался зареветь.

А Стэлла кому-то погрозила кулаком и, опустив

голову, пошла к дому.

Она села на крыльцо и от злости стала стучать по ступеньке каблуками и скручивать жгутом свой носовой платок.

Марийка на цыпочках подошла к Стэлле.

— Они все врут… Ты их не слушай, — сказала она тихонько.

— Нет, не врут, — сказала Стэлла, не глядя на Марийку.

Марийка так и ахнула:

— Ну? А за что ж это его?

— Дура! — закричала Стэлла. — Как ты не понимаешь? Ведь это представление, это нарочно!

Марийка не слишком-то ясно понимала, что такое «представление», но зато она хорошо поняла, что Ляля с Вандой зря обидели Стэллу.

— Ну я ж и говорю, что они дуры, — успокоительно сказала она. — А Маре-то, Маре-то как здорово ты солдатского хлеба задала! Будет помнить!

Стэлла приподнялась и посмотрела на кучу песка, возле которой все еще топтался и всхлипывал Мара.

Она вдруг громко засмеялась и схватила Марийку за руку:

— Пойдем ко мне орехи щелкать.

Марийке нужно было отнести домой лавровый лист для ухи, но она побоялась рассердить Стэллу и пошла к ней щелкать орехи.

«Кем я буду?»

Марийка часто забегала к дочке клоуна.

Каждый раз, как она подходила к двери Патапуфа, она еще издали слышала топот и прыжки. Можно было подумать, что в комнате клоуна скачут и возятся несколько человек, хотя там никого не было, кроме Стэллы.

Последнее время Стэлла все реже и реже выходила во двор.

Тяжело дыша и обливаясь потом, она каждое утро проделывала по двадцать пять стоек на руках, и двадцать пять мельниц, и двадцать пять фликфляков.

«И как ей это не надоест! — думала Марийка, глядя на желтые ладони Стэллы, с которых никогда не сходили мозоли, натертые гимнастическими кольцами. — Сама занимается, ведь ее никто не подгоняет...»

Марийке вспоминалась Лора, которая сидит за низеньким столиком и зевает над раскрытыми тетрадками.

Лора занималась не каждый день, а через день. К ней ходила старенькая учительница. Услышав

ее звонок, Лора всякий раз убегала в ванную и запиралась там на крючок. Учительница по полчаса простаивала перед дверью ванной, то упрашивала Лору, то пугала ее доктором. Лора выходила из засады только в том случае, если ей обещали, что сегодня она не будет писать диктовку. С занятиями по музыке бывало еще хуже: один доктор мог заставить Лору сесть за рояль на пятнадцать минут, чтобы отбарабанить гаммы.

Иногда, глядя на Стэллу, Марийка тоже начинала кувыркаться или ходить на руках.

— Ты очень способная, — говорила Стэлла. — Хочешь, я попрошу папу, чтобы он с тобой занимался?

Однажды, соскочив с колец после удачно сделанного упражнения, Стэлла сказала Марийке:

— Знаешь что? Ты непременно должна учиться у папы акробатике. А когда ты выучишься, мы будем выступать втроем: папа, ты и я. Мы будем называться «Три Сольди три» или «Три Стэллио». Это хорошо получится на афише…

Вдруг девочки услышали какой-то странный звук, похожий на чиханье.

Это Патапуф, лежавший на кровати, давился от смеха.

— Папка, противный! Ты зачем подслушива-

ешь! — закричала Стэлла.

— Поди сюда, чудовище, я тебя поцелую, — сказал Патапуф.

Тут Марийка в первый раз услышала, как Патапуф смеется.

Вернувшись в этот вечер домой, Марийка спросила у Поли:

— Мама, а кем я буду?

Поля месила тесто для пирога.

— Чего? — переспросила она, не поняв.

— Ну, кем я буду, когда вырасту большая? Стэлла будет акробаткой, Лора говорит, что она будет картины рисовать, а я кем буду?

Тесто в квашне сильней зачмокало под руками Поли.

— Подсыпь муки, — сердито приказала она Марийке.

Марийка взяла со стола мешочек с мукой и начала подсыпать в квашню.

— Хватит! Всю муку вытряхнула! — закричала Поля.

Марийка удивленно посмотрела на мать. Она не понимала, почему это Поля так рассердилась.

— Известно, не генеральшей будешь, — вдруг заговорила Поля, — в горничные или в кухарки пойдешь. Вот присматривалась бы, как Катерина

гладит и кружева стирает. Со стиркой да с крахмалом горничным лучше платят. А то, может, удастся на портниху выучиться. Если кто в ученицы возьмет…

Марийке вспомнилась портниха Шурочка, которая по целым неделям шила докторше белье и переделывала старые платья. Это была маленькая женщина с унылым, испуганным лицом, на котором во всю щеку расплылось огромное родимое пятно. С утра и до позднего вечера Шурочка не выходила из «швейной комнаты». Когда Марийка пробегала мимо, она видела, как Шурочка быстро вертит ручку машинки, или ползает по полу над газетными выкройками, или торопливо ест, поставив тарелку, на край швейной машинки и даже не сняв с пальца наперстка.

Нет! Уж лучше в горничные или в кухарки пойти.

Марийка задумалась. Она представляла себе, как она вырастет большая и будет носить такой же, как у Поли, передник, испачканный в муке и масле. Может быть, ей даже придется служить в кухарках у Лоры. Она будет варить суп в этой же самой кастрюле с отломанной ручкой и спать за занавеской с синими петухами.

«Иди, тебя барыня зовет!» — скажет ей горнич-

ная. Она придет в спальню и станет у порога, заложив руки под фартук, а Лора, высунув голову из-под шелкового одеяла, прикажет: «Марийка, сготовь на обед бульон с пирожками и биточки в томате».

Нет, она, пожалуй, назовет ее не Марийкой, а Марией: «Мария, смотри, чтоб не подгорело!»

А что, если и в самом деле поступить в цирк? Надо только почаще делать разные упражнения, чтобы руки и ноги стали гнуться в разные стороны, как у Стэллы.

— А ну-ка, попробую сейчас сделать стойку-березку!

Когда Поля вошла в кухню, она увидела, что Марийка стоит вверх ногами и что вся стенка измазана следами Марийкиных босых пяток.

— Да что ж это такое! — закричала Поля. — Не ребенок, а горечко одно!

В цирке

В одно из воскресений Стэлла сказала Марийке:

— Попроси мать, чтобы она отпустила тебя сегодня вечером. Ты пойдешь с нами в цирк.

Чуть только стемнело, Марийка надела свое праздничное платье-татьянку, начистила башмаки и вышла во двор подождать Стэллу. Ей долго пришлось слоняться под окнами, пока Стэлла наконец не вышла из дома и не окликнула ее:

— Марийка, пора!

Клоун Патапуф уже шагал через двор с чемоданом в руке, Марийка и Стэлла, взявшись за руки, побежали вдогонку.

Они пересекли бульвар, прошли узкий переулочек и вышли на городскую площадь, посреди площади возвышался полотняный купол цирка Шапито. У входа в цирк горели разноцветные лампочки. Возле кассы толпилась публика. Мороженщики, продавцы кваса и вареной кукурузы расхваливали свой товар. Мальчишки топтались у кассы, перешептывались и жадно смотрели на входную дверь.

Патапуф, Стэлла и Марийка обогнули кассу и остановились возле маленькой брезентовой дверцы, висевшей на кожаных петлях. Патапуф дернул какую-то веревочку, и дверь сдвинулась вбок, как штора.

Они вошли внутрь и очутились в темноте. Марийке в нос ударил резкий запах лошадиного пота и сырых опилок.

— Идите в ложу и занимайте места, — сказал Патапуф, исчезая в темноте.

Марийка споткнулась о доску и ушибла коленку.

— Вот растяпа! Ну, держись за меня! — закричала Стэлла.

Они пролезли сквозь какую-то щель и сразу очутились в цирке.

— А вот и ложа для артистов, — сказала Стэлла. — Мы займем самые лучшие места.

Они уселись на красных бархатных стульях возле барьера.

Марийка оглянулась по сторонам.

Залитый светом цирк был полон народу. Посреди круглой арены красовалась огромная лира, причудливо выложенная из красного и желтого песка. Эта лира была похожа на ту, что Марийка видела на крышке докторского рояля.

Оркестр заиграл марш. Послышалось хлопанье бича, и на арену выбежали десять черных лошадей. Лошади присели на задние ноги и, выгибая шеи, начали кланяться публике. На голове у каждой лошади качался пучок белых перьев, похожий на метелку для смахивания пыли.

— А вот и дрессировщик Батино, — сказала Стэлла.

Мужчина в черном бархатном костюме стоял посреди арены и щелкал длинным-предлинным бичом. На ногах у него были надеты высокие сапоги с такими огромными отворотами, какие носил только маркиз Карабас из Лориной книжки «Кот в сапогах».

Дрессированные лошади танцевали польку. Они в одну минуту растоптали своими копытами лиру, выложенную на песке с таким искусством.

— Зачем их выпустили? — сказала Марийка. — Так было красиво посыпано песком, а они все испортили!

— Завтра сделают новую лиру, — успокоила ее Стэлла.

Лошади прыгали через барьер, танцевали вальс и становились на дыбы. Шерсть на них была расчесана шашечками.

Не успели лошади убежать с арены, как послы-

шался чей-то крик и бряцанье железа. Откуда-то появился длинный худой клоун в пестром балахоне. На цепи он тащил за собой огромную зеленую лейку и во все горло что-то орал. Публика встретила его хохотом.

— Это папа. Ты узнала его? — спросила Стэлла.

Марийка с недоумением смотрела на этого шумного размалеванного человека, который был так не похож на молчаливого Патапуфа. Широкий рот его был оскален, а на рыжем парике каким-то чудом держался крохотный красный цилиндр, величиной не более стакана.

Клоун затеял драку с цирковым служителем. Тот все время удирал, а Патапуф гонялся за ним по арене. Наконец он поймал циркового служителя и начал поливать ему голову из лейки.

Вдруг прибежал новый клоун. Он обсыпал Патапуфа мукой и сажей, разбил на его голове тарелку и, наконец, принялся хлестать его по лицу. Звонкие пощечины гулко отдавались под сводами цирка.

— За что его бьют? — спросила Марийка.

— Этот клоун не может придумать ничего интересного, кроме пощечин. Это по-нарочному, чтобы публике было смешно. Папа говорит, что ему почти совсем не больно. Он мажет щеки

вазелином.

Публика в самом деле хохотала, а пощечины так и сыпались на Патапуфа.

Потом выступила укротительница зверей. Это была белокурая дама в газовом платье, обсыпанном блестками. На каждой руке у нее было по четыре браслета, в ушах, на груди и на лбу переливались драгоценные камни, и вся она так ярко сверкала, что больно было смотреть. Марийка никогда еще не видела такой нарядной и красивой дамы. Даже туфельки у нее были золотые. Вокруг укротительницы с лаем, хрюканьем и блеяньем прыгали дрессированные звери. Здесь была свинья с розовым шелковым седлом, украшенным бантами, собаки в юбочках и шляпках, наряженные барынями, и коза, запряженная в маленькую колясочку.

Потом по арене носились наездницы в пышных юбочках и со звездами в кудрях. Потом вышли японцы, которые вытягивали изо рта ленты и живых голубей.

Весь цирк так и сиял огнями. Наверху играла веселая музыка.

Марийка тихонько вздохнула.

А она-то еще думала поступить на работу в цирк! Где ей! Здесь все такие нарядные. Даже

цирковой служитель, который убирает с арены ковер, и тот одет в костюм с золотым позументом. Такого костюма нет даже у самого доктора. А какие все красивые…

Нет, видно, уж и в самом деле ей придется пойти в кухарки.

Лора поступает в гимназию

Все лето Лора занималась с учительницей. Эта же старенькая учительница готовила к экзаменам в гимназию и Ванду с Лялей. Лора хоть и не любила заниматься, но все-таки постоянно хвасталась тем, что скоро она будет гимназисткой.

— Знаешь, — говорила она Марийке, — в гимназии ужасно интересно. У входа стоит швейцар в ливрее с золотом и распахивает дверь перед каждой гимназисткой. И все девочки одеты в коричневую форму. Я попрошу папу, чтобы меня никто не провожал, я буду сама ходить в гимназию…

Марийка очень завидовала Лоре. Она знала, что ей-то в гимназии учиться не придется.

В августе портниха Шурочка сшила Лоре форму — шерстяное коричневое платье с высоким воротником и четыре передника: три черных для каждого дня и один парадный, из белого батиста с кружевом. Пятнадцатого августа Лора, Ванда и Ляля должны были пойти на экзамен. Целые дни они ходили вместе и говорили только об экзаменах. Лора очень боялась, что она не выдержит и

тогда ей нельзя будет носить форму. Она ахала больше всех и последнее время даже перестала прятаться от учительницы в ванную. Она говорила, что если ей дадут решать задачу с трубами, из которых выливается вода, то она обязательно провалится.

А Ляля совсем не боялась экзамена и говорила, что все это ерунда и нечего трусить, потому что их учительница приходится двоюродной сестрой начальнице гимназии.

Наконец наступило пятнадцатое августа. Лору разбудили в восемь часов утра, и Елена Матвеевна, нарядная, в черном платье и черных перчатках, сама повела ее на экзамен. Марийка побежала за ними до угла, и когда возвращалась обратно, то встретила Шамборщиху, которая вела на экзамен Ванду с Лялей. Ляля была в белом шелковом платье, с распущенными локонами. Ванда шла, держась за руку матери. Лицо у нее было заплаканное, она тихонько всхлипывала.

Лора вернулась с экзамена в двенадцать часов дня. Вся красная от радости, она прибежала в кухню и бросилась к Марийке, которая сидела на корточках и чистила картошку.

— Слава богу! Слава богу! — закричала Лора и закружилась на одном месте. — Все было ужасно

легко. По арифметике задачи не задавали, только пример. А потом спросили восемью восемь — шестьдесят четыре и велели прочитать из хрестоматии. И диктовка была очень коротенькая…

— Значит, выдержала? — не выпуская из рук картофеля, спросила Марийка.

— Выдержала, — сказала Лора. — Знаешь, там была одна девочка, — когда ей велели решить пример на доске, она заплакала и стала проситься домой. Было ужасно смешно…

Через несколько дней Лоре купили сумку для книг, коричневую, с блестящим замочком и маленьким ключиком, новенькие учебники, тетради и пенал.

Пенал был деревянный, с лакированной выдвижной крышкой, разрисованной бабочками и цветами.

В пенале, между тоненькими перегородками, лежали карандаши, перья, резинка и ручка.

Вечером, когда Марийка вошла в детскую, она увидела, что Лора сидит за столиком и, низко наклонившись, что-то пишет.

Марийка подошла поближе.

Высунув кончик языка, Лора старательно надписывала на голубой обложке тетради: «Для русского языка ученицы старшего приготови-

тельного класса Л. Мануйловой».

Тут же на столике лежало штук десять надписанных тетрадей.

— Зачем тебе столько? — спросила Марийка.

— А так. Пусть лежат про запас.

Марийка посмотрела на блестящий лакированный пенал, из которого Лора вытаскивала резинку, на новую сумку, на стопку тетрадей и, повернувшись на каблуках, выбежала из детской.

Наступил первый день занятий.

Сколько Лора ни плакала и ни просила, чтобы ей позволили ходить в гимназию без провожатых, доктор и слышать об этом не хотел.

Утром первого сентября Ванда, Ляля и Лора с сумками в руках вышли во двор. Все они были в новеньких коричневых платьях и черных передниках. Смеясь, они побежали к воротам, а сзади их догоняла Катерина.

Марийка, Машка и горбатая Вера смотрели им вслед.

— Ну, теперь они еще выше нос задерут, — сказала Машка, сплюнув сквозь зубы. — Особенно эта Лялька, кукла лупоглазая…

Лора вернулась домой через три часа. До позднего вечера она не снимала форму, и если бы ей

позволили, то она бы и за обедом сидела с сумкой в руках.

Она, захлебываясь, рассказывала про то, что Ванду и Лялю посадили вместе, а ее — с одной незнакомой, но очень хорошей девочкой. Рассказывала про молебен, который отслужил батюшка в большом зале, про классную даму, которую гимназистки прозвали «акулой», потому что у нее изо рта торчат два зуба, и про какую-то дочь генерала Милочку, которую привозят в гимназию в шарабане.

Каждый день Катерина будила Лору в восемь часов и отводила ее в гимназию. Теперь по утрам Марийку уже не звали в детскую для того, чтобы Лора скорей вставала, и ей не случалось уже, как раньше, пить горячее какао вместе с Лорой за беленьким столиком.

Как-то раз докторша Елена Матвеевна велела Марийке отнести в гимназию Лорин завтрак. Лора забыла в детской на столе пакетик с бутербродами.

Женская гимназия помещалась на Филимоновской улице, в трехэтажном доме, облицованном желтыми кафлями. Издали казалось, что дом сделан из сливочной помадки.

«Какой вкусный дом! — подумала Марийка. —

Его даже хочется полизать языком».

Она поднялась на высокое крыльцо, украшенное двумя каменными львами, похожими на пуделей.

Марийка нерешительно остановилась перед стеклянной дверью, за которой стоял старый швейцар в фуражке, обшитой позументом.

Швейцар читал газету и не замечал Марийку. Она потянула тяжелую дверь.

— Тебе чего надо? — спросил швейцар, увидев на пороге маленькую фигурку в потертой кацавейке.

— Я, дяденька, завтрак принесла Мануйловой Лоре. Знаете, такая рыженькая…

— Много тут рыженьких, — заворчал швейцар. — Ну, ступай в коридор направо, подожди там до звонка…

Марийка на цыпочках прошла в соседний коридор и, прижимая к груди сверток с завтраком, оглянулась по сторонам.

Она стояла в длинном-длинном коридоре, где пол был выложен белыми и голубыми плитками, как в ванной комнате у доктора. По одной стороне коридора помещались белые двери с матовыми стеклами, а по другой — высокие окна без занавесок. Сквозь окна виднелся большой сад

с дорожками, покрытыми облетевшей листвой.

В коридоре было пусто и тихо. Прошла сторожиха с ведрами и тряпкой и покосилась на Марийку, но ничего не сказала.

Из-за ближайшей двери доносились голоса. Марийка тихонько подошла к двери. В углу матового стекла кто-то процарапал пятнышко, сквозь которое все было видно. Марийка увидела несколько рядов черных парт, за которыми сидели девочки в коричневых платьях.

Все девочки смотрели в одну сторону. Марийка скосила глаза и увидела край высокого столика и над ним две руки, державшие раскрытую книгу.

Учительницу Марийке не удалось разглядеть.

В следующей стеклянной двери не было процарапано ни одной дырочки. Сквозь замочную скважину Марийка увидела пустой класс с картиной на стене. На картине была нарисована корова.

А когда Марийка заглянула в третью дверь, она увидела Лору. Лора сидела рядом с другой девочкой, у которой были длинные черные косы. У Лоры были надутые губы. Она зевала над раскрытой тетрадкой, совсем так, как во время занятий со старенькой учительницей.

Вдруг в коридоре заливчато прозвенел звонок.

Не успела Марийка отскочить от двери, как из класса вышла дама в синем платье, а вслед за ней хлынула шумная орава белокурых, русых и темноволосых девочек.

— Марийка! Ты чего сюда пришла? — спросила Лора, подбегая к Марийке. — А, завтрак? Давай!

Она выхватила из рук Марийки сверток, завернутый в салфетку, и побежала в другой конец коридора. Марийка протолкалась к выходу и, с трудом открыв тяжелую дверь, вышла на улицу.

Теперь, когда Лора поступила в гимназию, а Стэлла стала ходить на репетиции в цирк, Марийка еще больше сдружилась с Верой и Машкой. Целыми часами, сидя на дровах у сарая, они разговаривали про то, кто кем будет.

— Я через год на фабрику пойду, — говорила Машка, — дядя Захар Иванович меня на табачную пристроит. Он там сторожем.

— А я, может, вышивать подучусь, надоело коробки клеить, — вздыхала Вера.

— А я в кухарки пойду. Лет пять прослужу, а жалованье буду в копилку прятать. Ни одной копеечки не истрачу. Кухарки ведь на всем готовом живут. А когда накоплю пять полных копилок, то пойду учиться.

— На кого?

— На санитарку или фельдшерицу — буду разные болезни лечить.

— Вот если бы денег побольше найти! — мечтала Вера. — Идешь по улице, глядь — кошелек с деньгами валяется. Сразу бы разбогатели.

Им хотелось стать богатыми, чтобы носить лаковые туфли и батистовые панталоны с кружевами и каждый день по два раза завтракать, обедать и ужинать.

Марийка, Машка и Вера решили, что они должны обязательно найти на улице брошку или, по крайней мере, кошелек с деньгами. Нужно только не зевать по сторонам, а смотреть под ноги; если увидишь под ногами кошелек, то его не надо поднимать на виду у всех. Можно наступить на кошелек ногой или, еще лучше, уронить платок и вместе с ним поднять находку.

В свободное время они целыми часами шатались по улице, заглядывали в канавы и смотрели себе под ноги. Однажды они нашли у ворот своего дома маленькую серебряную серьгу, украшенную цветочком из бирюзы. Машкин дед, старый дворник, сейчас же отобрал находку и дал вместо нее девочкам по пяти копеек на леденцы. А брильянтовых брошек и денег они так и не находили.

Машка говорила, что искать кошелек нужно не

на панели, а на мостовой, где скачут на лошадях богатые офицеры, у которых при быстрой езде может вывалиться из кармана кошелек. Но и на мостовой кошельки не валялись.

Тогда они начинали искать во дворе клад.

— Клады зарыты повсюду. Сколько раз я про них читала! — говорила Марийка. — Не может быть, чтобы Сутницкий не закопал где-нибудь клад…

И они ковыряли землю кухонными ножами и щепками. Они рылись на полянке за сараями и возле помойки, но нигде ничего не находили, кроме фарфоровых черепков и длинных синих дождевых червей.

Видно, нелегко было найти клад, так же как и кошелек с деньгами. Да и разбогатеть не так-то просто.

Рассказы о Питере

Каждое утро еще до рассвета Поля расталкивала Марийку:

— Вставай, дочка, вставай!

Марийка с трудом открывала слипающиеся глаза. Тусклая угольная лампочка разбрасывала по кухне какой-то нечистый свет. За круглым окошком было темно.

— Еще же ночь, — хныкала Марийка, — спать хочется…

— Ну, вставай, живо. Седьмой час в начале; пойдешь со мной на базар. Займешь очередь за мясом, а я к торговкам побегу. Ну и времечко настало, прости господи! Пока чего-нибудь купишь, из сил выбьешься, в очередях дожидаючись…

На дворе было темно и холодно. Падал снег и сейчас же таял под ногами, превращаясь в липкую грязь. Марийка тряслась от холода в своей кацавейке. Руки, отмороженные в прошлом году, начинали чесаться и болеть.

— Ой, рученьки, мама, руки!.. — жаловалась она, догоняя Полю, шагавшую впереди с сумкой под мышкой.

— Опять завыла! Сама виновата, что голыми руками снежки лепишь. Надо бы гусиным жиром смазать, да где его нынче возьмешь…

Марийка кутала руки концами вязаного платка. Распухшие пальцы согревались и начинали чесаться еще больше.

В этот час улица была пустынна, только возле москательной лавки стояло несколько женщин с бидонами в руках. Они топтались на одном месте, чтобы согреться. Старуха, закутанная в платок, дремала на раздвижном стуле, обхватив обеими руками большую бутыль для керосина.

Марийка замечала, как изменился за последнее время город. Город был какой-то тихий, усталый. Многие магазины закрылись, и на их витринах целый день были спущены волнистые железные шторы. Улицы были уже не такие чистые, как раньше. Возле съестных лавок все чаще и чаще выстраивались очереди. Куда-то исчезли почти все извозчики; стало меньше почтальонов и дворников. Наверно, их забрали на войну. Письма теперь разносили женщины.

А в доме у доктора Мануйлова все было по-старому. По-прежнему приходило много больных, по-прежнему докторша наряжалась и принимала гостей, по-прежнему Катерина отводила Лору в

гимназию.

Вот только доктор стал чаще ездить за город и лечить караимов, которые вместо денег платили маслом.

Чуть ли не каждый вечер к Мануйловым приходил племянник Елены Матвеевны — Саша-студент. Он был высокого роста, с очень широкими сросшимися бровями, которые были похожи на маленькие усики. От него всегда пахло духами. Марийке Саша-студент не нравился. Он был большой, а дурашливый — хуже Лоры. Однажды она видела, как он дул коту в ухо. Кот фыркал, мотал головой и старался вырваться из рук студента, но тот его крепко держал и дул в ухо изо всех сил. Марийку Саша-студент называл «эй ты, лохматая». А один раз он протянул ей два стиснутых пальца и велел разнять. Когда Марийка с трудом разжала пальцы, студент показал ей кукиш и засмеялся.

Одно время Саша-студент куда-то исчез и больше не приходил по вечерам к докторше.

— Мама, а где тот студент? — спросила Марийка у Поли.

— На прапорщика поехал учиться.

— А это что — прапорщик?

— Вроде как офицер.

Как-то вечером Марийка услышала в передней звонок и побежала отворять. За дверью стоял военный с широкими бровями, похожими на усики. Это был Саша-студент. Звеня шпорами, он прошел в столовую и бросил свою шинель прямо на диван. Все сбежались в столовую, чтобы посмотреть на нового прапорщика. Лора напялила себе на голову фуражку с кокардой, Катерина ощупывала добротность сукна на шинели, Марийка выглядывала из коридора.

Она думала, что Саша приехал с фронта и сейчас будет рассказывать про войну, про пушки, про атаки… Но Саша говорил только про Киев, про концерты в дворянском собрании в пользу раненых, про кинематографы и театры.

Из кабинета вышел доктор в белом халате и начал трясти Сашину руку.

— Поздравляю, поздравляю, — сказал он. — Что, теперь на фронт?

— Нет, и здесь дела хватит…

— Как, остаешься в тылу?

— Ведь вы, дядя, тоже на фронт не торопитесь… — сказал Саша.

Доктор ничего не ответил Саше и ушел обратно в кабинет.

За ужином все говорили о маскараде, что устра-

ивается завтра в дворянском клубе в пользу раненых.

— Кстати, — вдруг спросил Саша-офицер, — правда ли, что в вашем дворе живет клоун Патапуф?

Марийка, которая слушала Сашины рассказы из коридора, насторожилась.

— Да, Патапуф снимает комнату у Сметаниных, — сказала докторша. — Вчера, когда я шла через двор, он попался мне навстречу и очень вежливо поклонился. У него отличные манеры, и он держится с большим достоинством…

— А вы знаете, какая с ним была история в Киеве? — спросил Саша-офицер. — Нет? Он вывел на цирковую арену собаку в солдатской фуражке, с деревянным ружьем за спиной. Собака стояла на задних лапах; Патапуф положил ей на кончик носа кусок сахару, но не разрешал есть. Когда собака начала падать от усталости, он ей крикнул: «Терпи, терпи! На фронте и не то терпят!» Вдруг выскакивает вторая собака тоже с деревянным ружьем, но в немецкой каске. Патапуф натравил собак друг на дружку, но они сбросили свои ружья и начали обнимать лапами друг друга…

— Братание! — воскликнул доктор. — Ха-ха-ха! Это замечательно остроумно!

— За это остроумие Патапуф просидел целый месяц под арестом. И вы думаете, что он образумился? Ничего подобного… Через неделю его снова посадили за какое-то выступление в Одессе, направленное против престола.

«Вот так Патапуф! — подумала Марийка. — Престол — ведь это на чем сидит царь…»

Она пошла на кухню. Там тоже шел разговор о войне. За столом сидела прачка Липа — мать Мити Легашенко. Она принесла с собой газету.

— Почитай, Марийка, чего пишут, — попросила Липа.

Марийка уселась на табуретку и принялась за чтение.

— «Сводка с Румынского фронта. У Слободзен после неоднократной атаки противнику удалось было потеснить части одного из наших полков, но лихой контратакой окопы были возвращены…

Командир сотни одного из наших казачьих полков лихо атаковал деревню Бордесчи, изрубив тридцать и взяв в плен тридцать пять австрийцев…»

— О боже ж мий, — вздыхала Липа. — Як послухать газету, так у нас одни перемоги[1]. А Ваня

---

[1] Примечания: 1
Победы *(укр.)*.

писал з фронту, що бьють их, дуже бьють…

Дальше в газете был напечатан список убитых и раненых на фронте.

Зажмурив глаза и обхватив голову руками, Липа слушала длинный перечень фамилий.

Марийка читала монотонным голосом:

— «Убиты: прапорщик Гальвидин, поручик Гениус, прапорщик Гринев-Гуманный, прапорщик Михайлов… Умерли от ран: корнет Ахматов, прапорщик Головчанекий, подпоручик Волошин. Контужены: капитан Балаганов, корнет Дмитриев, прапорщик Жук…»

— А Легашенко Ивана не пропустила? — спрашивала каждую минуту Липа.

— Да нет же, тут ведь про солдатов не пишут, это все прапорщики и офицера, — успокаивала ее Поля. — Они про солдатов не печатают. Солдаты — мужицкая кость, один подохнет — десяток других пригонят…

Дверь в кухню распахнулась. На пороге, притопывая валенками, стоял маленький белобрысый старичок с румяными щечками. Это был Катеринин земляк, финн Тайвокайнен — единственный человек, который приходил к ней в гости.

Катерина усадила Тайвокайнена за стол и налила кружку чая, заваренного на яблоке.

Марийка, окончив читать и проводив Липу до дому, вертелась возле стола. Она знала, что старый пекарь и Катерина будут говорить про свою родину, про Петроград, про белые ночи, про ягоду морошку и клюкву, которые не растут на Украине. Ей интересно было про все это послушать.

Тайвокайнен отхлебывал чай и неторопливо говорил:

— Поел бы я пареной брюквы, поел бы… да, поел бы. И отчего это, Катерина Евстигнеевна, здесь брюкву не разводят? Отличная овощ брюква. Да и морошки я восемь лет не ел. С тех пор, как из Питера уехал.

— Побывать бы там хоть еще разок! — вздыхала Катерина и начинала взапуски с Тайвокайненом расписывать Петроград: — Улицы там словно паркетом вымощены, что ни дом, то дворец. И памятники неописуемой красоты всюду понаставлены. А магазины какие, чего там только нет! А в Зимнем дворце живет царь…

— И еще есть там Исаакиевский собор, — добавляла Катерина, — высоты он неописуемой. С вышки даже вашу Финляндию видать…

Марийка слушала, слушала, а потом вмешалась в разговор.

— А во дворец к царю можно попасть? — спро-

сила она.

— Что ты! — замахала на нее руками Катерина. — Там стража кругом понаставлена, простого человека на сто шагов не подпустят.

— Известное дело: до бога далеко и до царя не ближе, — вставила Поля.

— А царь добрый? — не отставала Марийка.

— Кто его знает. До бога высоко, до царя далеко… — отвечала Катерина.

В эту ночь Марийка долго не могла заснуть. Мать лежала рядом с девочкой. Ее большое тело занимало почти всю кровать. Марийка ежилась возле стенки. Она старалась не двигаться, чтобы не побеспокоить мать. Она все думала о далеком городе Петрограде, где ночью так светло, что можно читать газеты, где мостовые вымощены паркетом, где все едят ягоду морошку, где по улицам в карете с гербами ездит царь. И когда Марийка наконец заснула, ей приснились деревянные шахматные кони, запряженные в царскую карету, и царь с золотой короной на голове.

В гостях у переплетчика

Однажды вечером на кухню зашел Саша-переплетчик. Он обещал Марийке и Лоре показать китайские тени. Посреди кухни на веревке повесили Полину простыню. За простыней на табуретке Саша поставил керосиновую лампу. В кухне было полутемно. Лампа отбрасывала на потолок колеблющийся желтый круг. На кровати с распущенными волосами лежала Катерина, а Поля, примостившись рядом, вязала чулок.

Лора и Марийка сидели на высоком сундуке, ожидая представления, и лузгали семечки.

В это время на кухню зашел доктор. Он хмуро посмотрел вокруг и сердито покачал головой.

— Лора, — сказал он, — моментально иди к себе в детскую, пей какао и ложись спать.

Лора спрыгнула с сундука и вышла, надув губы. Катерина села на кровати и начала поправлять волосы. Саша-переплетчик выглянул из-за простыни.

— Здравствуй, — сухо сказал ему доктор, — что это у тебя, Саша, за дурацкая манера торчать на кухне, вместо того чтобы зайти в комнаты! И

Лора из-за тебя сидит здесь в духоте. Пойдем в столовую. Как мама?

— Спасибо, плохо, — ответил Саша.

— Ничего не попишешь! Медицина пока еще бессильна в борьбе с такой болезнью, как рак, — развел руками доктор. — Ну, а что слышно в мастерской? Скоро ли мне пришлют мой «Вестник медицины»?

— Уж и не знаю когда. Мы не работаем вторую неделю. Бастуем.

— Так что, ты теперь отдыхаешь? Ну ладно. Может, заглянешь к нам денька через два? Саша-офицер хотел переплести свои книги. Я ему скажу, чтобы он принес книги сюда.

— Отчего ж, можно и зайти.

Доктор вышел из кухни. Вскоре вслед за ним ушел и Саша, а Поля, выждав, когда смолкли его шаги, сказала Катерине:

— Женщина умирает от раковой болезни, а братцу-доктору хоть бы что. Знает ведь, что Саша как рыба об лед бьется; ну что бы позвать его и сказать: на тебе, дорогой племянник, пятьдесят целковых, купи провизии и одежи к зиме. Да наш скупидон подавится деньгами, а дать не даст. Пускай, мол, живут на произвол жизни… Хоть бы сестру в больницу пристроил на казенный счет…

— Где уж ей в больницу. Ей сочтенные дни жить осталось, — ответила Катерина. — У нее рак уже на левую грудь перешел.

Прослужив у доктора тринадцать лет, Катерина любила показывать свою ученость перед другими кухарками и часто давала советы, что и как надо лечить.

— От ревматизма очень помогает салицилка, а при нервах — бром… А то вот еще есть марганцевый кислый калий…

Марийке давно уж хотелось разузнать поподробней, что это за страшная болезнь — рак. Она представляла себе, как по телу Сашиной матери ползет большой красный рак с длинными клешнями и вгрызается в ее тело.

Наконец Марийке представился случай побывать у Саши. Докторша велела ей сбегать к переплетчику и передать ему, чтобы он вечером зашел посмотреть книги Саши-студента, или офицера, как его теперь называли.

— Ты куда? — окликнула Марийку в коридоре Лора, которая только что пришла из гимназии.

— К Саше-переплетчику.

— Я пойду с тобой, — сказала Лора, — я никогда еще не бывала в гостях у Саши.

— Катерина тебя не пустит.

— А мы скажем ей, что идем к Ванде играть в куклы. Ты беги вперед и жди меня у крыльца.

Лора надела шубку, теплый стеганый капор и калоши и побежала к дверям.

— Лорочка, ты куда? — спросила Катерина. — Рейтузы надела?

— Я к Ванде! — крикнула Лора уже за дверью.

Марийка ждала ее у крыльца. Подняв воротник своей кацавейки и нахохлившись, как воробей, она прыгала на одной ноге, чтобы согреться.

Они вышли за ворота и побежали по бульвару вниз. Улица здесь была гористая, и они бежали во весь дух, перепрыгивая через лужи.

Стояла оттепель. Ветер раскачивал голые ветви акаций, и сверху падал мокрый подтаявший снег.

— Давай немного посидим на скамеечке, — предложила Лора, остановившись, чтобы перевести дух.

— Что ты! Скамейки совсем сырые.

— Ну, на минутку.

Лора присела на мокрую скамейку. Она в первый раз была без взрослых на бульваре, и ей хотелось все испытать. Возле скамейки стояла афишная тумба. Девочки начали читать пестрые объявления.

ТЕАТР МОДЕРН

С 14 января демонстрируется разнохарактерная программа картин:

Военная драма в 4-х частях

УМЕР

БЕДНЯГА В БОЛЬНИЦЕ ВОЕННОЙ

Батальные сцены

ДВЕ КОМИЧЕСКИЕ КАРТИНЫ:

1. Барин, барыня и собака

2. Как немцы выдумали обезьяну

(роскошный киношарж в 2-х частях)

ВСЕ ДОЛЖНЫ ВИДЕТЬ

ПОСЛЕДНИЕ ГАСТРОЛИ ЦИРКА

2 АРТАНИО 2

САМОВАР НА ВЕЛОСИПЕДЕ

ЛЮБИМЕЦ ПУБЛИКИ ПАТАПУФ

и много других номеров

— Господи, — вздохнула Лора, — хоть бы скорей вырасти! Тогда можно будет каждый вечер ходить в цирк или в кинематограф…

Саша-переплетчик жил в четвертом дворе огромного доходного дома купца Осипова. Девочки обошли три двора, показывая каждому встречному бумажку с записанным на ней адресом. Все показывали им дорогу по-разному.

Наконец какой-то старичок-чиновник в черной пелерине, застегивающейся на груди при помощи бронзовой цепочки, объяснил, что нужно идти в четвертый двор и возле автомобильного гаража искать квартиру № 146-а.

Девочки прошли через три грязных двора. Четвертый двор был самый грязный. Большая вонючая лужа стояла посередине, мальчишки выуживали из лужи какие-то щепки. Двор был окружен четырьмя шестиэтажными стенами с бесчисленным множеством тусклых окон. Посреди двора женщина в черной бархатной мантилье играла на скрипке. Тонкий, печальный звук поднимался вверх, к небу.

Возле гаража стоял большой, заляпанный грязью автомобиль. Из-под автомобиля торчали ноги шофера, починявшего что-то внизу. Рядом с гаражом, кроме деревянного сарайчика, не было видно никаких построек, где бы мог жить Саша-переплетчик.

— Где будет квартира № 146-а? — робко спросила Марийка у человека, лежавшего под автомобилем.

Человек зашевелил ногой и глухим, точно выходящим из бочки, голосом крикнул:

— За дровяным сараем!

В самом деле, за дровяным сараем была маленькая пристроечка. Девочки поднялись по деревянной лестнице наверх и перешагнули порог Сашиной квартиры. В первой комнате девочка с длинной черной косой мыла пол. Это была Сашина сестра Аня. Саша сидел на корточках в углу и, разостлав перед собой газету, чистил над ней картошку. Увидев Лору с Марийкой, он очень удивился.

— Вот так гости! — сказал он. — Ну, входите, что ж на пороге стали. У нас тут не кусаются… Раздевайтесь.

— Саша, — сказала Марийка, — доктор просил тебя прийти через час. Студент книги принес.

— Ладно.

Девочки разделись, и Саша повел их во вторую комнату, где на раздвижной койке лежала женщина, закутанная в клетчатый платок.

— Мама, это Лорочка пришла, Григория дочка, — сказал Саша.

Женщина повернула голову, равнодушно посмотрела на девочек и вздохнула. Марийка глядела на нее в оба, но рака нигде не было видно.

Сашина мать, как бы вспомнив что-то, внезапно оживилась.

— Ты какого Григория дочка? — вдруг спросила

больная и приподнялась на локте. — Катиного Григория?

— Ну да, — ответил за Лору Саша.

— Подойди ближе, — кивнула женщина Лоре.

Та нерешительно подошла к койке и стала у изголовья. Больная оглядела нарядное платье Лоры, черный бант в ее рыжих волосах, карманчик с вышитыми мухоморами, висевший на шелковом шнуре через плечо.

— Подойди ближе, не бойся.

Лора придвинулась еще ближе, не выпуская Марийкиной руки.

— Скажи своему папаше, что я скоро умру, — сказала женщина тихо и очень спокойно, как говорят о самых обычных вещах.

— Ну, что это вы, мама, говорите! — сказал Саша. — Ложитесь, ложитесь. Вам вредно сидеть…

И он кивнул девочкам, чтобы они вышли из комнаты.

— Скажите дома, что через часок зайду, — сказал он им на прощанье.

Возвращаясь домой, Марийка спросила Лору:

— Лора, тебе не жалко Сашиной мамы?

— Жалко: она ведь скоро умрет.

— А ты бы попросила папу, чтобы он ее вылечил.

— Во-первых, папа лечит только скарлатину и воспаление легких, а во-вторых, рак неизлечим.

— Как это — неизлечим?

— Он не вылечивается. Да что ты ко мне пристала! Я-то ведь ни при чем, — сказала Лора и надулась.

Она помолчала немного и добавила:

— И вообще я не знаю, зачем ты меня потащила к Саше! Очень мне интересно лазить по разным грязным дворам!

— Я тебя не тащила, ты сама увязалась, — сказала Марийка.

Они молча, надутые и злые, подошли к своему дому и поднялись по черной лестнице.

Катерина стояла на кухне. Лицо у нее было все покрыто пятнами. Она ругалась с Полей.

— Плевать я хотела на тебя и на твоего барина! — кричала Поля, — Была бы шея, а ярмо найдется!

Она быстро толкла сухари в медной ступке. Стук пестика заглушал ее слова.

Увидев девочек на пороге кухни, женщины смолкли, и Поля перестала стучать.

— Где, барышни, прогуливаться изволили? — поджав губы, спросила Катерина.

Девочки молчали.

Поля, грузно ступая, подошла к Марийке и дернула ее за ухо:

— Горечко мое окаянное! Где шатаешься, говори! Докторша в обморок чуть не падает — полный час вас по всем дворам ищем!

Катерина бросилась к Лоре.

— А ноги-то мокрые, захрыстанные! И без гетров ходила! — всплеснула она руками и принялась стаскивать грязные калоши с Лориных ног…

Лору увели в комнаты, раздели догола, напоили малиной, уложили в постель и накрыли двумя ватными одеялами, чтобы пропотела.

А Марийке мать надрала уши, чтобы неповадно было в другой раз таскать за собою хозяйских дочек.

Марийка заплакала. Ей очень хотелось есть, но она не притронулась к обеду.

Постояв с минуту посреди кухни, она, всхлипывая, пошла за занавеску и легла на кровать носом в подушку.

Только здесь, в тесном углу за занавеской с синими петухами, она чувствовала себя дома. Наплакавшись досыта, она хотела было подняться и взять в шкафу кусок хлеба, как вдруг услышала шаги. Кто-то вошел в кухню и начал обтирать ноги о половик.

— Вечер добрый, Пелагея Ивановна, — раздался веселый голос.

«Саша пришел!» — подумала Марийка.

— А что ж это кучерявой не видно? — спросил Саша.

— Обиделась наша принцесса. Мать ее за уши потаскала, — усмехнулась Катерина.

Саша приподнял занавеску и присел на краешек кровати.

— Не плачь, Машенька, — сказал он ласково и погладил Марийку по волосам, — обойдется. Будет и на твоей улице праздник…

Марийка начала сильнее всхлипывать.

— Я ее с собой к вам не звала, она сама увязалась, — пробормотала она, заикаясь от слез, стоявших в горле, — чем же я виновата?

— Ты на мать не сердись, — тихо сказал Саша, — думаешь, ей легко приходится? Ведь она подневольный человек… Ну, хватит реветь, всю кухню в слезах потопишь…

— Саша! — крикнула Катерина. — Идите, вас Григорий Иванович спрашивают. Офицер свои книги принес и вас дожидается.

Саша пошел в комнаты. Через минуту Марийка встала, пригладила волосы и пошла вслед за ним. Ей хотелось быть поближе к Саше, а заодно и

посмотреть, какие книги у офицера.

Докторша лежала на диване с большой желтой грушей в руке. Доктор ходил по комнате, а Саша-офицер сидел за роялем и играл «собачий вальс».

Увидев переплетчика, офицер встал из-за рояля и переложил со стула на стол большую пачку книг, перетянутую бечевкой.

Переплетчик развязал бечевку и начал осматривать растрепанные книжонки в захватанных бумажных обложках.

Оба Саши стояли рядом — Саша-переплетчик и Саша-офицер.

Марийка смотрела на них и думала:

«Наш Саша хоть и попроще одет, а куда лучше. Докторшин Сашка рыжий, и лицо противное. А если бы нашего в военную форму одеть, он бы красивее всех был…»

Для того чтобы подольше не уходить из комнаты, Марийка выдвинула буфетный ящик и притворилась, будто что-то там ищет.

Перебирая книги, Саша-переплетчик читал вслух заглавия. Заглавия были не совсем понятные: «Женщина-сфинкс», «Вальс смерти», «Дневник герцогини», «Убийство в башне Беланкур»…

— Вы все эти книги хотите переплести? — спро-

сил Саша у офицера.

— Все.

— Каждую порознь или все вместе?

— Каждую отдельно.

— В сафьяновые переплеты или в коленкор?

— Пожалуй, в коленкор.

— С золотым тиснением и с уголками?

— Обязательно.

— С кожаными уголками?

— Пожалуй.

Саша сложил книги стопкой, старательно обвязал бечевкой и похлопал ладонью.

— Уж вы простите, господин прапорщик, а я, по правде сказать, думаю, что на такую литературу жалко тратить коленкор.

— То есть как это? — спросил Саша-офицер, краснея. — Ваше дело, мне кажется, переплетать книги, а не судить о них.

Саша-переплетчик улыбнулся.

— Может, и так, — сказал он, — но только мы этакие книжки прямо в макулатуру сваливаем, в угол, а потом продаем лавочникам по копейке за фунт, на завертку селедок.

Переплетчик еще раз хлопнул ладонью по книгам и пошел к дверям. Офицер оторопело смотрел ему вслед и сразу даже не нашелся, что сказать.

— Да как он смеет! Мерзавец! Нахал! Распустили на свою голову! — завизжала докторша, вскочив с дивана.

Доктор молча улыбался.

Марийка с грохотом задвинула буфетный ящик и помчалась на кухню. Она хоть и плохо понимала, о чем спорили в столовой, но ей ясно было, что Саша здорово отделал офицера, которого она не любила.

Зима в подвале

После оттепели опять наступили холода, Полянку всю замело снегом. Старый дворник чуть ли не целый день расчищал панели; Машка и дворничиха помогали ему скалывать лед.

Во дворе было пусто. Подвальные ребята сидели дома, потому что боялись мороза: у кого не было валенок, у кого — полушубков. Дети из верхних этажей проводили дневные часы в гимназии, и только толстый Мара выходил иногда во двор с деревянной лопаткой и салазками.

Поверх заячьей шапки у него был надет башлык, туго перетягивающий его толстые румяные щеки, на ногах — шерстяные рейтузы и резиновые ботики с застежками, на руках — варежки с тесемками, продетыми в рукава. Ему было трудно двигаться в тяжелой, длинной шубе. Стукнет он несколько раз лопаткой по снегу, постоит с минуту у крыльца, вздохнет, оглядит заснеженный двор, полный галок, и пойдет обратно в дом, волоча за собой по каменным ступенькам новенькие салазки.

В свободную минуту Марийка бежала в подвал

к горбатой Вере, которая хворала всю зиму.

Полуцыган вот уже несколько месяцев как работал в военном госпитале. Семье его жилось полегче.

В огромной печке всегда пылал огонь и в чугуне варилась картошка.

Тараканиха давно уже перестала давать работу на дом. Длинная Наталья ходила в военный госпиталь мыть полы.

Больная Вера лежала на кровати, выдвинутой из темного угла к окошку. У Веры болела спина, и поэтому под горб ей подкладывали большую подушку в розовой наволочке.

— Все косточки у меня ноют, — часто жаловалась она тоненьким голоском.

— Доктора бы позвать надо, — угрюмо говорила Наталья. — Вот отец выберется, сходит к Григорию Ивановичу, попросит его зайти.

Вера бывала очень рада, когда к ней приходили Марийка и Машка. Машка рассказывала новости, а Марийка читала вслух какую-нибудь из Лориных книг.

Вера слушала, откинувшись на розовую подушку. В тоненьких пальцах ее мелькал железный крючок. Она вязала кружево из катушечных ниток.

Когда начинало темнеть, возвращался из школы Сенька. Пальтецо у него было расстегнуто нараспашку, глаза блестели. Он бросал книжки на стол и красными отмороженными руками вытаскивал из карманов стеклянные трубки, гвозди, какие-то пузырьки — все, что он наменял в школе.

— Ух ты, до чего ж холодно! Картошка сварилась? А я сейчас в госпиталь к маме забегал. Раненых там сколько! Даже в коридорах кровати стоят: солдаты все забинтованные, стонут. Сестрица Фаина Петровна мне три пузырька подарила, сейчас буду новый опыт делать: берется соляная кислота и нашатырный спирт…

Слова быстро, словно горох, сыпались из Сенькиного рта. Он неумолчно что-то рассказывал, давился горячей картофелиной и, даже не сняв пальто, начинал возиться с опытом у плиты. Машка снимала с печки чугун с картошкой и, ловко слив горячую воду, ставила его на стол.

— Там, на полке, кислая капуста стоит, — говорила Вера.

Ребята уплетали горячую, круто посоленную картошку. Вере ставили ее порцию на стул возле кровати.

— Если б я была богатая, — говорила Машка,

наевшись, — я бы каждый день себе жарила картошку на постном масле. До чего ж это вкусно!

— Теперь не нажаришься, — отвечала Вера, — масло с каждым днем дорожает, ну прямо скачут цены…

Крючок быстро мелькал в ее тоненьких, сухих пальцах, и она была похожа на маленькую рассудительную старушку.

Вечером приходили домой из госпиталя Полуцыган и Наталья. Они приносили в медных котелках кашу или клейкий перловый суп.

— Господи, и что ж это делается на свете! — рассказывала Наталья. — Сегодня опять эшелон раненых привезли. Слепые, глухие, кто без рук, кто без ног… Глядеть на них страшно! Сколько эта война проклятая народу загубила! У нас в четырнадцатой палате один солдатик лежит с простреленным животом. Ну молоденький, прямо мальчик. Мучается, бедняга, третьи сутки, криком кричит. Я там пол мыла… Сама тряпку выкручиваю и плачу…

Как-то в один из таких вечеров Марийка сидела в подвале возле Вериной кровати и мастерила из тряпок куклу.

Вера вязала свое бесконечное кружево. За последнее время она еще больше побледнела и все

чаще жаловалась на боль в спине.

— Марийка, а Марийка, ты что ж сегодня книжку не принесла? — спросила Вера, опуская на одеяло вязанье.

— Принесла, — сказала Марийка. — Я на ней сижу. Сейчас будем читать. Интересная!

Но читать им на этот раз не пришлось. Дверь открылась, и вошли Полуцыган и Наталья.

— Ну, дочка, как дела? — спросил печник у Веры, сунув ей пряник.

— Ничего, помаленьку, — ответила Вера и посмотрела на отца своими большими серьезными глазами.

— А мы сейчас у доктора были. Он обещался сегодня зайти. Посмотрит тебя, лекарства хорошего даст, — сказала Наталья. — Надо хоть пол подмести… Ишь, намусорил, химик несчастный…

Сенька схватил веник и начал подметать.

Прошло полчаса. Доктор не приходил.

Вера сидела на кровати в чистой рубашке и вздрагивала от каждого стука.

— Да что ж это он не идет? — спрашивала она ежеминутно.

— Сбегай, Марийка, домой, погляди, может, гости пришли, — сказала Наталья.

Марийка накинула платок и побежала домой.

Доктор стоял в передней и разговаривал с Сашей-офицером.

— Ты не уходи, — говорил он, надевая калоши, — я сейчас вернусь, только зайду к нашему печнику, посмотрю его девочку.

Марийка выскочила с черного хода и побежала обратно в подвал.

— Идет! Идет! — крикнула она еще с порога. — Он одевается, и чемоданчик уже в руке…

И правда, за дверью скоро послышались шаги. Это доктор осторожно спускался по скользким ступенькам.

Марийка юркнула за лежанку. Она боялась, что если доктор увидит ее в подвале, то сейчас же велит бежать домой.

Полуцыган распахнул дверь.

— Ну, как дела? Покажите-ка вашу больную, — сказал доктор громким веселым голосом.

Он снял шубу и положил ее на табуретку, а чемоданчик с инструментами поставил на стол.

Вера все еще держала вязанье в руке и испуганно улыбалась.

— Снимите рубашку, — сказал доктор.

Наталья торопливо стащила с Веры рубашку. Доктор начал выслушивать Веру через трубочку.

Марийка сидела на корточках за лежанкой. Ей

все было хорошо видно. Она чуть не вскрикнула, когда увидела голый Верин горб, который казался сейчас еще больше, чем под платьем.

— Дыши! Глубже. Еще, — говорил доктор, приложив ухо к трубочке.

Все молчали. Было слышно, как булькает в чугуне картошка и трещит за печкой сверчок.

— Ну что ж, — сказал наконец доктор, — у вашей девочки туберкулез позвоночника, да при этом еще и острое малокровие. Ей необходимо усиленное питание, солнце, песок, Крым. Увы, в наше тяжелое время все это недосягаемо. Я пропишу ей пока мышьяк и железо…

«Как же это так? — подумала Марийка. — Мышьяком ведь крыс морят. А железо разве можно есть?»

И она представила себе, как Вера своими острыми мелкими зубами будет грызть большой ржавый брусок железа. Да разве и поправишься от железа! Вот если б и в самом деле Веру отправили в Крым…

Весь вечер Марийка думала о том, почему это так много на свете больных и бедных людей. Она вспомнила умирающую от рака мать Саши-переплетчика, горбатую Веру, солдата с простреленным животом.

Нет, верно, царь не знает про то, как тяжело живется людям. Иначе бы он им помог.

«А что, если написать царю письмо? Почтальон-то, наверно, к нему ходит в Зимний дворец. Царь прочитает письмо и пришлет Вере денег — ведь у него много».

Назавтра целый день она обдумывала, как написать письмо. Вечером, когда Поля ушла в баню, Марийка присела к кухонному столу и поставила перед собой пузырек с чернилами. В шелковой коробке у нее давно лежал листок, который она подобрала у доктора в кабинете. Царю ведь не напишешь на простой бумаге, разлинованной в клеточку. И она старательно начала писать на узком листке глянцевой бумаги, где наверху стоял штамп: «Доктор медицины Г. И. Мануйлов, прием от 7 часов вечера».

«Дорогой царь», — написала Марийка. Немного поразмыслив, она решила, что царь может обидеться на такое простое обращение, к тому же в сказках царей величали «ваше величество».

Зачеркнув «дорогой царь», она написала: «Ваше величество, уважаемый царь, к вам есть важная просьба. В нашем доме живет одна девочка, Вера Полуцыган. У нее перекривление спины и большой горб. Его можно вылечить, если послать в

Крым, в детскую больницу, но у них нет денег, а все дорожает, потому что военное время. А у меня самой пальтишко никуда не годится и отмороженные руки. Хорошо бы мазать гусиным жиром, но сами знаете, какая дороговизна. А в доме купца Осипова живет одна женщина — у нее раковая болезнь. Прошу тоже обратить внимание. Мария Внукова.

Дом № 14 по Губернаторской улице, город Закрайск».

Письмо Марийка вложила в голубой конверт и наклеила марку. Сверху она надписала большими буквами: «Важное», а внизу помельче: «Петроград, Зимний дворец, передать царю от Марии Внуковой».

Утром она опустила письмо в ящик на углу и стала дожидаться ответа.

Чемодан клоуна Патапуфа

Было воскресенье. Марийка с утра вычистила обувь и рано освободилась. Обед вчера приготовили на два дня, и только в три часа мать собиралась затопить плиту, чтобы его разогреть.

День был пасмурный, непогожий. Круглое оконце все залепило мокрым снегом, и в кухне было совсем темно.

«Схожу-ка к Лоре. Будем с ней шить куклам новые платья», — подумала Марийка.

В детской топилась печка. На маленьком письменном столике, купленном Лоре после ее поступления в гимназию, лежали тетрадки и книги.

Лора и ее две новые подруги-гимназистки сидели на коврике перед раскрытой дверкой печки.

Хорошенькая румяная девочка, с коричневыми, точно изюминки, глазами, рассказывала что-то смешное; Лора и вторая девочка давились от смеха, у Лоры даже выступили слезы на глазах. Увидев Марийку на пороге, они сразу же перестали смеяться.

Румяная девочка подошла к столику, разверну-

ла тетрадку и начала что-то писать.

— Ну, давайте заниматься, — сказала Лора, стараясь не глядеть на Марийку, — нам нужно еще решить пример с квадратными скобками…

Марийка, не сказав ни слова, вышла из детской.

Она постояла с минуту в коридоре, заглянула в швейную комнату, где Катерина пудрилась перед зеркальцем, собираясь идти в церковь.

— Ну и черт с ними! — пробормотала Марийка, тряхнув головой. — Пойду к Стэлле Патапуфовой. Она, наверно, еще не ушла в цирк.

Марийка накинула на плечи платок и побежала к Стэлле.

За дверью у клоуна разговаривали. Слышно было, как звенят о стаканы ложечки.

«Ну, и тут гости», — подумала Марийка, постучавшись.

— Антрэ! — ответил из-за двери голос Патапуфа.

Марийка не знала, что значит «антрэ», и с минуту еще постояла у порога.

— Входите же! — повторил Патапуф.

В комнате у клоуна было как-то по-особенному уютно. Горела лампа, на стенках висели яркие костюмы в блестках и новая ярко-голубая афиша

с огромным слоном, стоявшим на задних ногах; за столом, заставленным сластями, Марийка увидела Патапуфа в пестром халате, а напротив него, спиной к дверям, сидел какой-то человек в черной рубашке. Когда он повернул голову, Марийка узнала Сашу-переплетчика. Она страшно обрадовалась Саше, хотела броситься к нему и спросить, как он попал к клоуну, но тут к ней подбежала Стэлла.

Стэлла, которую Марийка давно не видела, теперь зачесывала челку набок и перевязывала волосы красной лентой. Она уже носила туфли на высоких каблуках и стала похожа на взрослую.

— Марийка, как хорошо, что ты пришла! Я по тебе соскучилась.

Стэлла потащила Марийку к столу, налила ей чаю с лимоном, наложила полное блюдце халвы и конфет.

Еще никогда Марийка не видела Патапуфа таким разговорчивым, как в этот день.

Прихлебывая чай, он рассказывал про разные города и про цирки, где он работал.

— Нет, вы не говорите… Артист — такой же подневольный человек, как и рабочий. Да и зависит он от хозяина не меньше, потому что связан контрактом…

Марийка с любопытством разглядывала пестрый халат клоуна, его руку с длинными ногтями, на которой была вытатуирована лошадиная голова, его бритое худое лицо со складками на щеках.

Когда клоун говорил, он слегка прищуривал один глаз, и от этого казалось, что он над чем-то подсмеивается.

— Вот взять хотя бы меня, — продолжал Патапуф, — я уже с десяти лет работал в манеже вместе с братом и отцом, партерными акробатами. Когда мне было четырнадцать лет, отец и брат умерли в один день от холеры. Это было в Саратове. Товарищи мне сказали, что в Нижнем к ярмарке открывается большой цирк. Недолго думая, я еду зайцем в Нижний и подписываю там свой первый контракт. До этого нам приходилось работать в бродячих труппах и балаганах. А здесь был большой, настоящий цирк. Сказать по правде, я вначале перед каждым выступлением себя не помнил от страха. А вдруг, думаю, осканда-люсь! Репетировал, упражнялся до седьмого пота. Помню, однажды утром пришел я на репетицию в цирк и только было надел трико, как вдруг подходит ко мне директор цирка Морозов.

«Бери, — говорит, — братец, лопату да помоги

там чистить конюшню…»

Я сразу не понял.

«То есть как же это? — спрашиваю. — Ведь я же акробат…»

«А так. Раз контракт подписал, значит, обязан исполнять все пункты».

А я контракта как следует и не читал. Оказывается, там написано, что я, акробат Брозио (тогда меня еще не Патапуфом звали, это имя я позже себе придумал), обязан убирать манеж, чистить конюшню, складывать ковер, словом, делать все, чего от меня потребует хозяин.

Ну ладно, взял я лопату: чистить так чистить. Это еще полбеды. Хуже было то, что наш директор тяжел был на руку. Чуть что — подзатыльник. Ну, раз я не выдержал и хвать его шамбарьером — знаете, такой длинный хлыст, которым лошадей гоняют… Ну, и выперли меня, конечно, из цирка, не заплатив ни гроша…

Саша внимательно слушал рассказ клоуна. Лицо у него было серьезное и как бы чем-то озабоченное. Он совсем не смотрел на Марийку, хотя она сидела рядом.

«Уж не рассердился ли он на меня?» — подумала Марийка.

— Вы, наверно, всю Россию исколесили? —

негромко спросил Саша клоуна. — С этаким характером долго на месте не удержишься.

— Это правильно. Мы со Стэллой как птицы перелетные. Если что не по нас — чемоданы под мышку, и были таковы. Верно, девочка?

Стэлла тряхнула головой.

Напившись чаю, Марийка со Стэллой встали из-за стола.

— А я не знала, что наш Саша к вам ходит, — сказала Марийка Стэлле на ухо.

— Его с папой фельдшерица Анна Ивановна познакомила. Знаешь, такая высокая, стриженая… — зашептала Стэлла, чтобы отец не услышал.

Но клоуну было не до того. Наклонившись через стол, он тихо разговаривал с Сашей.

— Ну какие могут быть разговоры? Понятно, у меня не найдут. Тащите сюда скорее…

Саша торопливо поднялся из-за стола. «Мне ни словечка не сказал и уже уходит», — подумала Марийка.

Саша точно отгадал ее мысли.

— Я сейчас вернусь, кучерявая, — сказал он и улыбнулся.

Марийке сразу стало веселее.

Саша ушел. Клоун сел бриться, а Стэлла с Марийкой начали убирать со стола посуду.

Минут через пятнадцать Саша вернулся и передал клоуну какой-то небольшой пакет, который тот спрятал в один из своих многочисленных чемоданов.

— Это, знаете, замечательный чемодан, — сказал он, — цирковой, с секретом. Можете не беспокоиться.

Потом Патапуф пошел переодеваться за ширму, а Саша, Стэлла и Марийка опять уселись за стол и принялись есть халву и щелкать орехи.

— А чего это вам наш Саша принес? — спросила Марийка у Стэллы, когда Патапуф и Саша ушли.

— Сама не знаю. Сейчас посмотрим, я ведь знаю, какой в этом чемодане секрет.

Стэлла раскрыла чемодан и, нажав пружинку, вытащила откуда-то из-под клетчатой подкладки пакет. Под оберткой оказалась толстая книга. На переплете стояли золотые буквы: «Сочинения Аксакова».

— Книжка, — разочарованно сказала Марийка.

— Это только сверху Аксаков. Уж я знаю, смотри.

Стэлла развернула книгу. Под переплетом оказалась целая пачка каких-то маленьких листков и тоненьких книжонок.

— Это знаешь что? — зашептала Стэлла. — Это

книжки против царя. Только не говори никому. А то нас всех посадят в тюрьму — и тебя, и меня, и папу, и Сашу твоего…

«Как же так, — подумала Марийка, — Саша прячет книжки против царя, а я послала этому самому царю письмо…»

— Стэлла, — сказала она нерешительно, — как ты думаешь, если бы какая-нибудь девочка послала царю письмо и попросила помочь деньгами, он бы ответил или нет?

— Конечно, нет, — засмеялась Стэлла и, помолчав, добавила: — Да что там девочка! Один раз в Петрограде собрались рабочие и пошли к Зимнему дворцу. Они хотели вызвать царя и рассказать ему, как им тяжело живется. Они сняли шапки и несли впереди иконы и портреты царя. А он побоялся даже выйти на балкон и приказал в них стрелять. Понимаешь, стрелять в безоружных людей, которые шли к нему за помощью! Мне папа про это рассказывал…

Марийка вышла от Стэллы сама не своя. Эх, знала бы она раньше, ни за что бы не посылала письмо царю! Зря только марку извела.

Царя прогнали

Лора и Марийка сидели в спальне на ковре и нанизывали на шелковинку рассыпанные докторшей янтарные бусы. Елена Матвеевна причесывалась перед зеркалом. Девочки нанизывали бусы на одну и ту же нитку с разных концов.

Марийка положила в рот бусину, похожую на яичный желток, и сосала ее, как конфету.

В спальню вошел доктор. Из-под распахнутого пальто у него торчал белый халат. В этот час доктор обычно принимал в больнице.

Елена Матвеевна, отвернувшись от зеркала, удивленно спросила:

— Что случилось, Гришенька? Почему ты сегодня так рано?

Доктор отдышался и сказал очень серьезно:

— Революция. Из Киева сообщают, что царь отрекся от престола.

— Почему из Киева? Разве царь в Киеве? — удивилась Елена Матвеевна.

— Да нет, сообщают из Киева… Весь город об этом уже знает. Ты бы посмотрела, что делается на улицах…

— Папа, что это значит — «отрекся от престола»? — закричала Лора.

Доктор засмеялся:

— Ну как тебе объяснить? Прогнали царя — вот и все.

Марийка от удивления чуть не проглотила бусину.

«Прогнали! Вот здорово! Значит, недаром Саша был против царя…»

В этот день к обеду собралось много гостей. Пили вино и шумели, как на именинах.

В передней почти на всех мужских пальто Марийка увидела красные банты.

Назавтра Поля встала пораньше и побежала в типографию, чтобы достать для доктора газету. Все в доме ждали ее с нетерпением. В газете должно было быть напечатано, как прогнали царя и что делается в Петрограде.

— Ну, принесла газету? — спросила Марийка Полю, когда та вернулась домой.

— Вот, читай скорее, только не вымажь, а то доктор ругаться будет.

Марийка развернула газету, еще пахнувшую типографской краской. Она прочла все столбики, но нигде не нашла ни слова о том, что случилось в Петрограде.

— Все это враки, — сказала Катерина. — Выдумают тоже — царя прогнали! Так он вам и дался в руки, голубчики! Да разве ж можно без царя? Боженька ты, мой, и у гусей вожак бывает…

— Тоже вожак был! Много ли ты от него пользы видела? — сказала Поля.

— Молчи, дурища! Еще кто услышит, так тебе не поздоровится… Давайте газету, пока не смяли.

Приоткрылась кухонная дверь, и в ней показалась голова дворниковой Машки.

Машка держала на руках братишку и делала Марийке какие-то таинственные знаки.

— Чего тебе? — спросила Марийка, выскочив в сени.

— Бежим скорей за ворота революцию смотреть! Все ребята на улицу побежали. Там люди ходят и песни поют…

— Сейчас, я только платок накину.

Марийка вернулась на кухню, схватила висевший на гвоздике вязаный платок и побежала к дверям.

— Ты куда, скаженная? Жакет хоть надень! — крикнула ей вслед Поля.

Но Марийка уже была далеко.

За воротами стояло несколько жильцов, дворник, Полуцыган и прачка Липа.

Тут же вертелись Сенька Полуцыган и Машка. Возле соседних домов тоже стояли кучки людей. Все смотрели в сторону Казачьей улицы.

— Чего они смотрят? — спросила Марийка, ежась от холода.

— Рабочие пошли на Сергиевскую политических из тюрьмы выпускать, — сказал Сенька. — Сколько народу-то — уйма! Ваш Саша-переплетчик впереди всех идет. Скоро они обратно вернутся!

— Цыц, золотко, цыц, серебряное! — успокаивала Машка посиневшего от холода братишку, который ревел во все горло.

— Зачем дитя вытащила? Неси в дом, корова! — прикрикнул дворник.

— Та он же закутанный. Он, дедка, дома все равно сидеть не хочет…

Возле калитки стоял Полуцыган.

— Ну, уж теперь, Иван Дормидоныч, все на другой фасон пойдет… — говорил он дворнику.

— Главное, чтоб войну скорей прикончили. Сколько она, подлая, нашего брата истребила! — сказала Наталья.

Марийка выбежала вслед за Сенькой на середину мостовой и, подпрыгивая на одном месте, чтобы согреться, смотрела вдоль улицы. Эх, хоро-

шо бы побежать на Сергиевскую и посмотреть, как освобождают политических! Да уж холодно очень. Марийка представила себе, как толпа подходит к тюрьме, а впереди толпы — Саша-переплетчик. Как они распахивают кованые тюремные ворота, а из-за решетчатых окон им машут платками политические. Лица у них бледные, а волосы и ногти длинные — в тюрьму отросли. Небось рады-радешеньки, что на волю выпускают.

— Сенька, а их опять в тюрьму не посадят?

— А чего их садить? Это ж не воры. Их посадили за то, что они против царя, а царь теперь и сам, наверно, сидит.

Улица была по-прежнему пустынна. Вдруг из-за угла выбежал Митя.

— Чего вы тут стоите, как тумбы? — закричал он. — Бежим на Симеоновскую, там участок горит!

Ребята побежали на Симеоновскую.

Впереди, разбрызгивая грязь, мчались Митя и Сенька, за ними бежали Марийка и Машка с братишкой на руках.

Возле полицейского участка стояла толпа и смотрела, как под деревом пылает огромная куча бумаг.

Полосатая будка, где всегда стоял городовой, была повалена набок.

Марийка и Сенька протолкались вперед.

Высокий человек с завязанным глазом подбросил в костер новую охапку бумаги.

— Жги, жги, не жалей!

— Весь царский строй так спалить надо! — кричали из толпы.

— А городовые, говорят, переоделись — один даже бабье платье надел…

— Конечно, прошло ихнее время.

— Ну, народ теперь легче вздохнет…

Пламя листало плотные глянцевые страницы добротной бумаги с двуглавым орлом.

Костер разгорался все больше и больше. Уже начинало заниматься дерево.

— Здорово, а? — шептала Машка Марийке на ухо. — Вот, гляди, сейчас дерево загорится, а потом огонь на дом перекинется, и пойдет вся улица гореть… Может, и до нашего дома пожар дойдет… Интересно…

Марийка вернулась домой, когда уже совсем стемнело.

В кухне было тепло и вкусно пахло жареной бараниной. Поля, раскрасневшаяся и злая, перемывала в лоханке тарелки.

— Где, непутевая, носишься? — закричала она, увидев Марийку. — Все по улицам шатаешься, вместо того чтобы матери помочь! Со вчерашнего вечера посуда грязная стоит!

— Так революция ж, мамочка…

— Я тебе дам революцию! — закричала Поля и хлопнула Марийку по щеке мокрой, жирной рукой. — Иди посуду мой! Наши-то черти жрут как лошади, не поспеваешь за ними прибирать!

Марийка, всхлипывая, начала мыть тарелки.

Вечером этого же дня на улицах продавали специальный номер газеты, где подробно рассказывалось о последних событиях в Петрограде.

В кухню к Поле пришли Липа, Наталья, Полуцыган и старый дворник.

Полуцыган читал вслух:

— «Восставшими войсками и революционным народом захвачена Петропавловская крепость. Все политические освобождены из казематов и выпущены на свободу».

Женщины внимательно слушали чтение и ахали.

Плотник и меховщик

На базаре ни к мясу, ни к маслу было не подступиться. В июне месяце началась выдача хлебных карточек. Рабочие получали два с половиной фунта, служащие — полтора фунта, а дети до пяти лет — один фунт.

Марийка очень гордилась тем, что ей полагалось полтора фунта хлеба, как взрослой. Она спрятала отдельно свою зелененькую карточку и каждый день сама отрывала по талончику.

— Царя скинули, а все по-старому, как и было! — ворчала Поля. — Войну не кончают, на базаре все втридорога. Недаром Саша-переплетчик давеча говорил: пока буржуев да министров к черту не погоним, до тех пор народ легче не вздохнет…

Марийка почти все время проводила на заднем дворе у Веры Полуцыган.

Когда наступили теплые дни, Вера стала немного поправляться, и Наталья выносила ее из подвала на солнышко. Сенька натаскал откуда-то четыре ведра песку, и Марийка с горбатой Верой часами копались в песке возле курятника — устраивали норки, лепили башенки.

Этим летом двор опустел. Ляля Геннинг со своей матерью уехала к бабушке в Одессу. Исчез куда-то жандармский полковник Шамборский. Крикливая толстая Шамборщиха притихла и присмирела. Она уже не ездила на извозчике, как раньше. Она ни с кем во дворе не разговаривала и, когда с ней здоровались, только молча кивала головой с таким видом, будто была обижена на всех соседей.

С тех пор как уехала Ляля, Ванде запретили выходить во двор, и она торчала у себя на балконе, перевесившись через перила и уныло глядя вниз. Домовладелец Сутницкий тоже перестал показываться во дворе. На его окнах целый день были спущены полотняные шторы, и горничная не выносила на балкон попугая, как прошлым летом.

Во дворе рассказывали, что в именье Сутницкого Заерчановке крестьяне сожгли господский дом, разгромили конюшню и винный погреб, а лошадей, сеялки и молотилки поделили между собой.

В июле вернулся с фронта муж прачки Липы, плотник Легашенко. Он был все такой же бородатый; ноги, руки у него были целы, но щека у него все время странно передергивалась, точно Легашенко старался согнать невидимую муху.

Легашенко снова принялся плотничать, починял, как раньше, мебель, мастерил табуретки и сундучки, но прачка говорила, что мужа ее отравили на войне газом и что он теперь совсем больной и припадочный.

И верно. Он уже не шутил, не боролся на полянке со своим сыном Митей, как бывало. Целый день он работал, молчаливый и хмурый, а вечером, сидя на досках, сваленных у сарая, что-то вполголоса рассказывал дворнику и другим подвальным про войну, и лицо его болезненно передергивалось.

В городе было неспокойно. Говорили, что начинаются грабежи.

По ночам у ворот дома дежурили по очереди все жильцы. Доктору Мануйлову выпала очередь дежурить вместе с печником Полуцыганом, а меховщик Геннинг дежурил с Патапуфом.

Однажды в жаркий летний день Марийка, игравшая с ребятами на заднем дворе, услышала музыку духового оркестра.

— Солдаты! Солдаты идут! — крикнул Сенька и первый бросился на улицу.

За ним побежали и остальные.

Мимо дома проходил отряд, отправлявшийся на фронт.

— Гляди-ка, Марийка, ваш офицер идет, — зашептал Сенька.

Марийка увидела Сашу-офицера, который проходил, гордо подняв голову и глядя прямо перед собой. Его щегольские, ярко начищенные сапоги с узенькими носками блестели на солнце.

Когда Саша-офицер уже прошел мимо, вдруг за ворота выскочила Елена Матвеевна и пустилась его догонять. В руках у нее был сверток с пирожками.

А отряды все шли да шли. Проходил уже третий оркестр. Сверкала медь, лоснились красные, надутые щеки трубачей. Каждый раз, когда близко ударял барабан и гремели медные тарелки, у Марийки екало сердце.

У ворот стоял меховщик Геннинг в чесучовом костюме и соломенной шляпе-панаме. Он о чем-то спорил с Полуцыганом. Марийка прислушалась.

— И когда этому конец настанет? — хмуро говорил Полуцыган, не глядя в лицо меховщику. — Гонят народ на убой, ну прямо как скотину бессловесную.

— Свою же свободу идут защищать, — сказал меховщик, обтирая лысину белоснежным платком.

— Кому свобода, а кто ее еще и не нюхал, — усмехнувшись, пробормотал Полуцыган.

— Что ж, вы хотите, чтоб немецкий кайзер сел нам на шею? От него будет трудней избавиться, чем от царя…

Полуцыган махнул рукой и сердито отвернулся.

Плотник Легашенко, босой, в солдатских штанах с болтающимися тесемками, уже несколько минут прислушивался к спору.

— Чья бы корова мычала, а ваша бы молчала, — грубо сказал он Геннингу. — Такие, как вы, при всяком царе не пропадут — хоть при русском, хоть при немецком…

— А тебя не спрашивают, дезертир, — оборвал его Геннинг.

У Легашенко еще больше, чем всегда, начало передергиваться лицо.

— Это я-то дезертир? Ну, а сам-то ты не дезертир? Небось и не нюхал пороху! Сидел здесь, наживался, сразу видно — от войны не в убытке. А я газом отравлен на всю жизнь. Погоди, доберемся до вас, буржуев… С царем расквитались, теперь за вас возьмемся.

— Вот и я тоже говорю… — обрадовался печник.

Геннинг нахлобучил пониже свою шляпу и нырнул в калитку. Марийка слышала, как он проворчал сквозь зубы:

— Большевицкая агитация…

Газета «Голос рабочего»

Марийку послали на почту за марками. Она купила марки и не торопясь, глазея по сторонам, пошла домой.

Только что прошел дождь. Повсюду блестели на солнце лужи. Небо было голубое и чистое.

— Голь! Голь! Голя! — услышала Марийка хриплый выкрик.

Черный угольщик медленно ехал по улице, погоняя кнутом свою грязную белую клячу. Мешки с древесным углем были сложены за его спиной. Облако черной пыли плыло над телегой.

Марийка схватилась за глаз. Ей вдруг стало больно смотреть. Она потерла глаз пальцем, потом оттянула веко кверху и плюнула на землю три раза подряд. Это, как известно, самый верный способ, чтобы выскочила пылинка. Но пылинка не выскочила.

«Ишь, как его запорошило!» — подумала Марийка и пошла дальше, прикрыв ладонью глаз. В другой руке она сжимала сдачу — новенький двугривенный.

«Как плохо жить с одним глазом, — думала

она. — Все замечаешь только с одной стороны… А вдруг этот глаз у меня вытечет, как у той женщины, что приходила к доктору?!»

Марийка ощупала зажмуренный глаз. Смотреть все еще было больно. Что-то мокрое ползло по щеке.

«Вытекает! — решила Марийка. — Сейчас я, наверно, ослепну!»

— Марийка, что это с тобой? — услышала она вдруг знакомый голос.

Она подняла голову и увидела перед собой Сашу-переплетчика.

— Сашенька, посмотри скорей на мой глаз! Так больно, так больно…

— А ну-ка, сейчас посмотрим! — Саша взял Марийку за подбородок. — Ничего особенного. Видно, пылинка попала в глаз, а ты пальцами натерла. Пойдем со мной тут к одной знакомой, она близко живет, нужно промыть глаз.

Он взял ее за руку и повел за собой. Марийка прижалась щекой к Сашиному рукаву, от которого пахло клейстером и табаком. Она крепко сжимала большую шершавую ладонь Саши и шла за ним, зажмурив оба глаза.

— Ходи поаккуратней, — сказал Саша, — прямо по лужам шлепаешь…

— Я это нарочно. Будто я слепая, а ты мой поводырь.

— Осторожней, — сказал Саша, — тут калитка. Ну раскрывай глаза.

— А мы скоро придем?

— Да мы уже пришли.

Они остановились, и Саша постучался. Кто-то отворил дверь. Споткнувшись о порог, Марийка с закрытыми глазами вошла в дом.

— Что это за девочка? — услышала она мужской голос.

— Это моя старая приятельница. Дай-ка, Майор, чистый платок, я ей глаз промою. Ну, кучерявая, раскрывай очи. Да ты не мигай! Ну, вот и готово, видишь, какой кусок угля вытащил, целый угольный склад был у тебя в глазу.

Марийка открыла глаза и увидела себя в небольшой комнате, полной сизого табачного дыма.

За двумя столиками и на подоконнике единственного окна сидели люди. Почти все они что-то писали. Это было бы похоже на почту, если бы не железная кровать, на которой лежало чье-то пальто и пачка газет.

Маленький темноволосый человек в студенческой куртке нараспашку подошел к Саше.

— Ну, как у тебя дела? — спросил он, поправляя

на носу пенсне.

— Дела хорошие, Майор. Собрано по подписным листам двести восемнадцать рублей с лишним. Это только среди рабочих лесопилки. Сейчас пойду в Культяповку.

«Вот странно! — подумала Марийка. — Майоры ведь, кажется, всегда бывают военные, а этот одет как Саша-студент, только куртка постарее».

Саша вынул из карманов большие, исчирканные подписями листы и толстую пачку денег. Деньги он начал пересчитывать.

— Ты чего? — спросил он Марийку, которая все еще стояла у дверей. — Беги домой.

— Я тебя подожду, — тихонько сказала Марийка.

На подоконнике сидел пожилой рабочий с длинными, обвислыми усами. Низко наклонившись, он что-то писал на листке бумаги, подложив под него толстую книгу. Нахмурив лоб, он кусал кончик своего карандаша, то и дело перечеркивал написанное и снова писал.

Кто-то назвал пожилого рабочего Захаром Иванычем.

«Уж не Машкин ли это дядя Захар Иваныч, который собирался ее на фабрику пристроить?» — подумала Марийка.

Лицо у Захара Иваныча было не строгое, и усы так добродушно свисали вниз, что Марийка, осмелившись, спросила:

— Дяденька, вы не знаете дворника Кириченко? Вы не дядя ли Машкин будете?

— Обязательно Машкин, — рассеянно ответил Захар Иваныч и, продолжая писать, еще несколько раз повторил: — Обязательно Машкин, обязательно Машкин…

Марийка на цыпочках прошла в другой конец комнаты, где за столиком писал Майор.

Она несколько минут разглядывала узкие листки, исписанные красивыми, ровными строчками. Удивительно, как это у него так ровно получалось без линеек. Вот бы ей научиться!

Вдруг распахнулась дверь, и в комнату вошла молодая женщина в длинном пальто и в суконной шапке. Она поставила на стол что-то тяжелое, квадратное, завернутое в вязаный платок.

— Вот, — сказала она грубым мужским голосом, — раздобыла пишущую машинку на три часа, сейчас начну печатать…

Все повскакали со своих мест.

Майор развернул платок, и Марийка увидела какую-то странную штуку, утыканную рядами белых эмалевых кружочков, на которых блестели

черные буквы.

— Пишущая машинка! Ну и молодец же ты, Анна Ивановна! — сказал Майор. — Теперь у нас работа пойдет на всех парах…

Анна Ивановна начала раздеваться. Волосы у нее были коротко подстрижены, и Марийке это очень понравилось. Девочек с короткими волосами она видела, но стриженых женщин — еще никогда. Анна Ивановна была рослая, крепкая, с румянцем во всю щеку. Она носила мужскую косоворотку, огромные ручные часы и вообще была похожа на мужчину.

Усевшись за столиком, Анна Ивановна заложила в машинку чистый лист и начала быстро стучать пальцами по белым кружочкам — ну точно на рояле играла. Марийка стояла за ее спиной и смотрела, как на бумаге отпечатываются красивые лиловые буквы.

Когда Анна Ивановна на минуту встала из-за машинки и зачем-то подошла к Майору, Марийка успела ткнуть пальцем в один кружочек. Машинка цокнула, и посреди листа появился жирный лиловый §.

Майор теперь перестал писать. Он ходил по комнате и диктовал, а Анна Ивановна так быстро отстукивала на машинке каждое его слово, что

даже не заметила Марийкиного параграфа.

— «Временное правительство есть правительство капиталистов, — диктовал Майор, шагая по комнате, — оно не может окончить грабительскую войну, оно не может не охранять интересы буржуазии…

Советы рабочих и солдатских депутатов представляют другие классы — классы трудящихся…»

Майор то и дело подбегал к каждому из сидевших в комнате, заглядывал в их листки и торопил:

— Ребята, поторапливайтесь, не забудьте, что мы должны выпустить газету к завтрашнему дню; мы должны довести до масс слова товарища Ленина…

— Хорошо тебе поторапливаться, как ты шибко грамотный, — жаловался Захар Иваныч, — а у меня вон полная голова разных мыслей, а на бумагу не идут. Аж вспотел весь…

Саша наконец кончил пересчитывать деньги.

— Ну, пошли, Марийка, — сказал он, — мне еще в Культяповку надо, а тебе пора домой.

— Саша, а для кого это ты столько денег собрал? — спросила Марийка, когда они вышли на улицу.

— Для нашей рабочей газеты.

Марийка засмеялась:

— Ты все шутишь! Я ведь знаю, что газета стоит пятачок, а у тебя вон сколько денег собрано…

— Эх ты, голова садовая! Одна газета стоит пятачок, а нам нужно напечатать пять тысяч штук. Понимаешь? За бумагу нужно заплатить — раз, за краску — два…

— А когда выйдет газета? — спросила Марийка.

— Завтра в обед. К концу дня пойдем разносить в рабочие районы.

— Саша, возьми меня с собой, я буду тебе помогать.

— Не устанешь? Много ходить придется.

— Ничего, я привычная!

— Ну, тогда жди меня завтра в три часа возле водокачки на Михайловской улице. Оттуда пойдем на лесопилку.

Назавтра, ровно в три часа, Марийка ждала Сашу в условленном месте.

Стоял теплый осенний день.

Щурясь от солнца, Марийка смотрела вдоль улицы — не видно ли Саши?

Она заметила его еще издали — он шагал нагруженный большой кипой газет, через плечо у него висела холщовая сумка, тоже набитая газетами.

— Здравствуй, Марийка! — крикнул Саша. — А я думал, ты не придешь, мать не отпустит.

— С тобой меня мама всегда отпускает.

— Ну, идем скорей!

Они вышли на шоссе. Саша так быстро шагал, что Марийка едва за ним поспевала.

— Саша, дай я тоже понесу газеты, — попросила Марийка.

— Дойдем до того дерева, я развяжу пачку и дам.

Дошли до высокого старого дуба, который уже начал желтеть. Саша присел на траву, разрезал бечевку и дал Марийке толстую пачку газет.

— «Голос рабочего», — прочитала Марийка название газеты.

Больше она ничего не успела прочитать — Саша пошел дальше, надо было его догонять.

Вот и Мандрыковский спуск. Отсюда начинаются кривые, узкие улицы Культяповки. У первого же забора Саша остановился, вытащил из кармана кнопки, расправил газету и прикрепил ее к забору на видном месте.

— Ну, теперь скорей на лесопилку, — сказал Саша, — сейчас гудок.

Они пошли дальше, мимо маленьких покосившихся домиков.

Возле красного кирпичного здания лесопилки были сложены штабелями доски.

Саша присел на досках, разложил рядом с собой газеты, поправил на боку сумку.

— Ну, Марийка, сейчас пойдут рабочие. Смотри не зевай. Я буду здесь, а ты беги к другому выходу. Как все газеты раздашь, возьмешь у меня еще.

Хрипло, протяжно загудел гудок. Прижимая к груди газеты, Марийка кинулась к воротам лесопилки.

— Свежая газета «Рабочий голос»! — звонко выкрикнула она, стараясь подражать уличным газетчикам.

Ее обступили. Со всех сторон тянулись рабочие большие руки.

В одну минуту Марийкин карман оттопырился, наполненный медяками.

Газеты тут же читали, передавали друг другу, бережно складывали, прятали по карманам.

Раздав все газеты, Марийка побежала к Саше за другими, но и он уже распродал все номера.

В больнице

Однажды утром Марийка проснулась позже, чем всегда. В квартире было тихо. Мать, видно, еще не вернулась с базара. За сатиновой занавеской было темно и душно. Жужжали мухи, что-то, захлебываясь, булькало в водопроводной трубе. Нужно было скорей вставать и приниматься за чистку башмаков, но вставать почему-то не хотелось. Голова была тяжелая и точно не своя, глаза смыкались.

«Посплю еще немножко», — подумала Марийка, чувствуя какую-то странную усталость во всем теле.

Ее разбудили грузные шаги матери и грохот поленьев, брошенных на пол у печки.

— Мама! — позвала Марийка.

Поля подошла к кровати.

— Ты что же это валяешься? — закричала она, но вдруг смолкла и пощупала горячие щеки Марийки. — Господи! Да ты вся в жару! Лоб горячий, точно печка. Катерина, принеси-ка градусник…

Марийке под мышку поставили холодный градусник. Катерина покачала головой:

— Горло болит? Дело плохо — не иначе как скарлатина.

Через час проснулся доктор. Узнав, что Марийка заболела, он пришел на кухню, осмотрел ее и велел немедленно везти в больницу.

Оказалось, что Катерина нечаянно угадала.

— Скарлатина очень заразительна, и я не могу рисковать здоровьем своего ребенка, — сказал доктор Поле. — Вот вам записка к старшему врачу. Катерина, вызовите извозчика…

И вот Марийка, закутанная в большой платок, едет на извозчике. Она сидит у Поли на коленях. Марийка никогда еще не ездила на извозчике. Как приятно покачивает на мягких рессорах! Одно жалко: что не идет дождик, а то бы над пролеткой подняли кожаный верх… Они проезжают через базар, мимо торговок, сидящих на земле возле груды ярко-желтых дынь и полосатых арбузов.

Вот и Гоголевский сквер, весь засыпанный опавшей листвой. Среди поредевших кустов виднеется длинноносый каменный Гоголь, с волосами длинными, как у священника. Но куда же они с мамой едут? Ах да, в больницу. Ее оставят там одну.

— Мама, мамочка, я не хочу! — плачет Марийка

и цепляется за Полю.

Но они уже приехали. Марийку несут по длинному белому коридору, где висят лампы под железными абажурами. Как много ламп! Марийка начинает считать лампы.

— Одна, две, три, четыре… десять.

В большой комнате стоят рядами кровати. Марийка лежит на крайней кровати возле окна. Она целые дни дремлет. Иногда она просыпается вся в поту и начинает сбрасывать с себя колючее шерстяное одеяло. Кто-то наклоняется над ней и дает ей пить.

Это очень странная комната. Все кружится и пляшет вокруг Марийки. Как волчок, кружится под потолком матовый шар лампы, танцуют на столике желтые пузырьки в гофрированных бумажных чепчиках, кружится, как сумасшедшее, окно с мелькающей в нем голой березой.

— Остановите окно, остановите окно!

Потом все вещи останавливаются, и стенки начинают раздвигаться. Комната становится огромной, как соборная площадь. Где-то далеко-далеко блестит медная дверная ручка. Кровать становится крохотной, как спичечная коробка, и сама Марийка — маленькая-премаленькая.

Ночь. Тихо в палате. Марийка садится на кро-

вати и оглядывается вокруг.

За окошком над голой мокрой березой стоит луна.

Белые стены, белые кровати, белые тумбочки. Так вот она какая — больница. На соседней кровати шевелится маленькая фигурка.

— Мама! Мама! Пить!

Неслышно ступая, входит сиделка в белом халате. Она дает лекарство Марийкиной соседке.

— А ты чего сидишь, полуночница? — спрашивает она у Марийки. — Голова не болит? Нет?

— Нет.

Марийка хочет сказать сиделке, что она уже выздоровела и чтоб ее скорей выпустили из больницы, но от слабости ей даже трудно пошевелить языком.

Марийка медленно выздоравливала. Ее перевели в другую палату, где лежали еще три девочки и один мальчик, Вася.

Девочка Зоя, которая уже давно выздоравливала и все никак не могла выздороветь, была очень крикливая и злая. Она швыряла на пол пузырьки с лекарством и целый день ныла и просилась домой. А то вдруг начинала дразнить худенького бритоголового Васю: «Васька-Васенок, худой поросенок, ножки трясутся, кишки волокутся…»

Две другие девочки, трех и пяти лет, целый день спали.

В этой палате рядом с дверью было проделано окошечко, сквозь которое родители смотрели на своих детей. Каждое воскресенье Марийка видела в окошечко широкое красное лицо матери. Поля улыбалась ей и кивала, а после ее ухода няня вносила гостинцы: куриную котлету в промасленной бумаге, баночку меду или несколько бубликов.

Однажды среди гостинцев Марийка увидела белый запечатанный конверт с надписью: «Получить Марии Внуковой». У Марийки дрогнуло сердце. Она никогда в жизни еще не получал писем. От кого бы это?

Она осторожно надорвала конверт и вынула листочек в косую клетку, весь исписанный крупными буквами. Письмо, оказывается, было от Сеньки:

«Здравствуй, Марийка! Что это ты так долго болеешь? Уже все подвальные заскучали, а наша Вера аж плачет. Марийка, а у нас теперь опять революция. Отец говорит, что это уже настоящая, потому что теперь советская власть. И еще новость: теперь Сутницкому никто уже не платит за квартиру. Я тебе посылаю листовку. Их по улицам разбрасывали, я и подобрал возле аптеки

четырнадцать штук. Ты прочти, там про революцию написано. Эх, жалко нет у меня ружья, я бы тоже пошел драться с помещиками и буржуями. Марийка, ты скорей выписывайся, будем делать телефон. Я уже проволоку раздобыл и одну испорченную трубку; но ничего, поправим… Выздоравливай скорее.

С почтением, Сенька Полуцыган».

Тут же в конверте лежала измятая коричневая листовка:

К ГРАЖДАНАМ РОССИИ

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция солдат, рабочих и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов.

Медленно тянулось в больнице время. Марийка старалась просыпаться как можно позднее, и все же дни здесь были бесконечно длинные. Марийка часами лежала, рассматривая свои пальцы, с которых после скарлатины облезала кожа. Потом она вставала, надевала длинный, до земли, халат и, шатаясь от слабости, выходила в коридор. Здесь было гораздо веселее, чем в палате.

Взад и вперед бегали сиделки с грелками и градусниками, опущенными в стакан. Стряпухи в белых колпаках тащили медные котлы с кашей. Через стеклянную дверь Марийка увидела, как на той стороне лестницы, в мужском отделении, бродили по коридору какие-то старики в одном нижнем белье. В больнице не хватало халатов и простынь, туфель совсем было мало, и Марийке достались огромные войлочные шлепанцы, оба с левой ноги.

В коридоре две няньки мыли стенки горячей водой и без умолку трещали, умолкая лишь тогда,

когда в коридоре появлялась дежурная сестра. Марийка с завистью смотрела, как няньки шаркают щетками по стенке. Ей тоже хотелось бы делать какую-нибудь работу, и она даже соскучилась по своим сапожным щеткам и грязным тарелкам.

— А что же ты думаешь, — говорила одна из нянек, — я взяла да и пошла прямо в Совет, что на Дворянской улице в особняке Шабада. Прихожу и говорю: так и так, беспорядок у нас в больнице, больных не кормят до поздней ночи, клопы их грызут, кастелянша шьет себе из казенных простынь юбки и тому подобное.

— Ну, а они что сказали?

— Говорят, пришлем завтра рабочий контроль…

Няньки замолчали и стали еще сильнее шаркать щетками.

— Нянюшка, — сказала Марийка, — дайте мне щетку, я вам помогу.

Санитарка обернулась.

— Ты чего тут торчишь на сквозняках! — закричала она на Марийку. — Марш в палату!

Марийка поплелась в палату, вздыхая, легла в постель и снова начала рассматривать свои пальцы и обрывать с них старую кожу. Потом она

не вытерпела, опять встала и подошла к окошку. Там, за окном, где-то далеко свистел паровоз, там были улицы, дома, магазины, собаки…

Как ей хотелось скорей попасть домой, побывать у Стэллы, у горбатой Веры, сбегать к Саше-переплетчику, разузнать все новости.

Наконец наступил долгожданный день выписки. Снова Марийка едет с матерью на извозчике, закутанная в большой платок. На земле, на крыше, на деревьях — всюду белеет первый снег. Над каменным домом, где помещалась городская управа, развевается красный флаг.

А вот Губернаторская улица, вот и булочная Сафонова, куда Марийка так часто бегала за хлебом. Вот и переплетное заведение мадам Тараканової с запертой на замок дверью, вот, наконец, и дом Сутницкого.

Кто это там топчется у ворот? Это, никак, дворникова Машка и Сенька…

Марийка засмеялась и начала махать руками.

— Да тише ты! — заворчала Поля. — Еще с извозчика свалишься.

Пролетка медленно въехала во двор.

Когда Марийка впервые после возвращения из больницы увидела себя в зеркале, она испугалась. Некрасивая глазастая девочка с наголо обритой

головой была совсем не похожа на прежнюю курчавую Марийку.

Но не только сама Марийка переменилась за эти два месяца — все вокруг переменилось еще больше, как будто прошел целый год.

Собрание кухарок

Теперь уже самым главным в доме был не Сутницкий, а домовый комитет, или домком. Председателем домкома выбрали печника.

Как раз на другой день после возвращения Марийки из больницы домком созвал первое собрание жильцов.

Сенька Полуцыган и Машка бегали по лестницам, звонили во все квартиры подряд и раздавали повестки. Собрание было в прачечной. Пришли все жильцы, кроме самого Сутницкого и Шамборского, который исчез из города.

Управившись на кухне, Поля тоже побежала на собрание. Она вернулась поздно вечером и рассказывала Марийке:

— А печник-то наш каков! И не узнать его — распорядительный, сурьезный такой… «Мы, — говорит, — теперь многосемейных трудящихся будем переселять из подвалов в верхние этажи. Пришло и наше время, пусть и наши ребята поживут в тепле да просторе…» Все как закричат! А Волгина аж побледнела от злости — они ведь с мужем да с двумя собачками шесть комнат

занимают.

После возвращения из больницы Марийке долго еще не разрешали играть с Лорой. Елена Матвеевна все боялась, что у Марийки где-нибудь под ногтями застряли микробы скарлатины. Лора за это время еще больше отвыкла от Марийки и еще больше сдружилась со своими одноклассницами. Когда она увидела похудевшую длинноногую Марийку с обритой, круглой, как шар, головой, она всплеснула руками и сказала:

— Господи, какая ты стала смешная!

Докторша, которая раньше очень мало вмешивалась в хозяйские дела, теперь часто заходила на кухню и сама проверяла, не много ли масла уходит у Поли на жаренье котлет.

— Экономней, экономней, Поля, — говорила докторша, усаживаясь в своем шелковом халате на табуретку возле плиты. — Скоро нам всем придется есть картофельную шелуху. Нужно запасать продукты.

И докторша запасала. Катерина теперь целые дни бегала по очередям, получала пайки, приводила на дом спекулянток, которые выменивали сало и пшено на старые платья.

Кладовка и швейная комната до отказа были набиты банками, мешочками и узелками. Од-

нажды Катерина приволокла откуда-то целую наволочку лаврового листа и десять желтых церковных свечей. В квартире развелось столько мышей, что кот Елены Матвеевны не успевал за ними охотиться.

Максимовна, кухарка Шамборских, прибежала на кухню к Поле:

— Полюшка, знаешь, матушка, новость? В газете пропечатано, что сегодня вечером в театре, где картины показывают, собрание кухарок будет со всего города.

— Чего? — переспросила Поля и перестала рубить мясо.

— Обще-город-ское собрание прислуги — написано, — раздельно сказала Максимовна. — Двадцать лет в кухарках живу, а про такое еще не слыхивала. Сходим, что ли, Полюшка?

— А чего ж мы там делать будем? — спросила Поля. — Ты, Катерина, пойдешь, что ли?

Катерина гладила белье. Сжав тонкие губы, она старательно разглаживала тюлевую накидку и, не отвечая, покачала головой.

— Ну, так как же, Катерина? — спросила еще раз Поля.

Катерина с грохотом опустила утюг на самоварную конфорку и фыркнула:

— Как же, так я и побежала! Кто место берегет, тот по собраниям не шляется.

— Вольному воля, — сказала Максимовна, приподнимаясь с табуретки, — а ты, Поля, к семи часам приходи.

После ухода Максимовны Марийка начала приставать к матери:

— Мама, и я с тобой пойду.

— Выдумаешь тоже! Вон лучше тарелки перетирай, а то мне одной не справиться.

В половине седьмого кухня была уже чисто прибрана, пол вымыт, кастрюли начищены и расставлены по полкам. Поля надела свой парадный плюшевый жакет и хотела уже идти, но в эту минуту в кухню заглянула Елена Матвеевна.

— Поля, быстренько ставь тесто для пончиков. Сейчас придут Дорошевичи. Куда ты это так нарядилась?

— На собрание иду. А тесто, Елена Матвеевна, пусть Катерина поставит.

— Ах, Поля, ты ведь сама знаешь, что у Катерины пончики всегда пригорают! И что это вдруг за собрание? Господи, уже и за кухарок взялись!

— Уж как хотите, а я пойду.

Поля повернулась и вышла из кухни. Марийка опрометью кинулась за ней.

— Мама, мама, возьми меня с собой!

Поля махнула рукой:

— Ну, иди! От тебя ведь не отвяжешься.

Вот и кинематограф «Модерн».

Они вошли внутрь. Марийка еще никогда здесь не бывала. Она увидела множество зеркал, мягкие диванчики и пальмы. Под потолком висела люстра в виде кораблика.

— Сколько много народу, мама! Неужели это все кухарки?

Поля пожала плечами. Она не думала, что в городе так много кухарок.

— А вот и наши, — обрадовалась Поля, увидев на одном из диванчиков в углу Максимовну и горничную Сутницкого Франю.

— Чего девчонку притащила? Чай не для забавы нас сюда собрали! — строго сказала Максимовна.

Поля только махнула рукой — пускай, мол; а Марийка спряталась за ее спину. Она боялась толстой усатой Максимовны, от которой пахло табаком.

— Только я сюда собралась идти, — рассказывала Поля женщинам, — вдруг наша-то на кухню явилась: «Пеки, Поля, пончики». А я прямо так и говорю: «Поедите, барыня, и Катерининых пончиков». Повернулась и ушла. Наша-то и осталась

с разинутым ртом…

— А чего с ними церемониться? — сказала Франя. — Они вон с нами не нежничают. Выжмут все здоровье и на улицу выкинут, как собаку. Ладно, теперь и мы, кастрюльницы, за ум возьмемся.

Прозвучал звонок, все прошли в зал. Там было полутемно и холодно. Перед белым полотном экрана поставили длинный стол и стулья. За столом разместились пять мужчин и одна стриженая женщина в белой блузке с мужским галстуком.

Марийка так и подскочила на месте. За столом сидел Саша-переплетчик, а стриженая женщина была Анна Ивановна, та самая Анна Ивановна, которая умела печатать на машинке.

Марийка начала подмигивать Саше и даже помахала ему рукой, но он, видно, ее не замечал.

Когда все заняли места и в зале утихло, Анна Ивановна вышла вперед и сказала:

— Дорогие товарищи! Городская организация большевиков приветствует в вашем лице всех освобожденных женщин!

В зале захлопали в ладоши.

Потом вышел мужчина. Он говорил долго. Марийка нечаянно заснула, прислонившись к плечу матери. Ее разбудил ужасный шум. Она вздрогнула и открыла глаза. Женщины вскакивали с мест,

кричали и размахивали руками.

— Отменить слово «барыня»! Нету больше барынь!

— Чтоб был день отдыха раз в неделю!

— Пускай они нам на «вы» говорят. Всю жизнь тыкают, надоело!

Потом вышла к столу какая-то нянька и начала рассказывать, что ей уже три года и четыре месяца не платят жалованья. Она плакала и требовала, чтобы за нее заступилась советская власть.

После няньки взяла слово Анна Ивановна.

Она сказала, что все горничные, кухарки и няньки должны вступить в свой профсоюз.

— Товарищи женщины, — закончила Анна Ивановна, — но вы и сами не плошайте, не будьте покорными и забитыми, энергично отстаивайте свои права. Помните, что рабоче-крестьянская революция победила, что на страже ваших интересов стоит партия большевиков, а за нашей партией стоят миллионы рабочих, крестьян и солдат…

С собрания Поля возвращалась вместе с Максимовной и двумя незнакомыми кухарками. Всю дорогу они говорили о том, что теперь все пойдет по-другому, что все прислуги запишутся в свой со-

юз и будут требовать от хозяек юбки и фартуки.

Был уже час ночи. Никогда еще Марийка не возвращалась домой так поздно. Вот и дом Сутницкого. Старый дворник отворил им калитку, громыхая ключами. У доктора во всех окнах темно. Кухонная дверь на замке. Поля тихонько постучалась. Прошла минута, другая, третья — никто не подходил. Поля вздохнула и снова осторожно постучала. Марийка топталась рядом. Она захныкала, наткнувшись в темноте на мусорное ведро. Ей хотелось спать. Наконец им отворила дверь злая, растрепанная Катерина, которая стояла на пороге в одной рубашке.

— Шляются... спать не дают! — пробормотала она со злостью.

На кухонном столе возвышалась груда грязных тарелок. Поля молча покрыла тарелки полотенцем, погасила свет и начала раздеваться. Марийка уже прикорнула возле стенки.

«Неделя бедноты»

В кухне было темно и жарко. В плите потрескивала тлеющая солома.

Марийка только что пришла со двора. Она разделась, повесила сушиться на веревку мокрые варежки и взяла с полки кусок лепешки. Сухая, пережаренная лепешка так хрустела у нее на зубах, что казалось — этот хруст может разбудить мать.

Потом Марийка подбросила в плиту охапку соломы. Пламя вспыхнуло и на секунду осветило кусок выбеленной стенки и большого черного таракана на ней.

Достав из шкафчика книгу, Марийка присела у раскрытой дверцы. Чтобы различить мелкие буквы, она должна была придвинуться так близко к огню, что он едва не обжигал ее щеки.

«Зима была суровая, — читала Марийка. — Саре часто приходилось ходить с поручениями в плохой одежде и рваных башмаках…»

«Совсем как мне», — подумала Марийка.

«…Бывали и такие дни, когда туман непроницаемой стеной окутывал весь город и фонари горели

с утра до ночи; тогда Лондон напоминал Саре тот день, когда она несколько лет назад, прижавшись к отцу, ехала в пансион мисс Минчин…»

В кухню кто-то вошел, зацепившись за половик.

— Тьфу, черт! — сказал из темноты голос Катерины. — Поля, вставай. Во дворе обыск. Сейчас к нам придут. Григорий Иванович велели вещи прятать.

— Чего? Какой там обыск? — хрипло спросила из-за занавески Поля.

— «Неделя бедноты». У буржуев золото и другие лишние драгоценности забирают. Идем скорее, наша-то на стенку от страха лезет, боится за свой каракуль…

Марийка бросила книгу и побежала вслед за матерью.

Столовую тускло освещала коптилка.

Елена Матвеевна и доктор вынимали из буфета серебро, заворачивали его в салфетки и чулки. Из раскрытых дверей детской слышался плач Лоры.

— Мама, мне страшно, зажги огонь!

— Марийка, сходи к Лоре, разве ты не слышишь, что она плачет! — прикрикнула Елена Матвеевна.

Марийка вошла в темную детскую. Протянув

руки вперед и зажмурив глаза, она ощупью стала пробираться к Лориной кровати.

— Кто здесь? — спросила Лора.

— Это я, Марийка.

— Поди сюда, мне страшно.

Прижавшись друг к другу, девочки сидели на кровати. Марийка поджала ноги под себя — ей казалось, что на полу что-то шевелится и шуршит.

— Лора, ты слышишь, как на полу кто-то копошится? Кто бы это был?

— Не знаю. А вдруг кто-нибудь забрался сюда в темноте? Ну нет, это, наверно, кот.

Сквозь незатворенные двери было видно, как в соседней комнате Поля и Катерина связывали белье в узлы и передвигали зачем-то буфет. Огромные тени шевелились на стенках. Доктор вошел в столовую из передней и сказал:

— Сейчас будут здесь. Они уже у Сутницкого. Забрали все драгоценности и персидский ковер.

— О господи, что с нами будет? — заплакала Елена Матвеевна. — Куда же мне спрятать каракулевый сак?

Доктор наклонился и что-то зашептал ей на ухо.

— Куда? — переспросила Елена Матвеевна, не расслышав.

Доктор опять зашептал ей на ухо.

— Верно, верно, — сказала Елена Матвеевна и вдруг крикнула громко: — Марийка, поди-ка сюда!

Марийка спрыгнула с Лориной кровати и подошла к дверям.

— Слушай, девочка, — сказал доктор очень тихо, — ты должна раздеться, лечь в постель и притвориться, что спишь. Поняла?

— А зачем?

— Нужно…

Докторша вынула из шкафа свой сак и понесла его на кухню. Доктор шел впереди, освещая дорогу коптилкой «Юпитер», которая была сделана из железной трубочки. Над трубочкой колыхалось четыре язычка пламени.

Елена Матвеевна прошла за занавеску и положила свой сак под слежавшийся тощий тюфячок. Марийка быстро разделась и легла в постель. Она слышала, как у дверей позвонили. Кто-то отворил, и в переднюю, топая сапогами, вошло несколько человек. Все они прошли в столовую.

«Сейчас придут сюда», — подумала Марийка и, просунув руку под тоненький тюфячок, пощупала, там ли каракулевый сак. Он лежал на месте. Марийка провела рукой по мелким завиткам

шелковистого меха. Прошло минут десять, а в кухню никто не приходил.

«Что там делается? — подумала Марийка. — Пойду тихонечко, погляжу…»

Она спрыгнула с кровати и в одной рубашке, на цыпочках пробралась в темный коридор. Отсюда было видно все, что происходит в столовой.

По-прежнему на рояле тускло мерцала коптилка. Возле стола стояли трое: матрос в бескозырке, высокий бородатый человек в расстегнутой шинели и молодая девушка в меховой шапке.

Бородатый разглядывал документы доктора и, улыбаясь, говорил:

— Так что простите за беспокойство. У трудящейся интеллигенции мы ничего не берем… Мы изымаем ценности только у капиталистов, чтобы использовать их на благо революции.

— Пожалуйста, пожалуйста, — говорил доктор таким тоном, точно просил, чтоб и у него что-нибудь взяли.

А докторша растерянно топталась возле стола и повторяла:

— Садитесь, господа. Почему вы стоите?

Через минуту ночные гости ушли. Марийка слышала, как доктор, закрыв за ними дверь, сказал жене:

— Ну, что я тебе говорил? Напрасно только панику подняла…

— А все-таки пусть мой сак лежит на кухне до утра, — заметила Елена Матвеевна.

Марийка побежала в кухню и юркнула в постель. Лежать на каракулевом саке было мягко и удобно. Она сразу же заснула.

Часов в семь Поля ушла на рынок поискать какой-нибудь провизии. Марийка поднялась вскоре после ее ухода, вымыла пол на кухне и наколола лучинок для самовара. Поля все не возвращалась; Марийке надоело ее ждать. Она прилегла, не раздеваясь, на кровать и заснула. Сквозь сон она почувствовала, что кто-то трясет ее за плечо. Возле кровати стояла докторша.

— Вставай! Вот разоспалась среди бела дня! Вставай! Я забираю сак. Довольно его мять…

Марийка села, протирая глаза. Ей вдруг стало обидно до слез. «Довольно мять»! А кто их просил подкладывать нам под тюфячок свои каракули!

— Не встану, — сказала Марийка упрямо. — Ишь, какие умные! То ложись, то вставай. Спать хочу.

Она улеглась на постель и повернулась лицом к стенке.

— Да ты с ума сошла! — закричала докторша. —

Противная девчонка! Хамка! Как ты смеешь! Подожди, мать вернется, она тебе покажет, как дерзости говорить!

Докторша выбежала, хлопнув дверью. Марийка лежала на кровати, немного напуганная своей храбростью.

Потом она встала, убрала кровать и присела на край табуретки. Ей было страшно.

Скоро вернулась Поля. Она получила больничный паек — полную корзину селедок и махорки.

— Ну, еле живая дотащила, — сказала она, отдуваясь. — Завтра еще четыре буханки хлеба дадут…

Не раздеваясь, она понесла в комнаты корзину, чтобы показать Елене Матвеевне селедки.

Марийка сидела ни жива ни мертва. Через минуту Поля вбежала в кухню. Платок у нее съехал набок, она была красная и тяжело дышала.

— Ах ты паршивка… Грубости говоришь! С места из-за тебя гонют…

Марийка молчала. Она стиснула зубы, закрыла глаза и стойко переносила сыпавшиеся на нее оплеухи. Потом Поля, как была в жакетке, присела к столу и заплакала.

Марийка стояла позади и исподлобья смотрела на широкие вздрагивающие плечи матери.

— Мам, — сказала она, подойдя к Поле, и погладила ее по волосам, — мам, ну чего ты плачешь?..

Поля вдруг обняла Марийку, положила ей на плечо свою большую голову, и они обе заплакали вместе.

Целый день Поля ждала, что на кухню придет Елена Матвеевна и даст ей расчет. Наконец, поздно вечером, докторша позвала Полю в спальню и сказала, что она пока не станет отказывать ей от места, но Марийке строго запрещает входить в комнаты и разговаривать с Лорой.

Ордер

Марийка долго не могла привыкнуть к тому, что теперь ей нельзя входить в комнаты. То ей понадобится взять в буфете уксус — она добежит до дверей столовой, вспомнит, что ей нельзя туда входить, и медленно пойдет обратно; то, услышав в коридоре Лорины шаги, бросится к ней навстречу, а потом увидит надутое лицо Лоры и побежит в ванную, будто бы ей надо умыться.

Да и в кухне Марийка теперь уже не чувствовала себя так свободно, как раньше. Мать ходила все дни злая, гремела кастрюлями и ругалась с Катериной.

Катерина шипела на Марийку — все было не по ней: и ножи плохо вычищены, и снегу Марийка натаскала в кухню, и башмаками она так стучит, что слышно в кабинете у доктора.

Поджав тонкие губы, вокруг которых уже появились морщины, она посматривала на Марийку, качала головой и ворчала себе под нос:

— Вырастили на свою голову грубиянку бесстыжую…

— Да хватит тебе шипеть! У-у, змея подколод-

ная! — кричала Поля. — А ты что тут, Марийка, топчешься? Беги гулять!

Получив от матери затрещину, Марийка раздетая выскакивала во двор и бежала к Стэлле или к Вере. У Стэллы она сидела недолго, потому что стеснялась Патапуфа. Цирк сейчас был закрыт, и Патапуф целые дни читал, лежа на кровати, или играл на флейте.

В подвале у печника было накурено и шумно. К председателю домкома Полуцыгану приходили жильцы за какими-то справками, ругались, о чем-то спорили, обсуждали, кого из подвальных весной будут переселять в верхние этажи.

Каждый раз Марийка узнавала в подвале какую-нибудь интересную новость. Рассказывали, что забрали у Тараканихи ее переплетную и писчебумажный магазин, и теперь переплетной заведует Лука Ефимович Тюфяков. Еще говорили, что ночью кто-то видел полковника Шамборского, переодетого простым мужиком.

Один раз Сенька рассказал, что он слышал, будто большевики будут раздавать рабочим ребятам все игрушки из игрушечных магазинов.

Назавтра чуть свет Марийка, Машка и Вера побежали на Казачью улицу, или улицу Свободы, как она теперь называлась. Они долго стояли

возле запертых дверей магазина «Детский рай». Окно было закрыто железной шторой, а дверь на замке. Девочки простояли около часу возле магазина и вернулись ни с чем, ругая Сеньку, который их обманул.

Так шли дни за днями. Поля уже начала успокаиваться и думала, что докторша скоро простит Марийку и позволит ей ходить в комнаты.

Но вот в один из январских дней, после большой стирки, доктор вошел в кухню, завешанную мокрым бельем. Он сказал Поле, что, к сожалению, не может больше держать двух служанок, и протянул ей листок, где было написано: «Пелагея Ивановна Внукова честно и добросовестно прослужила у доктора Мануйлова в кухарках пять лет и ни в чем дурном не замечена».

Всю ночь Поля не могла заснуть. Она вздыхала, ворочалась на кровати, несколько раз вставала и пила воду из-под крана.

Марийке тоже плохо спалось. Она все думала о том, куда они теперь с матерью поступят и какая им попадется хозяйка.

Утром Поля сложила в сундук все свои фартуки и юбки, а сверху привязала одеяло и подушку.

— Никуда не уходи, береги вещи, — сказала она Марийке, — я схожу к Максимовне узнать

насчет места.

Марийка оделась и собралась было, как всегда, чистить хозяйские ботинки, но их почему-то с вечера не выставили. Тогда она взяла синий стеклянный кувшин, который не влезал в сундук, и принялась, от нечего делать, мыть его.

Пришла Катерина, растопила плиту и начала жарить на завтрак оладьи.

Марийка хотела было помочь ей натаскать дров, но Катерина так сердито посмотрела на нее и так ехидно поджала губы, что Марийке даже страшно стало. Она села на сундук с вещами и просидела на нем с кувшином в руках до самого прихода Поли.

Вечером Поля с Марийкой перенесли к Максимовне свой сундук и остались у нее ночевать — Шамборщиха с Вандой куда-то уехали, и в квартире, кроме Максимовны, не было ни души.

Марийка на цыпочках прошлась по пустым комнатам и заглянула в гостиную. Ей сразу вспомнились именины Ванды. Вон у того стола ей пришлось сказать Шамборскому: «Комман ву портрет». Теперь в гостиной было холодно, тихо. Люстры и картины были завешены марлей.

В кухне Максимовна угощала Полю чаем с коржиками, жаренными на конопляном масле.

— Ох, нелегко тебе будет, Пелагея, сыскать место! — говорила она, покачивая головой. — Время тяжелое, голодное, кто теперь прислугу возьмет, да еще с девчонкой. Самим жрать нечего…

— Схожу завтра к Саше, — сказала Поля, — может, он что посоветует.

— Что ж, сходи. Он парень толковый, да и в силу теперь вошел. У большевиков в Совете, говорят, служит.

Переночевав у Максимовны, Поля с Марийкой отправились к Саше-переплетчику. Больше они не знали никого, к кому можно было бы сходить посоветоваться.

— Ох ты, горечко! — вздыхала Поля. — Откуда такая напасть!

Еще только вчера она спокойно стояла у плиты и жарила доктору блинчики, а сегодня даже неизвестно, где ей с Марийкой придется ночевать.

Совет помещался в особняке богатого караима Шабада.

Каменный светло-коричневый дом был украшен лепными гирляндами цветов и фруктов. Две каменные женщины с толстыми шеями поддерживали затылками балкон. На балконе теперь стоял часовой с винтовкой в руках.

Поля потянула тяжелую резную дверь. У входа,

возле перил широкой мраморной лестницы, стоял огромный медведь. В вытянутых передних лапах он держал поднос.

— Мама, медведь… — зашептала Марийка. — Он, верно, ученый…

— Это чучело, — сказала Поля.

Они поднялись по ступенькам, застланным ковром, и вошли в коридор. В конце коридора, заваленного ящиками и мешками, на кожаном диване сидело несколько красногвардейцев. Они читали какую-то записку и смеялись. Из соседней комнаты доносились цоканье пишущей машинки, и чей-то хриплый голос, надрываясь, орал: «Алло! Станция Пятихатки! Алло!»

— Вам кого нужно? — спросил один из красногвардейцев у Поли.

Поля сказала.

— Он здесь, сейчас поищу.

Красногвардеец пошел в глубь коридора.

Через минуту вышел Саша. На нем была надета старая солдатская шинель, через плечо висел наган.

— Вот не ждал гостей! — сказал Саша. — Здравствуйте, Пелагея Ивановна. Кучерявая, здравствуй…

— Мы на минутку забежали, — сказала Поля.

— А что случилось?

— От места отказали.

— Ну, а где же вы теперь будете жить?

— Сегодня у Максимовны еще переночуем, а завтра хоть на улицу иди. Максимовна ведь тоже у чужих людей живет. Вот и пришла я к тебе, Сашенька, за советом. Сам знаешь, у нас, кроме тебя, никого нет… Печник Полуцыган вчера рассказывал, будто рабочих с Культяповки переселяют в барские дома. Может, и нам с Марийкой хоть чуланчик какой-нибудь дали бы?

— Зачем же чуланчик? — сказал Саша. — Дадут вам хорошую комнату. Поступите, Пелагея Ивановна, на работу и заживете с Марийкой по-новому. Верно говорю, кучерявая?

— Верно, — вздохнула Марийка.

— Ну, идем.

Саша повел их куда-то по коридору.

— Товарищ Пахоменко, можно тебя на минутку? — остановил он какого-то парня с забинтованной головой.

Тот оглянулся и, сдвинув с уха повязку, внимательно выслушал Сашу.

Поля с Марийкой стояли молча и ждали. Пахоменко повернулся к Поле:

— А где вы раньше жили, гражданка?

— У людей жила. Пять лет без одного месяца у доктора Мануйлова прослужила, а вчера выгнали нас с дочкой прямо на улицу. Пришли вас просить, может, дадите нам хоть каморочку какую-нибудь.

— А вот сейчас посмотрим, — сказал Пахоменко, — идемте.

Они вошли в комнату, где цокала пишущая машинка. Там толпилось множество народу, входили и выходили красногвардейцы, какая-то старуха в бархатной шубе и в валенках плакала и топталась у всех под ногами. В углу сидела женщина в тулупе. Она развешивала на маленьких весах пайки и тут же раздавала их красногвардейцам, которые рассовывали сахар и табак по карманам.

Пахоменко подошел к письменному столу, вытащил из ящика тетрадь и стал ее перелистывать. Марийка стояла, вцепившись в рукав Саши-переплетчика. Она боялась, что он уйдет, и тогда они не получат комнаты, о которой он говорил.

— Понимаешь, какая история, — говорил Пахоменко, тыкая пальцем в тетрадь, — с комнатами у нас, гражданка, сейчас туговато. Вчера переселили из Культяповки восемнадцать рабочих семей да пять семейств с лесопилки…

— А что, Пелагея Ивановна, если вам у доктора, у Григория Иваныча, поселиться? — перебил Пахоменко Саша.

— Что ты, Сашенька, разве можно! — испугалась Поля.

— Верно! — воскликнул Пахоменко. — Как же это я про докторскую квартиру не подумал! Там вас и поселим. Сколько у них комнат?

— Шесть комнат да кухня.

— А сколько людей живет?

— Три человека семьи и еще горничная.

— Выходит, на каждого человека по две комнаты. Просторно живут. Сейчас напишу вам ордер.

— Да как же это, Сашенька, — сказала Поля, обернувшись к переплетчику, — разве можно нам у доктора комнату отбирать? Елена Матвеевна нас со света сживет.

— Ничего, Пелагея Ивановна, они вам не сделают. Пожили вы на кухне — хватит с вас.

Пахоменко подписал маленькую голубую бумажку и протянул ее Поле.

— Вот вам ордер, идите и занимайте у доктора комнату, какую захотите. А чтобы не было волынки, с вами пойдет вот этот товарищ красногвардеец.

— Да как же я доктору в глаза посмотрю… — на-

чала было Поля.

— Ну, Пелагея Ивановна, выбирайте: либо вам занять комнату у доктора, либо с ребенком на улице ночевать.

— Ладно уж, — махнула Поля рукой. — Идемте.

На новоселье

Поля с Марийкой пошли впереди. Вслед за ними шагал вооруженный красногвардеец.

Вот дом Сутницкого. Сенька и Машка бегают по двору на деревянных коньках-самокатках.

— Гляди! — закричала Машка. — Докторская Поля с Марийкой арестованные идут!

— Здесь, что ли? — спросил красногвардеец, входя в парадный подъезд.

— Здесь-то здесь, — нерешительно сказала Поля, — только лучше бы с черного хода пойти. У нас только вчера полы натерли, наследим…

Красногвардеец повернул голову, взглянул на Полю и, не сказав ни слова, начал подниматься по лестнице.

Остановившись возле дверей доктора Мануйлова, он что есть силы три раза подряд дернул звонок. У Марийки от страха даже мурашки по спине забегали.

«Что будет, что будет!» — думала она, уцепившись за Полин локоть.

За дверью послышались шаги. Поля с Марийкой невольно отступили в сторону, и когда доктор

распахнул дверь, он их даже и не заметил.

— Это вы будете гражданин Мануйлов? — спросил красногвардеец у доктора.

— Я. В чем дело?

— Будьте такие добрые, покажите вашу квартиру.

Поля с Марийкой остались стоять на площадке. Они слышали, как доктор говорил, что врачей не имеют права уплотнять, и вслух читал ордер:

— «Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов предоставляет право гражданке Пелагее Ивановне Внуковой занять одну комнату в квартире гражданина Мануйлова».

— Что? — завизжала в передней Елена Матвеевна. — Вселить мою бывшую кухарку? Безобразие! Мы будем протестовать! Пусть вселяют кого угодно, только не эту женщину…

— Хорошо, — неторопливо сказал красногвардеец, — тут у меня есть еще один ордерок. Сапожник Филатов и девять душ семейства.

Докторша, рыдая, ушла в комнаты.

— Чего ж вы тут стоите? Вот чудаки! — сказал красногвардеец, высунувшись на площадку.

Поля с Марийкой несмело вошли в переднюю. Марийке казалось, что они пришли в чужой дом. Она даже с каким-то любопытством осмотрела

вешалку, зеркало и оленьи рога над зеркалом, точно видела все это в первый раз.

Между тем красногвардеец обошел всю квартиру, не выпуская из рук винтовки и топая сапогами по натертому воском полу. Он, видно, нисколько не боялся доктора и шумно отворял одну дверь за другой. Вот он распахнул дверь столовой. Марийка увидела Лору, которая сидела за роялем и играла гаммы. Красногвардеец обвел взглядом большую комнату, оклеенную цветными обоями с золотым багетом, фаянсовые тарелки на стенах, дубовый буфет, заставленный вазами, рыжую девочку в бархатном платье, которая встала из-за раскрытого рояля.

— Эту, что ль, комнату будете занимать? — обернулся он к Поле, топтавшейся за его спиной.

— Да нет же, разве можно! — испугалась Поля и робко взглянула на доктора. — Вы, Григорий Иванович, не сердитесь… Дайте нам по-хорошему швейную комнатку, маленькую, что возле ванной. Нам с Марийкой много не надо.

Через десять минут Катерина, поджав губы, выносила из швейной комнатки свои иконы и узелки. Она оставила в комнате только один стул с продавленным сиденьем и деревянную полочку, прибитую к стенке.

В тот же вечер докторша приказала Катерине забрать стул и полочку.

— Чтобы там ни одного гвоздя моего не осталось! — кричала она в коридоре.

Катерина пришла с молотком и начала отдирать от стенки полочку, которая никак не поддавалась. В конце концов полочка разлетелась на мелкие куски, и Катерина унесла три дощечки и гвоздь, вытащенный из стенки.

С Полей она не разговаривала: она не могла ей простить своего переселения из уютной швейной комнатки.

В эту ночь Поля с Марийкой спали на полу, на старом тюфяке, выпрошенном у дворника. Утром Поля пошла на вокзал перебирать мороженую картошку.

Каждый день она возвращалась в пять часов и приносила паек — пять фунтов мокрой картошки в мешке и кусок липкого ржаного хлеба.

— Ну, теперь мы, Марийка, с голодухи не пропадем, — говорила она, — картошка и хлеб есть — значит, продержимся.

— Маслица бы еще достать, — мечтала Марийка.

— Погоди, дочка, будет у нас и маслице. Переживем, перетерпим трудное время. Враз ничего

не делается…

Первое время Марийка сидела в комнате, притаясь как мышь. Она боялась выйти в коридор. Когда хотелось пить, она долго прислушивалась, не ходит ли кто поблизости, и если было тихо, она на цыпочках пробиралась в ванную комнату и пила там прямо из никелированного крана с надписью: «холодная». Она боялась доктора и в особенности докторши.

Марийка перестала бегать на улицу, потому что у них с матерью не было ключей от дверей. Она боялась, что, если она выйдет погулять хоть на минутку, докторша тем временем выбросит их вещи и не пустит больше в квартиру.

Доктор, пожалуй, сердился на них меньше, чем докторша и Катерина. Один раз Марийка слышала, как он сказал в столовой:

— Оставьте их в покое. Было бы хуже, если б к нам вселили рабочее семейство с полдюжиной ребятишек.

Доктор даже начал разговаривать с Полей. Встретив ее как-то на лестнице, он спросил, где она работает и сделала ли себе прививку против брюшного тифа. Но докторша все еще злилась. В коридоре поминутно хлопали двери. Это докторша то и дело их затворяла, чтобы «не

подслушивали».

Когда вечером Поля приходила с работы и разжигала плиту, чтобы сварить картошку, Елена Матвеевна кричала, что напустили полную квартиру дыма и что она не потерпит таких издевательств со стороны разных нахалок.

Докторша теперь сама стряпала обед и постоянно толкалась на кухне возле плиты рядом с Катериной. Поле так не хотелось заходить на кухню, что она складывала свою мороженую картошку в котелок и посылала Марийку поставить его к дворничихе в печку.

Лоре строго запретили разговаривать с Марийкой.

Последнее время она почему-то не ходила в гимназию. Скучная, она бродила по пятам за матерью и хныкала: «Мама, что мне делать?» А то вдруг принималась бегать сломя голову по коридору взад и вперед. Один раз Лора на всем бегу распахнула дверь швейной комнаты и с хохотом промчалась дальше.

Поля с Марийкой понемногу приводили свою комнату в порядок.

Саша-переплетчик дал Поле раскладную койку, два стула и большой ящик из-под макарон, который мог отлично заменить стол. Ящик Поля

поставила у окна и накрыла его вышитым полотенцем. На окно она повесила белую занавеску.

Марийка долго не могла привыкнуть к мысли, что у них с матерью есть собственный угол.

Когда она немного осмелела и начала выходить во двор, она каждый раз задравши голову смотрела на свое окно, где за оттаявшим стеклом виднелся край белой занавески.

Из нескольких десятков окон одно принадлежало Марийке, и она мечтала о том, как летом она будет сидеть у раскрытого окна и пускать вниз мыльные пузыри.

Проснувшись утром, Марийка первым делом принималась за уборку. Она старательно обметала пыль и мыла пол. Кончив уборку, Марийка становилась возле порога и любовалась своей комнатой.

Непросохший пол блестел, он был темно-вишневого цвета. На ящике, покрытом чистым полотенцем, красовался синий кувшин. Весенний солнечный луч преломлялся сквозь стекло кувшина, и казалось, что полотенце горит синим пламенем. Марийка гордилась своим кувшином — ведь это была самая красивая вещь в их комнате, если не считать Полиных серебряных часов, висевших на гвоздике у постели.

Кто нам даст-подаст…

Марийка так полюбила свою комнату, что первое время ей даже и не хотелось никуда выходить. Она часами сидела возле ящика, покрытого полотенцем, и рисовала картинки или вырезала кружевные салфетки из старых газет. Когда ей хотелось есть, она придвигала к себе котелок с вареным картофелем и, не выпуская ножниц из рук, принималась жевать холодную, круто посоленную картошку.

В передней звонили больные. Катерина бегала на кухню за горячей водой, в столовой звенела посуда, кто-то приходил, уходил, а здесь, в швейной комнатке, было так спокойно, тихо, что было слышно, как тикают висевшие на гвоздике часы. Хотя теперь Марийке не нужно было прислушиваться к каждому окрику из барских комнат, но она долго еще по привычке вздрагивала и кидалась к дверям, когда слышала голос доктора: «Горячей воды!»

Но вот на дворе немного потеплело. Марийка опять начала бегать к Стэлле и горбатой Вере. Один раз она даже осмелилась привести их к себе

в гости. Улучив минутку, когда докторши не было дома, она провела девочек через кухню. Катерина начала было ворчать:

— Бродят здесь… Грязь натаскивают… Покоя нет!

Стэлла не растерялась.

— Простите, что потревожили… — сказал она улыбаясь. — Мы не к вам, а к вашим квартирантам…

— Чего ты ее боишься? — накинулась она на Марийку, когда они вошли к ней в комнату. — Ты теперь не девочка на побегушках, нечего тебе на задних лапках перед ними плясать.

— Я и не пляшу, — оправдывалась Марийка.

Она ни за что на свете не призналась бы Стэлле, что боится Катерины не меньше, чем докторши.

Несколько раз Марийка встречала на дворе Лору. Лора растеряла всех своих подруг. Ванда и Ляля Геннинг уехали, а гимназия была закрыта, и гимназистки сидели по домам.

Марийка пробовала заговорить с Лорой, но та всякий раз отворачивалась и, передернув плечами, отходила в сторону.

Иногда во двор выходил Сутницкий. Он очень постарел, даже брови у него поседели. Сутницкий шел прямо к старому дворнику и начинал

кричать на него за то, что тот плохо убирает тающий снег. Дворник без шапки стоял на крыльце и почтительно выслушивал Сутницкого. А когда старик уходил, дворник и жильцы над ним смеялись. Ведь Сутницкий давно уже не был хозяином дома.

Хмурая и сердитая вышла Марийка утром во двор. Ей так хотелось есть, а дома не было ни корочки хлеба, ни щепотки крупы. На кухне, как назло, вкусно пахло горячим домашним хлебом, поджаренным луком и свининой. От этого запаха кружилась голова и щекотало под ложечкой.

Возле дровяного сарая верхом на бревне сидел толстый Мара. В руке он держал кусок хлеба, густо намазанный сметаной. Мара облизывал с краев тяжелые белые капли. Нос и щеки у него были выпачканы сметаной. Машка вертелась рядом и умильно заглядывала ему в рот.

— Марик, дай попробовать кусочек хлебца!

Мара помотал головой.

— Ну, малюсенький…

— Не дам.

Пошептавшись, Машка и Марийка взялись за руки и начали скакать перед Марой на одной ноге. Они скакали и пели «просильную песню»:

Кто нам даст-подаст, У того красивый глаз; Кто

не даст, не подаст, У того поганый глаз…

Мара начал жевать быстрее.

Кто нам даст-подаст, У того золотой глаз; Кто не даст, не подаст, У того паршивый глаз…

Но и эти слова были как об стену горох. Тогда девочки запели последний куплет:

Кто нам даст-подаст, У того алмазный глаз; Кто не даст, не подаст, У того… червивый глаз.

Мара только упрямо мотал головой. Рот его был так набит хлебом, что он не мог выговорить ни слова. Ломоть хлеба в его руке быстро уменьшался. Машка стиснула зубы и подбежала к Маре.

— Ах ты, буржуйская морда! — закричала она и дернула его за синий галстук матроски.

— Да оставь ты его, Машка, — сказала Марийка, — пойдем лучше к Саше-переплетчику. Он, наверно, даст нам хлеба, если только у него самого есть. Идем, а?

— Идем. Одного боюсь — как бы дедушка нас не заметил. Вон он возле ворот стоит.

Старый дворник скоро ушел в сарай, и девочки прошмыгнули в ворота. Через десять минут они были возле дома Осипова, где жил Саша.

Миновав четыре грязных двора, они прошли мимо гаража. Дверь у Саши была открыта настежь. Саша стоял на пороге с веником в руке.

— Здравствуй, Саша!

— Здравствуйте, девчата! В гости пожаловали? Ну входите, входите. А я вот домой забежал и за уборку взялся, пылища у меня развелась, пауки так по стенкам и бегают. Ведь я теперь один живу… Ну входите, чего стали? Садитесь на подоконник, а я буду подметать.

Марийка и Машка сели на подоконник и смотрели, как Саша поливает пол из чайника.

— Ну как, кучерявая, тебе живется? — спросил он Марийку.

— Хорошо, только Катерина очень сердитая.

— А пусть, жалко, что ли?

Все помолчали.

— Саш, а знаешь, чего мы к тебе пришли?

— Знаю, — ответил шутливо Саша, — соскучились…

Машка фыркнула.

— Это верно, — сказала Марийка вздохнув. — А еще мы хотели попросить у тебя хлебца, очень есть хочется…

— Вон оно что! Чего ж ты сразу не сказала? — Саша вынул из шкафчика кусок ржаного хлеба и копченую воблу. — Сейчас будем чай пить.

Он разжег примус и поставил подогреть остывший кипяток. Потом он вынул из кармана

перочинный нож, нарезал хлеба и очистил воблу. Через минуту девочки сидели за столом и за обе щеки уплетали воблу и запивали ее кипятком.

— Ну что, веселей стало? — спросил Саша, натягивая потертую куртку.

— Еще бы нет! — ответили девочки разом.

— Вот и хорошо, — сказал Саша.

Он снял с полки две толстые пыльные книги и вынул из шкафчика еще один ломоть хлеба.

— Вот вам хлеб, а вот книжки — хватит чтения на целый месяц. Бегите домой, а мне пора…

Саша запер дверь и вышел вместе с девочками за ворота. Махнув им рукой, он пошел к вокзалу, быстро и легко перескакивая через лужи. Марийка долго смотрела ему вслед. Потом она вздохнула и сказала:

— А знаешь, я думаю — лучше Саши никого на свете нет!

— Подумаешь, на свете нет! — засмеялась Машка.

— А что? — окрысилась Марийка. — Ты еще увидишь — Сашу, наверно, выберут самым главным начальником в городе…

— Ври больше! Переплетчики начальниками не бывают.

— При советской власти бывают. Это ведь на-

ша власть, рабочая… Не веришь, так спроси у Сеньки.

Марийка надулась, но через минуту вспомнила про книги и развернула их. Это были «Мертвые души» Гоголя и «Оливер Твист» Диккенса.

— Сейчас прибегу и буду читать! — сказала Марийка. — Книги толстые, интересные…

— Ты почем знаешь, что интересные?

— Уж я знаю. «Мертвые души» — это, наверно, страшная книжка, про покойников… А «Оливер Твист» — это чье-нибудь прозвище.

Марийка запрыгала на одной ноге и запела:

— Оливер Твист, Оливер Твист, Ливер-Ливер-Твист.

Машка с Марийкой решили, что с этого дня будут дразнить Мару «Ливер-Твист». Уж очень к нему подходит такое колбасное название.

Мы вернемся!

В конце марта по городу стали ходить тревожные слухи. Сутницкий снова начал появляться во дворе. Весь он как-то подбодрился. Медленно шагая по двору, он подолгу разговаривал с Геннингом. Пробегая мимо них, все чаще и чаще слышала Марийка незнакомое и страшное слово «оккупация».

Первого апреля Поля вернулась с работы раньше, чем всегда.

— Ну, Марийка, беда! Наши-то отступают, на вокзале суматоха, уже паровозы стоят...

— И Саша отступает? Не может быть! — сказала Марийка в ужасе.

Вечером, когда мать пошла к дворничихе варить картошку, Марийка, ничего ей не сказав, побежала к Саше в Совет. Было уже совсем темно; улицы были пустынны, кое-где в окнах мерцали огоньки. Фонари не горели, потому что электрическая станция не работала. Шлепая прямо по лужам, Марийка во весь дух бежала по бульвару.

«Успею или не успею? — думала Марийка. — А вдруг он уже уехал!»

Она во что бы то ни стало должна была увидеть Сашу-переплетчика и узнать от него, почему это большевики уходят.

Потная и заляпанная грязью, в промокших насквозь башмаках, она подбежала к дверям Совета. Возле особняка стоял грузовик. Тяжелые двери были распахнуты настежь. Марийка увидела тускло освещенный вестибюль. На подносе, который держал в лапах медведь, горела свеча. В полумраке суетились люди. Они выносили какие-то пакеты, ящики, папки с бумагами. Среди них Марийка увидела и Сашу, одетого в перетянутую ремнями солдатскую шинель.

— Саша! — бросилась к нему Марийка. — Большевики уходят? Это правда? И ты с ними уйдешь?

— Да, Марийка, это правда, — ответил Саша. — Но это ненадолго. Мы скоро вернемся.

Он погладил ее по волосам, похлопал по плечу. Марийка заплакала.

— Говорю тебе — ненадолго, — сказал Саша. — Я вернусь.

Марийка уцепилась за Сашин рукав:

— Возьми и нас с мамой.

— Невозможно, Марийка. Беги-ка лучше домой. Прощай, девочка, будь здорова…

Саша поцеловал Марийку и исчез в темноте. Марийка поплелась домой.

Теперь она шла потихоньку, еле волоча ноги.

На лестнице и в коридоре было темно и душно. Поля еще не вернулась от дворничихи. Марийка быстро разделась и, оставив у порога мокрые чулки и башмаки, юркнула в постель.

Она вся дрожала и старалась ладонями растереть и согреть свои холодные как лед ноги. Наконец пальцы немного потеплели, и Марийка уснула.

Среди ночи грохнул взрыв, потом другой, третий… Марийка проснулась и села на койке.

— Мама! Я боюсь, мама…

Поля, одетая, стояла возле окна и смотрела во двор через форточку. Где-то возле реки опять разорвался снаряд.

— Ох, горечко-горе… — сказала Поля и, помолчав, добавила: — Вчера на вокзале один человек рассказывал: что на Харьковщине делается — прямо страх. Весь хлеб на селе забрали, селян порют, вешают… Только-только народ вздохнул легче, новую жизнь увидел, и вот опять…

Назавтра в город вступили оккупанты и гайдамаки.

Докторша, меховщик Геннинг и еще несколь-

ко жильцов дома Сутницкого стояли у ворот, смотрели на проходящие войска. Шли солдаты в железных касках, в голубовато-серых шинелях, с серыми мешками за спиной; за ними грохотали по мостовой серые повозки и кухни, обляпанные грязью.

Лица у солдат были усталые, обветренные, тоже какие-то серые; тянулись батальоны гетманских войск, одетые в синие жупаны, новые сапоги и барашковые папахи. За ними снова рота за ротой шли регулярные части оккупантов, грохотали пушки, цокали копытами лошади. У многих лошадей поверх седел были прикреплены пулеметы. Под каждый пулемет был подложен серый коврик.

— Вы видите, коврики! Какая аккуратность! — восхищалась Елена Матвеевна.

— Ну, эти настоящие! Они уж наведут порядок! — говорил сияющий Геннинг.

Марийка стояла в глубине двора рядом с матерью, печником, плотником Легашенко и Липой. Они выглядывали на улицу через решетчатый забор.

— Сколько их, идолов! — сказала Липа. — Конца-краю не видать…

Все молчали. Подошел дворник, постоял и ска-

зал, ни к кому не обращаясь:

— Вот тебе и акупацыя! Дождались… Вывезут весь хлеб, да еще и шомполами угостят…

— Ну и времечко! — вздохнула Поля.

— Эх, Федор Петрович! — сказал Легашенко Полуцыгану. — А мы еще с тобой переселять подвальных собирались. Теперь переселишь, как же!

— Это еще бабушка надвое сказала, — пробормотал Полуцыган и сплюнул в сторону.

На улицах появилась нарядная публика, дамы и офицеры. Открылись кинематографы и рестораны.

Вернулся жандармский полковник Шамборский. Во дворе говорили, что он теперь опять вошел в силу — служит в контрразведке и люто расправляется с большевиками.

Как-то в погожий весенний день Марийка с Машкой отправились бродить по городу.

У расклеенных приказов толпились люди, молча перечитывали серые, еще не просохшие бумажки и расходились в разные стороны.

Глазея по сторонам, девочки прошли вдоль главной улицы. В витрине кондитерской «Ренессанс» был выставлен огромный затейливый торт, весь разукрашенный цветами из крема, цукатов

и марципана.

Марийка и Машка прижались носами к витрине.

— Гляди, красота какая! — зашептала Машка. — Эх, попробовать бы! Мне бы хоть один разочек лизнуть вон ту розу из желтого крема…

— А мне бы розовенькую.

Распахнулась дверь кондитерской, на улицу высунулась толстая седая хозяйка в кружевном чепчике.

— Что вы тут топчетесь, пошли вон! — прикрикнула она на девочек.

Машка высунула ей язык и, отбежав подальше, крикнула:

— А вам жалко? Ну и подавитесь своим тортом!

Дальше шли молча. Марийка заговорила первая:

— Гонют! А при большевиках нас никто не гнал. Я вон даже в Совет ходила к Саше-переплетчику, и то ничего.

— Сравнила тоже — при большевиках. Большевики небось наша власть, рабочая…

— Где-то теперь наш Саша? — вздохнула Марийка. — Живой ли?

— А хорошо, что он удрал, — сказала Машка, —

гайдамаки ему спуску бы не дали…

Девочки не заметили, как вышли на окраину города и очутились возле Сампсониевского монастыря. Из-за каменной монастырской ограды слышались пьяные песни и ружейные выстрелы.

— Что это? — спросила Марийка.

— Гайдамаки захватили монастырь. Дед говорил, что где-то тут рядом, за свалкой, они и расстреливают.

— Ой, страшно! Пойдем домой.

— Погоди. Раз мы уж сюда забрели, давай поищем на свалке черепки.

На свалке пахло дохлятиной и гнильем. Дымились на солнце кучи навоза. Внизу, под горой, синел разлившийся Днепр.

Марийка и Машка бродили по свалке и выковыривали палками обломки фарфоровой посуды. Если черепки отмыть от грязи, ими можно играть, как с куклами. Большие черепки будут папы и мамы, маленькие — будут дети. Свалка одним концом упиралась в высокий забор. Когда девочки приблизились к забору, они услышали голоса и ржание лошадей.

Любопытная Машка нашла в заборе щель и прильнула к ней глазом.

— Марийка, Марийка! — испуганно замахала она руками. — Иди скорей, посмотри!

Марийка заглянула в щель.

Она увидела широкий двор с каменным амбаром. Двери амбара распахнуты настежь, видны груды мешков, набитых зерном. У дверей амбара, рядом с большими весами, стоял стол. За столом сидели два иностранных офицера и гайдамак.

— Гляди, муку везут! — зашептала Машка.

И правда, во двор въезжал воз, нагруженный мешками. Рядом с возом хмуро шагал молодой крестьянский парень в вышитой рубашке.

У него приняли зерно, взвесили на весах и велели перетащить в амбар. Пока он ворочал мешки, два солдата ввели под конвоем пожилого босого крестьянина.

Его подвели к столу.

Теперь он стоял совсем близко от забора, и Марийке хорошо было видно его темное худое лицо с глубоко запавшими глазами. Одет он был очень бедно, даже пуговиц не было на его латанной свитке, а вместо них пришиты щепочки. Он стоял понурившись и теребил свою вытертую баранью шапку.

Офицеры переговорили на своем языке. Когда они умолкли, гайдамак сказал:

— Федот Зозуля из села Божедаровка. Задержан как злостный элемент и большевицкий агитатор. Задолженность пять пудов пшеницы и семь пудов ржи. Приговорен к расстрелу.

Крестьянин стоял все так же понурившись, точно не слышал.

Но вдруг он приподнял голову и что-то хрипло выкрикнул. В глубоко запавших глазах его была такая ярость, такая ненависть, что Марийке стало страшно. На секунду она отпрянула от забора. Когда Марийка снова заглянула в щель, она увидела, что конвойные уводят крестьянина, подталкивая его прикладами в спину. Он шел через двор с непокрытой всклокоченной головой, волоча по пыли свои черные босые пятки. Через минуту где-то за амбаром грянул ружейный залп.

В эту ночь Марийка долго не могла заснуть. Стоило закрыть глаза, как перед нею вставала одна и та же картина: широкий, залитый солнцем двор. Конвойные ведут крестьянина. Его лица не видно. Видна только непокрытая всклокоченная голова, худая спина в залатанной свитке и грязные босые пятки, шаркающие по земле…

Марийка ворочалась на постели, сжимала кулаки. Она знала — никогда не изгладится из памяти эта картина…

Выгнали…

Тридцать гайдамацких всадников расположились на полянке во дворе дома Сутницкого вместе со своими лошадьми.

Во дворе сразу стало тесно. Ржали лошади, привязанные к наспех сколоченным коновязям, пахло навозом и водкой. От походной кухни тянуло горьким дымком — кашевар готовил обед для гайдамаков из продуктов, набранных по квартирам у жильцов.

Полупьяные, хмурые гайдамаки, здоровенные парни в синих жупанах, ходили по двору и осматривали свои новые владения.

Первым делом они забрали отца Ляли — мехов-щика Геннинга — и увели его куда-то со двора. Он вернулся домой поздно ночью оборванный и дрожащий. Машка, которая всегда все знала, рассказывала, что гайдамаки привели Геннинга на берег Днепра, поставили его спиной к воде и, прицелившись в него из своих наганов, велели сказать, где он спрятал золото.

Геннинг сказал, что золота у него нет, а есть дорогие меха, которые он и отдаст гайдамакам,

если они его отпустят. Марийка целый день просидела в комнате, боясь высунуть нос на улицу.

Вечером этого же дня три гайдамака пришли к доктору Мануйлову. У одного из них все лицо было в крови, и он придерживал рукой разбитое ухо.

— А ну, позовить дохтура, — сказал он, — нехай вин мени вуха перевьяже…

Доктор сделал перевязку. Когда гайдамаки уже уходили, их остановила Елена Матвеевна и попросила войти в столовую.

Поля с Марийкой ужинали у раскрытого окна. Марийка поела вареной картошки с луком и лила себе кружку чаю. Мать положила возле кружки два маленьких кусочка сахару:

— Не грызи сахар, соси помаленьку.

Но Марийка не умела сосать помаленьку и сразу же проглотила оба кусочка сахара.

Поля встала из-за стола:

— Пора и ложиться. Ох, спину чего-то ломит.

Но только успела она отвернуть край одеяла, как вдруг кто-то сильным ударом ноги распахнул дверь. В комнату ввалились гайдамаки.

— Чого расселись? — закричал маленький, с рябоватым лицом, и замахнулся нагайкой. — А выкидайсь отсюда, большевицька порода…

Гайдамак с забинтованным ухом схватил со стола горячий чайник и выбросил его в окошко.

— Ну, выкидайсь! Швидче! Собирай барахло.

Все это произошло в одну минуту. Марийка как сидела с кружкой в руках, так и застыла на месте.

— Да куда ж нам пойти, люди добрые? — заплакала Поля.

— А ну, поговори еще! — крикнул рябой гайдамак.

— Пойдем, мама, пойдем, — зашептала Марийка.

Ей казалось, что если они пробудут в швейной комнате еще хоть минуту, то гайдамаки их убьют. Что им стоит? Вон они того крестьянина из-за пяти пудов пшеницы расстреляли…

Она схватила подушку и синий кувшин и побежала из комнаты. Позади нее Поля, всхлипывая, несла корзинку и узел с постелью.

В коридоре им не встретилось ни души, все двери к доктору были плотно прикрыты.

Они вышли на крыльцо и остановились. Было уже совсем темно, на небе мерцали крупные звезды. С полянки доносилась хриплая пьяная песня:

Деж тая дивчинонька, Що я женихався…

Марийка крепче прижала к груди синий кув-

шин. Поля перестала плакать и поправила на спине узел с постелью.

— Мам, а мам… — сказала Марийка.

Поля молчала и, сжав губы, смотрела на полянку.

— Ма-ма! Куда ж мы теперь?

— Пойдем к печнику. У него переночуем, а там видно будет…

Они спустились в подвал к печнику.

— Выгнали!.. — всплеснула руками Наталья, увидев на пороге Полю и Марийку, нагруженных вещами. — Чего ж вы стали? Кладите вещи.

С этого вечера Поля с Марийкой поселились у Полуцыгана.

На другой день печник притащил откуда-то деревянный топчан. Он поставил его в углу за печкой.

— Вот вам, Пелагея Ивановна, и спальня. Тепло и низко, и тараканы близко. Живите тут хоть год — в тесноте, как говорится, да не в обиде.

Поля засмеялась, но Марийка видела, что у нее дрожат губы и она с трудом удерживается от слез.

Поля поступила уборщицей в ту же больницу, где работала Наталья.

Обе женщины возвращались вечером. Печник

целые дни где-то пропадал.

Он приходил поздно ночью, когда Марийка уже спала, а то и совсем не приходил — оставался ночевать у своего приятеля Ивана Ивановича.

Марийка стала в подвале полной хозяйкой. Она прибирала, топила печку, стряпала обед и командовала Сенькой (горбатую Веру она жалела и не позволяла ей ничего делать).

Сенька по-прежнему возился со своей химией — бутылками, мазями и вонючими растворами, — но когда Марийка посылала его раздобыть дров или принести воды, он покорно отставлял в сторону свои банки и бежал за щепками на лесопилку или за кипятком в прачечную.

Каждое утро, еще лежа в постели, Марийка и Вера начинали обсуждать, что они сегодня будут стряпать.

— Со вчерашнего дня у нас осталось четыре картошки, бурак и миска больничного супу, — перечисляла Марийка. — Значит, так: суп разогреем — раз, а из бурака и картошки сделаем винегрет — два; вот только луку надо будет настрелять…

— А макуху[2] забыла? У нас еще макуха есть, — говорила Вера.

---

[2] Примечания: 2

Макуха — жмыхи из семян подсолнечника.

Но Сеньке такой обед был не по вкусу.

— Тоже суп называется! — ворчал он. — Вода с пшой да пша с водой! А макуха эта у меня уже из горла лезет. Вот чего мне захотелось, так это колбаски. Видели, рядом с комендатурой колбасная открылась? На окошке ветчина лежит, розовая-розовая. Первый сорт.

— А цены какие! — рассуждала Вера. — Двадцать марок фунт колбасы, а если на кроны перевести, так еще дороже…

— А я кроны еще ни разу не видел, — говорил Сенька, — а кроме крон, видал все деньги — и думские, и царские, и керенки, и украинские карбованцы. Да что же толку, что видал! У нас-то ведь их нету…

Гайдамаки стояли во дворе почти все лето. Они разместились по двое и по трое в самых лучших квартирах; в гостиной у Сутницкого они продырявили весь потолок, сбивая выстрелами подвески с хрустальной люстры.

Первое время, пока во дворе были гайдамаки, Марийка почти не выходила из подвала. Ей казалось, что она обязательно встретит того маленького гайдамака с рябоватым лицом, который назвал их «большевицкой породой». Она вздрагивала от каждого выкрика и шума на дворе. Из

памяти не выходило то, что она видела на свалке сквозь щель забора.

А Сенька — тот нисколько не боялся гайдамаков. Он часто бегал на полянку, где стояли лошади, и даже водил их на водопой к колодцу, за что гайдамаки однажды угостили его папиросами и салом.

Как-то вечером Марийка увидела во дворе Ванду Шамборскую, которая прогуливалась под акациями, нежно обнявшись с Лорой.

Ванда заметно подросла, и нос у нее стал еще длиннее. На ней было новое платье. Ванда первая заметила Марийку и подтолкнула Лору в бок. Та оглянулась, повертела рыжими кудряшками и крикнула:

— Что, проучили? Теперь сиди в подвале и знай свое место.

Марийка ничего не ответила, только сжала кулаки. В эту минуту где-то хлопнула оконная рама. Марийка подняла глаза и увидела Катерину, которая протирала окно швейной комнаты. Это было то самое окошко, откуда Марийка мечтала пускать мыльные пузыри…

Гайдамаки

В теплый летний вечер подвальные ребята собрались на заднем дворе. Они долго бегали по деревянным мосткам и под конец решили играть в жмурки.

— Чур-чура, я пересчитываю! — крикнула Марийка.

Все стали в кружок, и она начала считать:

Ана-вана, тата-ния, Сия-вия, компания, Сильва, лека, тика-та, Ана-вана, бан…

В этот вечер Марийке неизвестно с чего было так весело, как давно не бывало. После долгого сиденья в доме двор ей казался каким-то новым и просторным, а все ребята — добрыми и хорошими. Даже толстому Маре, который стоял в стороне с тачкой в руках, ей хотелось сделать что-нибудь приятное. Марийка похлопала его по плечу и позвала играть в жмурки.

Она была очень довольна, когда ей сразу выпал черед жмуриться. Ей казалось, что ноги сейчас у нее очень быстрые, а руки сильные, и стоит ей только захотеть, как она сразу переловит всех ребят.

Повернувшись носом к курятнику, она ждала, пока запрячутся ребята. Она слышала топот убегавших ног и смех. Кто-то, тяжело сопя, пробежал близко от нее.

«Наверно, Мара, “Ливер-Твист”, — подумала Марийка и закричала:

— Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать! Кто не заховался, я не виноват…

Она стояла, зажмурив глаза и уткнувшись носом в деревянную решетку курятника. Вокруг было тихо-тихо. Можно было подумать, что она стоит ночью совсем одна в огромной степи.

Вдруг где-то совсем близко ударил выстрел. Марийке показалось, что выстрелили над ее ухом. Она вздрогнула и открыла глаза. Из-за сарая, с помойки, из-за курятника выглядывали испуганные ребята.

— Возле наших ворот стреляют. Бежим смотреть!

На улице у ворот стоял печник Полуцыган. Его окружило несколько гайдамаков, с ними был один солдат в железной каске. Маленький рябоватый гайдамак, тот самый, что выселял Полю с Марийкой, держал печника за рукав и кричал:

— Ведить його до комендатуры! Вин тут комиссаром всего двора був…

Второй гайдамак ударил печника нагайкой и подтолкнул вперед.

Полуцыган что-то говорил, но его не слушали.

— Папа! — закричала Вера и вся затряслась.

Сенька бросился было к отцу, но Марийка, схватив его за руку, оттащила в сторону. Уж она-то знала, что с гайдамаками шутить нельзя! Печника повели вдоль улицы. Еще издали, завидев гайдамаков, размахивающих нагайками, прохожие переходили на другую сторону.

Вера потопталась на месте и вдруг заплакала тоненьким голоском.

— Не реви, дуреха! — прикрикнул Сенька. — Бегите лучше с Марийкой в больницу, скажите маме. А я побегу за ними, посмотрю, куда они батьку повели…

Марийка с Верой побежали в больницу, а остальные ребята разбрелись по домам. Им было уже не до игр.

Когда девочки вернулись в подвал, а с ними и перепуганная Наталья, Сенька был уже дома.

— Ну что? Куда повели? — бросилась к нему Наталья.

— Я следом за ними до самой Казачьей улицы бежал, — сказал Сенька. — Батька упирается, не хочет с ними идти, а тот рябой чорт нагайкой по

уху р-раз…

— А потом что? — перебила его Вера, всхлипывая.

— А потом тот рябой оглянулся и меня признал. Я его коня как раз вчера напувать водил. «Тебе чего, — говорит, — надо? Пошел прочь, пока нагайкой не заработал». Ну, я и повернул обратно…

Среди ночи, когда все уже устали ждать и улеглись, вдруг раздался стук в окошко.

— Кто тут? Чего надо? — спросила Наталья, вскочив с постели.

— Свои! Открой, Наташа!

В комнату ввалился Полуцыган. Он был без шапки, весь какой-то всклокоченный, веселый и пьяный. На правой его щеке краснел рубец.

— Выпустили! — ахнула Наталья.

— Кого, меня? Да разве ж они смеют! Я мастер… Печка меня не подведет! «Твоя, — грит, — работа, Федор, пять лет стоит и ремонту не просит. И хлеба румяные, ну точно на солнышке пеклись…»

Печник еще долго что-то бормотал про какую-то печку, про деревню Веселый Гай и про какого-то мельника.

Наталья ничего от него не могла добиться и уложила его спать. А утром, когда Полуцыган проспался, он рассказал, что по дороге в комендатуру

один из гайдамаков признал в нем знакомого. Пять лет назад, когда Полуцыган ездил работать на Киевщину, он сложил новую печку в хате богатого кулака-мельника из деревни Веселый Гай; печка вышла такая удачная, что мельничиха нахвалиться не могла и каждый раз, когда пекла хлебы, вспоминала печника.

Гайдамак оказался сыном этой самой мельничихи, он узнал Полуцыгана, заступился за него и увел прямо от ворот комендатуры в шинок.

Полуцыган долго после этого рассказывал про свой арест и хвалился, что печка его не подвела.

А в конце лета гайдамаки арестовали плотника Легашенко. Легашенко рассказывал как-то во дворе, что в именье Сутницкого Заерчановке взбунтовались крестьяне против оккупантов, которых прислали на село для усмирения. У крестьян отобрали все помещичье добро, а потом устроили поголовную порку.

— Погодите, еще не то будет, — говорил Легашенко, судорожно передергивая шекой. — Гетман Скоропадский нам покажет, почем фунт лиха, если мы сами за ум не возьмемся.

Так говорил Легашенко, а кто-то на него донес.

Через несколько дней после ареста плотника соседки научили Липу сходить к полковнику

Шамборскому и попросить, чтобы он похлопотал за ее мужа.

Липа отправилась к полковнику. Марийка была в это время во дворе и видела, как прачка долго топталась у черной лестницы, прежде чем подняться к Шамборским. Вышла она от них очень скоро, бледная, с заплаканным лицом. В подвале у печника она рассказывала, что самого полковника не было дома, а Шамборская и слушать ее не захотела. «Убирайся вон! — кричала она. — Теперь кланяться пришла, а при большевиках небось только и думала, как в нашу квартиру въехать...»

Неделя сменялась неделей. Наступила осень. Легашенко так и не вернулся.

Кинодрама «В старинной башне»

Все лето цирк не работал. Полотняный шатер, где раньше выступал Патапуф, еще полгода назад разобрал и увез директор бродячей труппы, а каменный городской цирк был закрыт, потому что при наступлении оккупантов трехдюймовый снаряд разворотил в крыше огромную дыру. Почти все артисты разъехались кто куда. Только Патапуф и еще несколько человек — борцы Макаровы, танцовщица Зоя Жемчужная и дрессировщик Адольф — так и застряли в городе. Патапуф устроился флейтистом в оркестр большого ресторана «Пикадилли» и изредка, когда его приглашали, выступал в городском саду. Стэлла хозяйничала и по два часа в день кувыркалась в кольцах, чтобы не позабыть старых упражнений. Она часто приходила к Марийке в подвал и обижалась, если Марийка долго ее не навещала.

А Марийке теперь некогда было ходить по гостям. Она зарабатывала деньги. Целые дни они с Верой сидели возле окошка и чинили грубое бязевое белье, которое раз в неделю приносили из больницы Поля с Натальей. Больница платила

за починку иной раз деньгами, иной раз и пайком. За пайком Марийка и Вера ходили всегда сами. Они не без удовольствия стояли в очереди перед кладовой, где пахло карболкой, махоркой и салом, а потом тащили через весь город заработанные селедки.

Марийка научилась быстро шить, но, как она ни старалась, ее заплаты все же топорщились пузырем, не то что у Веры.

— Отчего это у меня так не выходит? — говорила Марийка, рассматривая ровные квадратные заплатки Веры, обведенные узенькой дорожкой двойного шва.

— А ты не кружком заплатки вырезай, а четырехугольником, вот и будет ровно, — учила Вера. — Гляди, как надо.

Она разворачивала перед Марийкой желтую бязевую простыню, всю испещренную заплатками и черными печатями.

Иногда и Стэлла бралась за шитье. Но она не могла долго усидеть на одном месте. Нитки у нее путались и рвались, и она накалывала пальцы, потому что никак не могла привыкнуть к наперстку.

— Нет, не могу! К черту, к черту! — ругалась она и, скомкав простыню, швыряла ее на пол.

— Эх ты, швея! — подсмеивалась над ней Вера. — Да разве ж так шьют? Нитка-то у тебя какая — конца-краю не видно. Мама всегда говорит: длинная нитка — ленивая девка…

— Я не буду шить, не умею шить, не хочу я шить, не желаю шить! — начинала распевать Стэлла.

Она расстилала на полу простыню и принималась кувыркаться и ходить на руках. Потом они с Сенькой затевали французскую борьбу — кто кого скорее положит на лопатки. Тут уж и Марийка, не вытерпев, швыряла в сторону шитье и тоже кидалась бороться. Поднималась возня. Борцы визжали, таскали друг дружку за волосы и бросали друг в друга подушками. А Вера по-прежнему сидела на своем высоком стуле с шитьем в руках и только щурилась, когда над ее головой пролетала подушка.

— Ну, хватит, ребята! Пошалили и хватит… — говорила она спокойным тоненьким голоском.

Осень в этом году была очень дождливая, целые дни моросил мелкий дождик, и небо было обложено тучами.

Как-то в конце октября выдался хороший, ясный день.

Марийка вышла во двор и оглянулась по сторонам. Светило нежаркое осеннее солнце, деревья

стояли без листьев; в поредевших ветвях, точно шапки, торчали вороньи гнезда. Только одни акации еще зеленели. Полянка, где недавно ржали лошади, топтались и орали гайдамаки, теперь опустела. Гайдамаки переехали в монастырское подворье: там было им просторнее. Пусто и тихо стало теперь во дворе. Только тощая собака с обвислым брюхом бродила по вытоптанной траве и рылась в мусоре. Марийка пошарила в карманах и, размахнувшись что есть силы, бросила собаке корку. Вдруг за воротами послышалось цоканье копыт и щелканье кнута. Старый дворник, семеня, подбежал к воротам и шире распахнул железную створку. Во двор въехала высокая блестящая коляска. В ней, вытянувшись в струнку, сидел худощавый офицер. У него была жилистая шея и длинное, узкое лицо, которое казалось еще длиннее под высокой твердой фуражкой.

Коляска остановилась возле подъезда доктора Мануйлова. Офицер выпрыгнул из коляски и, звеня шпорами, вошел в подъезд.

— Марийка, это кто приехал? — спросила Машка, выскочившая на крыльцо.

— Не знаю, офицер какой-то.

— Он и вчера был — лейтенант по-ихнему называется. Катерина рассказывала, что он каждый

день к докторше ездит. Видно, страх как влюбился…

Марийка и Машка начали рассматривать черного рысака, который нетерпеливо топтался на одном месте, часто переступая своими стройными забинтованными ногами.

Из подъезда выбежала Лора. На ней было новое пальто, и в руках она держала маленький шелковый зонтик. Лора уселась в коляску и, раскрыв над головой зонтик, оглянулась по сторонам. Ей, видно, хотелось, чтобы весь двор поглядел на нее в эту минуту.

Марийка нарочно спряталась за дерево и посматривала оттуда украдкой. Она видела, как на крыльце появилась Елена Матвеевна, нарядная, в шляпе с перьями. За нею вышли лейтенант и еще какой-то русский офицер. Офицеры разговаривали не по-русски, а докторша больше улыбалась и кивала головой. Они сели в коляску.

Солдат натянул вожжи, и рысак тронулся с места. Когда экипаж проезжал мимо Марийки, она выглянула из-за дерева и увидела русского офицера, сидевшего на передней скамеечке против докторши и лейтенанта. Это был Саша-студент. Он немножко располнел, и на щеке у него чернел какой-то пластырь.

«Вот, — подумала Марийка, — этот вернулся, и ничего на войне ему не сделалось. Растолстел только. Наверно, и на войну не ездил, а где-нибудь на вокзале в буфете просидел… А Саша-переплетчик неизвестно где… Может, убили…»

Старый дворник, затворяя ворота, ворчал:

— Ну, теперь докторше житье, что у Христе за пазухой. Басурмана в кавалеры взяла, а племянничек в контрразведку пристроился.

Вечером Марийка зашла к Стэлле: они давно уже с ней собирались погулять по городу и поглазеть на магазины.

— Стэлла, — сказала Марийка, — сходим сегодня погулять, погода очень хорошая, как летом!

— Пойдем. Забежим к папе в ресторан. Там играет оркестр не хуже нашего циркового.

Взявшись за руки, Стэлла и Марийка вышли за ворота. На главной улице было столько гуляющих, что девочки с трудом проталкивались вперед. Кинематографы и окна магазинов были ярко освещены. Из городского сада ветер доносил обрывки музыки. На углу старик-газетчик с трудом выкрикивал нерусские названия газет.

Прошел краснощекий подтянутый офицер, весь обвешанный пакетами.

— Ишь, сколько накупил! — сказала Стэлла с

ненавистью, проводив его взглядом. — И как это они, черти, не обожрутся…

— Они за нас с тобой наедаются.

Стэлла наклонилась к Марийкиному уху.

— Если б ты знала, как я их ненавижу! Как я их ненавижу! — повторила она и даже задохнулась от злости.

— Молчи! Еще услышат, — зашептала Марийка.

Возле ресторана «Пикадилли» Стэлла остановилась, поправила на голове шапочку и толкнула дверь. Марийке в уши ударила музыка, в лицо пахнуло запахом вкусной еды и духов. В большом зале за столиками сидели дамы и военные. Оттого что в этом зале были розовые стены, розовые шторы, розовые абажуры, и лица у всех казались очень розовыми. Музыка, розовый свет, цветы на столиках — все это ошеломило Марийку. Она точно приросла к порогу и испуганно смотрела на Стэллу, которая прошла уже через весь зал и, обернувшись, кивала Марийке. Марийке казалось, что все на нее смотрят. Сгорбившись, бочком-бочком она кое-как пробралась между столиками к Стэлле.

— Марийка, ты видишь папу? — шепнула ей Стэлла.

Но так как они стояли под самой эстрадой, а эстрада была высоко, Марийка видела только широкий коричневый бок контрабаса, стоявшего на полу, и чьи-то ноги в черных брюках.

Когда музыка перестала играть, Стэлла вдруг сорвалась с места и подбежала к дверце сбоку эстрады. Там стоял Патапуф. Наклонившись вниз, он что-то протянул Стэлле. Лицо у него было сердитое. Стэлла быстро вернулась к Марийке.

— Идем скорее! Папа нам дал билеты в кинематограф. Сейчас начнется сеанс.

— Что папа тебе сказал? Он сердится? — спросила Марийка, когда они вышли на улицу.

— Нет, только он не любит, когда я прихожу к нему в ресторан.

Кинематограф помещался в этом же дом, только с другой стороны. Стэлла с Марийкой вошли в фойе и присели на бархатный диванчик. Марийка была здесь уже однажды на собрании кухарок.

— Стэлла, а какая картина будет?

— А вон афиша висит: кинодрама «В старинной башне». Наверно, интересная…

Наконец сеанс начался. По полотну побежали серые волны. Вот и старинная башня. Она стоит на скале, у самого моря. В этой башне заточена

графиня Виолетта. У графини белокурые косы и такие длинные ресницы, что они отбрасывают на полщеки зубчатую тень. Старик-отчим разлучил графиню Виолетту с женихом и хочет ее отравить, чтобы завладеть ее богатством. Слуга-негр приносит Виолетте целую корзину отравленных фруктов.

— Ой, неужели она съест! — шепчет Марийка, дергая Стэллу за рукав.

Но в это время в стрельчатое окно башни уж влезает молодой моряк. Это жених. Он выхватывает из рук графини отравленный персик, и они оба спускаются по веревочной лестнице прямо в яхту, которая ждет внизу с поднятыми парусами. Вот и все.

Когда на экране заплясал красненький петушок, Марийка вздохнула. Ей было жалко, что картина кончилась, и в то же время она радовалась, что прекрасная Виолетта спасена.

Медленно двигаясь в толпе, Стэлла и Марийка выбрались на улицу.

— Чудная картина! — сказала Стэлла.

Марийка молчала. Она думала о том, как это хорошо быть такой красивой, как Виолетта. С красавицами всегда происходят разные интересные истории. А вот ее, Марийку, уж конечно,

никто не стал бы спасать из башни, если б она туда попала… Ну чтобы начать с каждым днем постепенно хорошеть! Сейчас Марийке десять лет. Если бы она сразу же, с сегодняшнего вечера, начала понемножку хорошеть, то к шестнадцати годам она стала бы красавицей. У нее бы выросли золотые или черные-черные волосы до самого пола, а рот бы совсем не рос и остался маленьким, как у куклы.

— О чем ты думаешь? Скажи! — приставала Стэлла.

Но Марийка так и не сказала.

Не успели они пройти и десяти шагов, как увидели высокого человека в клетчатом пальто, который шагал им навстречу с флейтой под мышкой. Это был Патапуф. Лицо у него было усталое, он молчал.

— Понравилось? — спросил он отрывисто и свернул в переулок, где была ближняя дорога.

В переулке было пусто. Когда-то во всю длину переулка тянулся дощатый забор, отгораживавший мыловаренный завод. Забор давно разобрали на дрова, а завод сгорел и превратился в груду развалин с торчащими во все стороны обуглившимися балками. Ночью, при лунном свете, эти развалины казались особенно страш-

ными: то и дело мерещилось, что там кто-то притаился и ждет.

Стэлла и Марийка жались поближе к Патапуфу. Когда они прошли половину переулка, позади послышались осторожные шаги. Марийка оглянулась, но в темноте никого не было видно; в это время луна спряталась за облако, и переулок потонул в темноте. Шаги приближались.

Кто-то их догонял. Патапуф остановился и начал прислушиваться. Шаги сразу стихли. Патапуф двинулся дальше. И снова девочки услышали шаги.

Только когда краешек луны опять выглянул из-за облаков, Марийка и Стэлла увидели человека, который их догонял. Это был молодой деревенский парень в барашковой шапке, с кнутом в руке. Парень дотронулся кнутовищем до плеча Патапуфа и сказал каким-то знакомым голосом:

— Вечер добрый!

У Марийки дрогнуло сердце и даже в горле пересохло. Она провела сухим языком по сухим губам, шагнула ближе и замерла. Саша-переплетчик! Она уже раскрыла рот, чтобы закричать от неожиданности, и толкнула Стэллу, но Патапуф, наклонившись к ней, сказал:

— Тихо! Если его узнают, плохо будет. Идите

вперед и не оглядывайтесь.

Стэлла с Марийкой обогнали Сашу и Патапуфа и пошли по переулку, прислушиваясь к их шагам.

«Вернулся! — думала Марийка. — Переодетый — значит, за ним следят».

Навстречу им несколько раз попадались прохожие, проехал верхом на лошади солдат, но никто не обратил внимания на высокого мужчину с флейтой, на крестьянского парня и двух девочек, быстро бежавших впереди.

Возле круглого здания зимнего цирка Патапуф и Саша остановились. Патапуф оглянулся по сторонам, потом приоткрыл какую-то маленькую дверь, пропустил Сашу вперед и вошел сам. Девочкам он шепнул:

— Подождите меня.

Дверь за ними тихо захлопнулась.

Тайна Марийки и Стэллы

Весь следующий день Марийка жила в страхе — как бы кому-нибудь не проговориться о том, что Саша вернулся и прячется в цирке.

Ей так и хотелось рассказать матери, или Вере, или Сеньке эту новость. Она не могла ни есть, ни пить, ерзала на месте. У нее даже разболелась голова из-за того, что она одна знала такой страшный секрет, и она думала, что если бы можно было про это поговорить, то ей бы стало легче.

Наконец Марийка не выдержала:

— Что я тебе расскажу, Вера…

Вера приподняла голову от шитья:

— Ну что?

— Знаешь, когда мы вчера шли со Стэллой из кинематографа…

— Ну?

— …Так было очень холодно…

— Только это! А я думала, с вами что-нибудь приключилось.

— Ей-богу, не приключилось…

Марийка бросила работу и с горящими щеками выскочила в сени.

«Дура! Малахольная… — ругала она себя. — Чуть-чуть не проболталась!»

После обеда она побежала к Стэлле. Стэлла была одна. Она плотно прикрыла за Марийкой дверь и сказала:

— Хорошо, что ты пришла. Вечером попозже мы пойдем «туда». Ты никому не сказала?

— Нет.

— То-то же! Жди меня ровно в десять часов на бульваре. Никто не должен видеть, что мы вместе уходим со двора.

Вечером в подвале все сидели за столом и пили чай с сахарином. Топилась печка, горели две тусклые коптилки, и оттого, что за темными окнами звенел дождь, казалось, что тут как-то особенно светло и уютно.

Печник сидел за столом босой, без пояса и вполголоса, часто посматривая на дверь, рассказывал о том, как оккупанты целыми составами отправляют к себе хлеб нового урожая и как возле Павлограда крестьяне разворотили насыпь и сбросили под откос паровоз. Марийка глотала горячий, приторно сладкий чай, а сама то и дело поглядывала на часы. Без десяти минут десять она вышла из-за стола и начала натягивать пальтишко.

— Ты куда это собралась на ночь глядя? — спросила Поля. — Дождь так и хлещет…

— Я к Стэлле, ненадолго. Она мне книжку обещала дать.

Не слушая, что ей говорит мать, Марийка выскочила за дверь и побежала через двор. Холодные капли осеннего дождя попадали ей за воротник. Добежав до калитки, Марийка вдруг остановилась.

«Что я наделала? — думала она. — Не надо было говорить, что я иду к Стэлле. Как бы чего не вышло…»

Потом она махнула рукой и побежала дальше.

Бульвар был пуст. Качались под ветром поредевшие деревья, дождь барабанил по мокрым скамейкам. Стэллы не было на условленном месте. Прошло пять минут. Марийка промокла до костей, а Стэлла все не шла.

Может быть, она, не дождавшись, ушла одна или, может быть, она ждет Марийку у себя дома? Марийка кинулась бежать обратно, но тотчас же остановилась. Нет, никто не должен видеть, что она бегает к Стэлле.

Так она топталась на одном месте, не зная, что делать, пока не увидела у фонаря в конце аллеи маленькую фигурку под большим зонтиком. Это

была Стэлла.

— Марийка, ты здесь? А я думала, что ты испугаешься дождя. Ну, бери меня под руку.

Они побежали, прячась обе под зонтиком.

— Что ты несешь? — спросила Марийка, заметив у Стэллы в руках узелок.

— Это еда для него. Он ведь целый день сидит голодный. Мы будем носить ему что-нибудь каждый вечер.

— Стэлла, а его в цирке не найдут? Как ты думаешь?

— Думаю, что нет. Ведь цирк сейчас закрыт, там никого нет, кроме крыс. Папа сказал, что лучшего места не сыщешь…

— Ну, а если гайдамаки найдут, что тогда?

— Тогда расстреляют.

Вот и цирк. Они обогнули забитый досками главный вход и подошли к маленькой боковой дверце. Стэлла сложила зонтик и тихонько стукнула в дверь. Марийка оглянулась. Улица терялась в темноте. Дождь лил все сильнее. Дверь приоткрылась и пропустила девочек.

— Идите за мною, — услышала Марийка Сашин голос.

В темноте, ощупывая стенки, они прошли через какой-то коридор, свернули направо, потом нале-

во, поднялись по железной лестнице и очутились в крохотной комнатушке, где возле зеркала горела свеча. Это была артистическая уборная. На стене висели обрывки афиш и обручи, затянутые продранной папиросной бумагой. На полу валялись какие-то пестрые тряпки. Саша-переплетчик был теперь уже без шапки, но в той же крестьянской рубашке и широких штанах. Он, улыбаясь, смотрел на Марийку.

— Здравствуй, кучерявая! Видишь, я вернулся, как обещал. Здорово, Стэлла… Принесли мне поесть? Это дело! Я готов съесть хоть целого вола.

Стэлла торопливо развязала узелок и вытащила кастрюльку, ложку и тарелку, прикрытую крышкой.

— Здесь суп, а это картофельные котлеты — я сама жарила… Тут еще вобла и хлеб вам к завтра.

Саша присел на ящик и начал хлебать суп. Девочки стояли в сторонке и молча глядели ему рот. Саша съел суп, три котлеты и большой кусок хлеба, потом протянул Стэлле пустую кастрюлю и сказал:

— Молодец, Стэлла. Вкусно стряпаешь. Ну, Марийка, как живешь? Как мать?

— Мы теперь у печника живем, Саша. Нас гайдамаки выселили. Они чайник в окошко вы-

бросили, носик так и отломился. И знаешь, Саша, мы с Машкой видели, как повели расстреливать одного крестьянина. А Легашенко арестованный. Вот уже третий месяц не возвращается… Саша, а ты больше не уедешь?

— Нет, кучерявая. В городе осталось много наших, они ушли в подполье, но продолжают вести работу. Мне нужно держать с ними связь.

Когда девочки уходили, Саша вытащил из кармана письмо.

— Помнишь, Марийка, когда у тебя запорошило глаз, я водил тебя к моим знакомым?

— Помню. Это где вы газету выпускали?

— Вот-вот. Сможешь найти тот дом?

— Смогу.

— Сходи туда завтра и передай Анне Ивановне письмо так, чтобы никто не видал.

Домой Марийка вернулась в двенадцатом часу ночи.

В подвале все уже спали. Поля встала с постели, чтобы открыть дочке дверь, и, когда та вошла, дернула ее за ухо.

— Погоди, завтра тебе еще не так попадет! Полуночница!

Марийка ничего не ответила, разделась в темноте и юркнула в постель. В кулаке она крепко

сжимала Сашино письмо.

На следующее утро она отнесла письмо Анне Ивановне. Но к Саше в этот вечер ей не удалось пойти — мать строго-настрого запретила ей отлучаться из дому в такой поздний час.

К Марийкиной радости, дня через три после появления Саши Поля начала работать в ночную смену. Каждый раз, когда время приближалось к семи часам вечера и Поле пора было уходить на ночное дежурство, Марийка от волнения не могла найти себе места. Ей все казалось, что мать слишком долго собирается или что она совсем раздумала идти сегодня на работу.

— Ой, уже без четверти шесть! — говорила Марийка, как бы невзначай взглядывая на часы.

Поля как ни в чем не бывало продолжала разговаривать с Натальей.

Марийка начинала вертеться у нее под ногами.

— Мама, — спрашивала она робко, — а ты сегодня разве не в ночной дежуришь?

— В ночной. А что?

— Да ничего, я просто так…

Как только Поля уходила, Марийка сейчас же бежала к Стэлле:

— Мама ушла! Сегодня я пойду…

— Вот хорошо! — радовалась Стэлла. — Знаешь, вдвоем не так страшно. Вчера шла одна, мне все казалось, что кто-то меня догоняет. Оглянусь — нет, никого не видно.

Марийка вытаскивала из кармана пакетик, завернутый в промасленную бумагу.

— Вот, возьми, это для него…

— Это что? Творожник! А я сегодня картошки нажарила полную кастрюлю… Вот только хлеба маловато.

Каждый раз, когда Марийку посылали в лавку или на базар, она делала петлю, чтобы пройти мимо цирка.

Она обходила со всех сторон круглое облупленное здание с забитым досками входом. Маленькая боковая дверца была плотно прикрыта, даже как будто заколочена сверху ржавыми гвоздями. Марийка с облегчением вздыхала и шла дальше.

Все дни она жила в страхе. Она точно выросла сразу, и все ее прежние заботы и дела стали казаться ей мелкими и неинтересными. Она почти все время думала об одном — о своей тайне. Марийка так боялась проговориться, что стала очень молчаливой.

По утрам, убирая постель, она спрашивала Веру:

— Скажи, я сегодня со сна ничего не говорила? Мне страшное что-то приснилось…

А в те вечера, когда Стэлла уходила в цирк одна, Марийку трясло как в лихорадке. Марийка рано ложилась спать, но не засыпала, а долго лежала, уткнувшись носом в подушку. «Вот сейчас Стэлла уже, наверно, вышла из дома, — думала она, — вот сейчас она подходит к цирку».

Утром Стэлла прибегала в подвал и, если был кто-нибудь посторонний, говорила с безразличным видом:

— А Сметанинша сегодня опять ругалась…

Марийка знала: это значит, что у Саши все благополучно.

Представление в цирке

Прошла неделя.

Марийка с Верой сидели за починкой белья и, чтоб было веселее, рассказывали друг другу сказки. Вернее, рассказывала одна Марийка: она всякий раз выдумывала новую сказку, так что Вера только диву давалась, откуда она их столько знает.

Сегодня Марийка рассказывала про мальчика, у которого были волшебные синие очки. Стоило ему надеть эти очки, как он начинал угадывать чужие мысли.

— И вот, понимаешь, приходит он к толстому мельнику и просится переночевать. Мельник ему ласково говорит: «Что ж, ночуй, мне не жалко». А мальчик надел свои очки, посмотрел на мельников лоб и сразу прочитал все его мысли…

Марийка остановилась на полуслове. В окошко она увидела ноги Стэллы в туфлях на высоких каблуках. Потом показалось и Стэллино лицо.

Она заглядывала в подвал и делала какие-то странные гримасы.

Марийка воткнула иголку в простыню и опро-

метью выбежала вон.

— Ты куда? Опять секретничать? — кричала ей Вера вслед.

Когда Марийка выскочила из подвала, она увидела, что Стэлла стоит в глубине двора, возле помойки, и машет ей рукой:

— Скорей, Марийка, скорей…

Стэлла была бледная, волосы растрепаны, кофточка, видно надетая второпях, застегнута вкривь, не на те пуговицы.

«Кончено! Сашу арестовали…» — подумала Марийка. Она подбежала к Стэлле, схватила ее за плечо и спросила шепотом:

— Арестовали, да? Арестовали?

— Да нет же, — зашептала Стэлла, — понимаешь, только что у нас были гайдамаки. Они приказали папе завтра устроить в цирке представление. Папа сказал, что это невозможно, что в цирке протекает купол и почти все артисты разъехались… А они и слушать не хотят. Сказали — если завтра не будет представления, то папу расстреляют… Папа побежал к борцам Макаровым.

— А как же Саша?

— Папа говорит, что Саша должен остаться в цирке, ему больше некуда деваться. Он наденет

рабочую куртку и сойдет за служителя. Это на один только вечер.

— А вдруг узнают? Саша говорил, что за ним следили.

— Не узнают! Ну, я побегу сейчас штопать трико. Мне ведь тоже завтра выступать. Ты пойдешь со мной пораньше в цирк и поможешь мне одеться. Ладно?

— Ладно.

Марийка вернулась домой и молча села за шитье.

— Ну что, насекретничались со своей Стэллочкой? — спросила Вера, поглядывая на нее искоса.

— Это не секреты. Стэлла пришла сказать, что завтра она выступает в цирке.

— Да ну ее с ее цирком! Кончай лучше сказку. Какие же у мельника были мысли?

Марийка задумалась и не слышала Вериных слов.

— Марийка! Ну как тебе не стыдно! Что ж дальше было?

Марийка вздрогнула и уколола палец.

— Я еще дальше не придумала, — сказала она.

На следующий день на стене цирка появился наспех намалеванный плакат:

СЕГОДНЯ 4 НОЯБРЯ 1918 г.

В ЦИРКЕ СОСТОИТСЯ ЭКСТРАОРДИНАРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Начало в 8 часов. Вход свободный

Патапуф распорядился, чтобы сняли доски, которыми был заколочен вход. Две кассы у входа зияли выбитыми стеклами, земля была покрыта обломками стекла и кусками облупившейся штукатурки. Лошадиные головы на барельефах, украшающих здание цирка, почти все были с отбитыми ноздрями и ушами.

Вечером толпа повалила в цирк. Здесь были гайдамаки, солдаты и множество мальчишек, которые, разузнав о даровом представлении, сбежались с самых дальних улиц.

Были здесь и Вера с Машкой, и Сенька, и Митька Легашенко, и Володька из 35-го номера. Они пришли в цирк задолго до начала представления. Марийки с ними не было. Она сказала, что пойдет к Стэлле в уборную, а сама побежала искать Сашу. Он стоял в глубине полутемного коридора и складывал какие-то доски.

Лицо у него было выпачкано в саже, на плечах драная широкая куртка, на голове кепка. Когда Марийка шла мимо Саши, он подмигнул ей.

В большой уборной собрались все артисты, которых Патапуфу удалось разыскать.

Здесь были борцы-акробаты братья Макаровы, грудастые широкоплечие парни в черных трусиках.

Они боролись друг с другом, чтобы согреться, так как в нетопленной уборной стояла стужа. Танцовщица Зоя Жемчужная, которая последнее время служила телефонисткой, сидела в пальто и ботиках перед зеркалом и красила щеки.

Стэлла, склонившись над коптилкой, зашивала последние дырки на своем старом трико. Посреди уборной стоял с собачонкой под мышкой дрессировщик Адольф, он же Андрей Иванович. Это был очень высокий и худой мужчина, с длинными, как у священника, волосами, падавшими на воротник его бархатной блузы.

— Ну и температурочка! — говорил он, гладя свою дрожащую собачонку. — Не знаю, Зоя, как вы будете танцевать в вашей газовой юбочке. Выдумали тоже представление! Ерунда…

В уборную вбежал Патапуф. Пальто у было расстегнуто, на шее болтался пестрый шарф. Он вытер платком потный лоб и сказал:

— Сейчас начинаем! Полный цирк гайдамаков. Макаровы, готовьтесь к выходу!

— А купол починили? — капризно спросила Зоя.

— Затянули дыру брезентом. Ничего, ничего, все сойдет прекрасно.

Марийка подошла к Стэлле и поправила ленту в ее волосах:

— Ты готова?

— Успею, вот только зашью еще четыре дырки. Мой выход предпоследний. Ну, как там, все в порядке? — Стэлла глазами указала на дверь.

— Он доски носит. Я с ним не говорила — вдруг кто увидит, — сказала Марийка, еле шевеля губами.

— Правильно. Ну, иди скорей, сейчас начало. Слышишь, как хлопают?

Марийка побежала смотреть представление. Вера приберегла для нее место рядом с собой.

Гайдамаки хлопали, топали ногами и пронзительно свистели.

— На-чи-най! Вре-мя!

Цирк был освещен только наполовину. Посреди купола большая брешь была кое-как затянута брезентом.

Вышел Патапуф в черном фраке.

Подняв руку, он несколько секунд подождал, пока уляжется шум, потом поклонился и густым, бархатным голосом, какого Марийка у него никогда еще не слышала, объявил:

— Известные борцы-акробаты братья Ринальди. Внимание — Ринальди!

Макаровы, кувыркаясь, выскочили на арену, разостлали коврик, начали прыгать друг дружке на плечи и бороться.

— Оце-добре! Дуже добре! — кричали гайдамаки и хлопали так, что тряслись стены.

Они заставили Макаровых три раза подряд повторить номер, чему были очень рады все мальчишки.

— Вторым номером нашей программы, — объявил Патапуф, — выступит известная балерина Зоя Жемчужная.

Под звуки вальса на грязную, затоптанную арену выпорхнула Зоя.

Зрители все сидели в пальто и теплых шапках, а на Зое было розовое шелковое трико и газовая юбочка. На ее голые руки и плечи жалко было смотреть. Но Зоя как ни в чем не бывало кружилась на кончиках пальцев и с улыбкой посылала в публику воздушные поцелуи.

Кто-то бросил к ногам Зои бумажный пакет, из которого посыпались галеты.

Потом выступил Адольф со своей тощей дрессированной собачонкой, у которой можно было пересчитать все ребра.

Собачка начала старательно плясать на задних лапках. Она плясала, кружилась, подпрыгивала до тех пор, пока не заметила несколько валяющихся на песке галет. Тут, к великому смущению Адольфа, собачонка с жадностью накинулась на галеты, и сколько он ей ни кричал: «Бобби, Бобби, пиль!» — она не обращала на него никакого внимания и с хрустом продолжала грызть галеты.

Марийка посмотрела на Веру. Лицо у той было покрыто пятнами, она смеялась, но на глазах у нее стояли слезы.

— Ты чего плачешь? — спросила Марийка.

— Песика жалко! Он голодный…

Наконец Патапуф объявил выход Стэллы.

— Ну, еще один номер — и конец! — с облегчением вздохнула Марийка.

На арену выбежал стройный мальчик, затянутый в красное трико.

Ребята зашептались и захихикали:

— Стэлла! Стэлла! Глядите-ка! Стэлла!

А Стэлла ходила на руках, кувыркалась, вертелась волчком, потом взобралась на трапецию и повисла головою вниз под самым куполом цирка. После каждого опасного номера она выкрикивала: «Вуаля!» и поднимала руку, на которой сверкал ее красный гранатовый браслет. Стэлле

много хлопали. Ребята со двора отбили себе все ладони.

Но это было еще не все. Под конец выступил сам Патапуф. На этот раз он был не клоуном, а жонглером.

Он подбрасывал тарелки, бутылки, горящие факелы. Просто удивительно было смотреть, как эти предметы летают вокруг него и сами возвращаются к нему в руки, словно привязанные на ниточках.

Марийка ерзала на месте и, как зачарованная, не сводила глаз с клоуна.

— Скорей… Ну! Скорей… Кончай же… — шептала она про себя.

«Еще немножко — и конец! — проносилось у нее в мыслях. — Еще минутка — и публика разойдется по домам. Двери опять забьют досками, и в пустом тихом цирке Саша опять останется один…»

Вдруг кто-то дернул Марийку за плечо. Она оглянулась и увидела Стэллу, которая стояла позади нее в пальто, накинутом поверх трико.

— Марийка, идем скорей… Все пропало… Идем!

Марийка вскочила с места и, наступая кому-то на ноги, выбежала за Стэллой в полутемное фойе.

— Сашу арестовали… — зашептала Стэлла прямо ей в ухо. — Сейчас, сию минуту… Я только кончила свой номер и возвращалась в уборную, вижу: он стоит в коридоре возле бочки и курит. Там было совсем темно. Вдруг из уборной Зои Жемчужной выходят три гайдамака. Одного из них, офицера, я знаю, он прежде у Тараканихи на квартире жил…

— Чернявый такой?

— Ну да. Они увидели огонек папиросы, подошли к Саше и попросили прикурить. И этот офицер его узнал… Они увели его.

— Увели! — шепотом повторила Марийка.

Они несколько секунд стояли молча в темном фойе. Было тихо, только крысы пищали где-то в темноте.

Вдруг из цирка донеслись громкие хлопки и смех. Это Патапуф закончил свой номер.

Город под обстрелом

Вот уже шесть дней прошло с того вечера, как гайдамаки арестовали Сашу-переплетчика. Марийка все еще не знала, где находится и жив ли он.

Ни матери, ни Вере, ни Машке, никому она ничего не сказала про Сашу. Только с одной Стэллой, да и то втихомолку, она решалась поделиться своей тревогой.

— Что, ничего не слышно? — спрашивала она то и дело у Стэллы.

— Ничего.

— Стэлла! Ты бы попросила папу, пусть сходит в контрразведку, спросит. А то бы к Шамборскому зашел…

— Да ты с ума сошла! Разве они папе скажут? Лучше сама попробуй разузнать.

— У кого? — удивилась Марийка.

— Да у докторшиного племянника. Он, говорят, в контрразведке служит.

Марийка с минуту помолчала и тряхнула головой:

— Спрошу! Только скажет ли? Он вредный…

Ей вспомнилось, как Саша-офицер мучил толстого кота, как называл ее «эй ты, лохматая» и как показывал кукиш, когда она разжимала его стиснутые пальцы.

Марийка очень жалела Сашу-переплетчика. Ни днем ни ночью она не переставала о нем думать. Она целые дни торчала во дворе, надеясь увидеть племянника докторши и спросить его о переплетчике.

Но Саша-офицер больше не приезжал. Как-то в конце ноября Полуцыган вернулся домой сам не свой — не то испуганный, не то обрадованный. Он плотно прикрыл за собой дверь, посмотрел в форточку, не ходит ли кто под окнами, и только после этого сказал удивленно глядевшим на него Поле и Наталье:

— Ну, бабы, скоро у нас ни одного немца не останется…

— А куда ж они денутся? — спросила Наталья.

— К себе уйдут. У них там теперь тоже революция. Да и здесь солдаты бунтовать начали, домой рвутся… Мне один верный человек рассказывал. Говорит — полная гауптвахта немецких солдат.

Сенька отозвал Марийку в угол и зашептал ей на ухо:

— Бежим на улицу!

Марийка стащила с вешалки свое пальтишко и выскочила вслед за Сенькой из подвала.

Первым делом побежали к комендатуре. У входа стоял автомобиль и несколько верховых лошадей. Дверь комендатуры поминутно хлопала, то и дело входили и выходили военные.

Сенька толкнул Марийку:

— Гляди-ка! Докторшин Сашка!

Действительно, на крыльце комендатуры стоял, застегивая перчатку, Саша-офицер. На щеке его все еще темнел черный пластырь.

«Спрошу!» — решила Марийка.

Она неуклюже бросилась к крыльцу, чуть ли не плюхнувшись офицеру под ноги.

Тот даже споткнулся на ступеньках:

— Тебе что?

— Александр Петрович! Сашу арестовали! Вы, наверно, все знаете… Где он?

Офицер удивленно посмотрел на Марийку сверху вниз и, приподняв свои широкие брови, усмехнулся:

— Тю-тю твой Саша!

Он быстро сбежал по ступенькам и сел в автомобиль. Загудела сирена, автомобиль рванулся и помчался вдоль улицы, разбрызгивая грязь.

Ошеломленная Марийка стояла на ступеньках.

Подбежал Сенька:

— Ты чего здесь топчешься? Пошли домой.

Марийка не отвечала.

Вернувшись домой, она сейчас же побежала к Стэлле:

— Стэлла, я офицера видела… Он говорит: «Тютю твой Саша».

— Так и сказал?

— Да.

— Значит, расстреляли…

— А может, жив? — сказала Марийка с надеждой и всхлипнула, сама себе не веря.

В начале декабря выпал первый снег. Снег прикрыл белой простыней вытоптанную полянку, акации, курятники, весь двор. Стало чище и как будто просторней. Холодный чистый воздух был полон той особенной зимней свежести, которая немножко отдает запахом нашатыря.

После слякотной, грязной осени сразу наступила зима.

В это утро немецкие войска по первому снежку вышли из города.

Они ушли на рассвете, без шума и суеты, минуя главные улицы.

Гайдамаки остались полновластными хозяевами города. Они целый день гарцевали на своих

конях по улицам и беспрестанно палили в воздух. К вечеру начались грабежи и погромы.

Через несколько дней, когда в подвале у Полуцыгана съели весь хлеб и подобрали всю крупу до крошки, Поля решила отправиться на базар.

Марийка увязалась за ней.

Но базара не было. Деревянные столы, на которых торговки раскладывали овощи, были сдвинуты в угол рыночной площади. Посередине площади гайдамаки расставляли пушки и разгоняли народ.

— Разойдись, бабы! Сейчас будем стрелять по железнодорожному мосту, батьку Махна встречать…

Бабы и торговки с руганью разбегались в разные стороны. Поля с Марийкой повернули обратно.

— Мама, а махновцы за большевиков или против?

— Да нет, не за большевиков. Водопроводчик Ковтюн вчера говорил, что они никого не признают — ни царя, ни большевиков.

В соседнем переулке их обогнала женщина, которая бежала, пряча под платком две буханки хлеба.

— Продаете хлеб?

— Хотела продать, да где ж тут… Стрелять будут…

— Давайте одну буханку.

Поля на ходу сунула женщине деньги, и они с Марийкой побежали дальше. Но не успели они отойти на несколько шагов, как где-то наверху, над самыми их головами, грянул первый оглушительный удар. Зазвенел воздух, в домах задрожали стекла.

Марийке показалось, что у нее что-то лопнуло в ушах. Поля схватила ее за руку, и они побежали что было силы, скользя по обледеневшей панели.

Пальба не смолкала до вечера. Жильцы дома Сутницкого начали перекочевывать из верхних квартир в погреба.

Только семье печника никуда не нужно было перебираться — она и так была в подвале.

Сеньке и Марийке дома не сиделось. Они то и дело выскакивали во двор и, заткнув уши, пригибаясь, пробирались вдоль стен в погреба.

В длинном подземном коридоре пахло плесенью и гниющими овощами. Тускло мерцали свечи, освещая кирпичные своды. Один угол погреба занимало семейство Сметаниных — квартирных хозяев Патапуфа. Старик, страдавший

сахарной болезнью, лежал на койке, обложенный подушками. Старуха, накинув на плечи поверх пальто плюшевое одеяло, варила на керосинке кашу. Сын Сметаниных, бледный юноша в меховом картузе, у свечки читал книгу. Немного подальше, на большом чемодане, покрытом диванными подушками, спал толстый Мара, а его мать, полная женщина с двумя подбородками, сидела рядом, закутавшись в белый пуховый платок. Подальше разместились Мануйловы. Катерина укладывала Лору спать на раздвижной кровати. Лора капризничала и твердила, что она все равно здесь не заснет.

Марийка бегала со Стэллой и другими ребятами по полутемным коридорам: они забирались в открытые погреба и лазили там между бочками из-под капусты и огурцов.

Каждый час кто-нибудь из мужчин поднимался наверх и возвращался с донесениями: снарядом сшибло кусок крыши соседнего дома; осколками ранена женщина; Махно уже занял вокзал; махновцы заняли базарную площадь; махновцы уже на Казачьей улице; гайдамаки отступают…

В подвал все чаще доносились ружейные залпы и стук пулеметов.

Теперь уже Марийке страшно было перебегать

через двор, и она не решалась высунуть нос из подвала.

Наталья, у которой был сердечный припадок, лежала на постели и жалобно стонала при каждом залпе. Марийка, Вера и Сенька сидели на постланном возле печки одеяле. Они были голодны, но не просили есть, так как знали, что вчера была съедена последняя горсть пшена и последняя корка хлеба.

Марийка положила голову к Вере на колени и закрыла глаза. У нее болела голова, и ей казалось, что она глохнет от беспрерывного треска пулеметов.

«Где-то наш Саша? — думала она. — Неужели офицер правду сказал? Неужели я его никогда не увижу?»

Вера, которая все время молча сидела со своей тряпичной куклой на коленях, вдруг тихонько заплакала.

— Ты чего, Верушка? — спросила Марийка.

— Ничего. Просто так! — всхлипнула Вера.

— Федя, — слабым голосом сказала Наталья, — сходи к Фельдману, попроси хоть чего-нибудь. Дети второй день голодные сидят.

— Мы уж у него и так набрали, — ответил Полуцыган.

— Ничего, он даст… Скажи, дети плачут.

Полуцыган вышел.

Ребята сидели притаившись и слушали, как свистят шрапнели и пули шлепают о камни мостовых.

— Как бы под пулю не угодил… Ох, пресвятая богородица! — стонала Наталья.

Полуцыган вернулся через десять минут и начал вытаскивать из карманов засохшие, твердые, как камень, пряники. За пять дней перестрелки жильцы разобрали в лавочке все съедобное, и, кроме прошлогодних пряников, у Фельдмана ничего не осталось.

К вечеру стрельба внезапно стихла.

Марийка и Вера, закутавшись потеплее, вышли во двор. Среди подтаявшего снега повсюду валялись осколки выбитых стекол, куски штукатурки. Из погребов один за другим выбирались жильцы и начинали расходиться по своим квартирам. Вот вылезла из погреба Катерина, нагруженная узлами с постелью, за нею осторожно поднялись по скользким ступенькам Елена Матвеевна и Лора; под руки вывели старика Сметанина.

— Пойдем домой, холодно, — сказала Вера.

— Пойдем.

Девочки повернули к себе на задний двор, но в

эту минуту услышали какой-то шум.

В узкую калитку гуськом вошли шесть человек, обвешанных ручными гранатами и обмотанных пулеметными лентами. Двое из них были одеты в дорогие енотовые шубы, видно только что снятые с чужого плеча, один был в солдатской шинели, остальные — в простых крестьянских зипунах.

Как раз в это время через двор проходил молодой Сметанин.

Увидев вооруженных людей, он хотел было юркнуть в подъезд, но не успел.

— А ну стой, не бежи! — крикнул ему огромный детина в меховой шубе нараспашку.

Сметанин остановился.

— Ты кто будешь? — спросил тот, что был в меховой шубе.

— А вы кто?

— Гайдамаки. Что, небось обрадовался? Не, мы махновцы… Мы ваших любимчиков в порошок стерли и в Днипро скинули…

— Махновцы! Бежим домой! — толкнула Вера Марийку в бок.

— Подожди, посмотрим, что дальше будет…

— А ну, веди нас в свою кватеру, — сказал Сметанину один из махновцев, смуглый парень с ярко-белыми зубами.

— У меня больной старик-отец. Не напугайте его, пожалуйста, — забормотал Сметанин и зачем-то снял картуз.

— Идем, идем! Поговори тут еще…

Махновцы вошли в подъезд.

Стрельба смолкла, но все сидели по домам, боясь выглянуть на улицу. В городе было тревожно. Махновцы грабили подряд все квартиры и, уходя, для острастки оставляли возле порога парочку ручных гранат.

— Ну, нам бояться нечего — к нам не придут, — говорила Наталья, — что с нас взять? Пуговица в кармане да блоха на аркане.

Но видно было, что Наталья все-таки боится махновцев. Она не выпускала ребят во двор, при каждом шорохе вздрагивала и бледнела.

В восемь часов вечера дворник запирал ворота на железный засов. Во всех окнах было темно, во дворе, занесенном сугробами, пусто и страшно. Весь город точно вымер. Только изредка раздастся где-нибудь выстрел или пьяный выкрик — и снова все стихает.

И вдруг на третий день снова началась пальба. Снова жильцы дома Сутницкого полезли прятаться в погреба. Снова Марийка, Вера и Сенька сидели на одеяле возле печки и при сильных

взрывах ничком ложились на пол.

Все было совсем как три дня назад. Только сейчас никому не было известно, кто наступает.

Одни говорили, что стреляют гайдамаки, другие — что это возвращаются немцы, третьи уверяли, что это наступают французские и английские союзники, которые хотят захватить Украину.

Полуцыган, который утром выходил из дома, спросил у одного махновца, кто наступает на город.

Махновец ответил:

— А кто его зна! Все одно, враг…

На этот раз перестрелка стихла очень скоро.

В подвал прибежала Машка:

— Девчата, бежим на улицу! Махновцы отступили, на Казачьей улице пулемет кинули… А у самых наших ворот дохлая лошадь лежит…

Большая черная лошадь лежала посреди мостовой, запорошенная снегом. Две голодные собаки кружились возле нее.

— Не хочу глядеть, она страшная, — сказала Вера и потянула Марийку за руку. — Пойдем домой.

— Ну погоди минутку. Смотри, у нее глаз точно стеклянный.

Мимо девочек проскакали на взмыленных

лошадях четыре всадника. Один из них осадил на полном скаку коня и крикнул:

— Девочки, а где тут будет центральный телеграф?

У всадника на отвороте шинели был приколот красный бант, а когда он наклонился, на барашковой папахе блеснула пятиконечная звездочка.

— Телеграф на Кирилловской, прямо, а потом за угол, — сказала Вера.

Всадники скрылись за углом, а Марийка все еще стояла и глядела им вслед.

— Видела красную звезду? Это наши! — закричала она, наконец придя в себя.

Дорогой гость

Город заняли большевики. В этот же день на Соборной площади был устроен митинг.

Возле засыпанной снегом паперти собора красноармейцы установили наспех сколоченную трибуну.

Марийка, Машка и Сенька прибежали на площадь, когда вокруг трибуны уже собралась большая толпа. Падал густой снег, вороны, каркая, кружились над площадью и садились на колокольню.

Ребята никак не могли протолкаться к трибуне, а из-за спин им ничего не было видно.

— Девчата, идите за мной, — сказал Сенька, — мы на ограду влезем…

Пробираясь к ограде, Сенька нечаянно толкнул какую-то бабу в овчинном тулупе. Баба начала ругаться и хотела схватить Сеньку за ворот, но он ускользнул и спрятался позади Марийки и Машки.

Наконец все они взгромоздились на решетку церковной ограды. Сенька даже умудрился сесть верхом на железные прутья, а Марийка и Машка

стояли на кирпичном выступе и держались рукой за холодные шишечки и крестики решетки.

Отсюда, сверху, вся трибуна была видна как на ладони. На трибуне стояли несколько военных.

Вот вперед вышел один из них, молодой, черноглазый, с рукой на перевязи.

— Товарищи, — сказал он и обвел глазами толпу, — регулярные войска Красной Армии разгромили гетманские отряды национально-буржуазного правительства…

«Да кто же это говорит? Да может ли это быть?!»

— Саша, Сашенька! — закричала Марийка и кубарем скатилась с ограды прямо в снег.

Пролезая под ногами, упираясь локтями в чьи-то животы, Марийка начала проталкиваться вперед. Люди наклонялись и удивленно разглядывали курчавую девочку в сбившемся набок платке, которая, пыхтя и тяжело дыша, пробивала себе дорогу к трибуне. Какой-то старик пихнул Марийку что было силы, но Марийка даже не почувствовала боли. Она помнила только одно: Саша жив, здоров, вот он стоит на трибуне и говорит речь…

На следующий вечер в подвале у печника ждали гостя. На столе, покрытом скатертью, стояли

ржаные коржики, бублики, творожные лепешки и полбутылки водки.

— Можно бы и без вина обойтись, — сказала Наталья. — Саша-то, кажись, непьющий.

— Ничего, на радостях выпьет, — отвечал печник. — Советская власть не каждый день город занимает…

Марийка с Верой сидели возле заиндевевшего окна и, то и дело протирая его, смотрели во двор.

— Что ж он не идет! — говорила Марийка. — Сказал — будет в восемь часов, а скоро уже половина девятого…

— Придет. Делов-то, наверно, у него много, — успокаивала ее Вера.

Сенька подбросил в печку кусок деревянного забора и подошел к девочкам:

— Марийка, что ж твой Саша не идет? Обманул?

— Отстань! Я почем знаю…

В эту минуту мимо окошка мелькнула тень: кто-то спускался по ступенькам в подвал.

— Идет! Идет! — закричали ребята.

Дверь распахнулась. Саша-переплетчик в длинной, до пят, шинели стоял на пороге. Одна рука у него была забинтована; здоровой рукой он снял военную фуражку с красной звездочкой и низко

поклонился:

— Вечер добрый! Здравствуйте, Пелагея Ивановна. Давненько мы с вами не виделись…

Ребята окружили Сашу и начали стаскивать с него шинель.

Сенька сейчас же завладел его фуражкой и пустой кобурой (наган Саша вынул и спрятал в карман).

— Ну, теперь можно и к столу, — сказал Полуцыган.

Все расселись вокруг стола.

— Вот, Сашенька, живем мы здесь уже полгода, — говорила Поля, — приютили люди добрые, дай им бог здоровья. Гайдамаки-то нас из швейной комнаты прямо на улицу выбросили.

— Они, Саша, нас большевицкой породой обозвали, — сказала Марийка.

— А ты разве не большевичка?

— Большевичка!

— То-то же…

Саша бросил таблетку сахарина в стакан с густым морковным чаем.

Марийка, точно вспомнив что-то, вскочила с места и побежала к дверям.

— Ты куда это?

— Я за Стэллой. Она просила ее позвать, когда

Саша придет.

— И Патапуфа приведи! — крикнул Саша.

Через минуту Марийка вернулась с Патапуфом и Стэллой.

— Жив? Молодчина! А мы тут вас уже оплакивать собирались, — сказал Патапуф.

— Да, да! — закричала Стэлла. — Особенно когда этот офицер нас напугал… Но все-таки я чувствовала, что Саша спасется из контрразведки.

— А ты разве, Сашенька, в контрразведке сидел? — спросила Поля.

— Как же. Разве вам Марийка не рассказывала? Меня ведь в цирке арестовали.

— В каком цирке? — спросила Поля и удивленно посмотрела на Марийку, которая сидела, подперев руками горящие щеки.

Тут Саша рассказал про то, как клоун прятал его в цирке, как Марийка со Стэллой носили ему по вечерам еду и как его арестовали во время представления.

— Господи! А мы-то ничего и не знали! — всплеснула руками Поля. — Ишь ты, скрытница какая! Хоть бы матери проговорилась…

— Так вот она куда все бегала по вечерам! — закричала Вера.

— Я велел Марийке и Стэлле держать язык за

зубами, — сказал Патапуф, — ведь за Сашей следили, и приходилось быть настороже.

Все с уважением посмотрели на Марийку и Стэллу.

А они сидели сияющие по обеим сторонам Саши и от радости не могли даже есть.

— Да, бывает… — сказал Полуцыган. — Со мной тут тоже чуть история не приключилась. Уже было нагайками хлестали и под арест вели, да, спасибо, печка выручила…

— Погоди ты с печкой! — перебила его Наталья. — Пусть лучше Саша — не знаю, как по отчеству величать, — расскажут, как они спаслись…

— Что ж тут рассказывать? Подоспели наши и выпустили меня на волю. А то бы и посейчас сидел в контрразведке. Конечно, если бы в расход не вывели. Да это им невыгодно было. Они наперед хотели выведать, кто да кто из наших в городе остался. Чуть не каждый день на допрос меня таскали. Однако не выгорело…

— А с рукой что?

— Вывихнули, когда из цирка вели.

Марийке было так жарко, что она встала из-за стола и пошла в сени напиться холодной воды.

В сенях она зачерпнула из кадки полный ков-

шик и жадно припала к железному краешку.

Вдруг кто-то толкнул ее так сильно, что ковш вывалился у нее из рук и плюхнулся в кадку. Марийка оглянулась и увидела Сеньку; он стоял перед ней со сжатыми кулаками.

— Ты что, Сенька, очумел? Ведь больно!

— Погоди, еще не так получишь! Дрянь этакая… Все скрытничаешь… Не могла мне сказать про Сашу! Я это тебе припомню…

И Сенька еще раз дал Марийке такого тумака, что у нее искры из глаз посыпались.

Но Марийка на него не рассердилась. Она понимала, что если бы она была на Сенькином месте, ей тоже было бы очень обидно.

Новая жизнь

Снова в городе перемены. Над домом Шабада опять развевается красный флаг. Бывшая Казачья улица теперь опять называется улицей Свободы, как и полгода назад.

Но дело не в том, что переменились названия улиц, а в том, что теперь всем стало ясно: переменились они в последний раз, навсегда.

Полуцыган снова сделался председателем домкома и целые дни бегал и хлопотал, улаживая разные домовые дела. А дел у него много. Раньше всего он раздобыл где-то навозу и стал вместе с Ковтюном отогревать замерзший водопровод. А с весны домком начал переселять подвальных в верхние этажи.

Шамборский был арестован. Шамборщиха вместе с Вандой куда-то исчезли; никто не видел, как они переезжали; во дворе говорили, что они здесь же, в городе, у каких-то родственников. В квартиру Шамборского перетащили свой скарб три семьи рабочих с лесопилки. Прачку Липу вселили к доктору Мануйлову; Сутницкому отвели две комнаты в соседнем доме, где была мастер-

ская Таракановой.

Квартиру Сутницкого перегородили пополам. В одну половину должно было въехать какое-то учреждение, а в другой половине разместились: водопроводчик Ковтюн, Полуцыган и Поля с Марийкой. Семье Полуцыгана досталась бывшая гостиная Сутницкого. Полуцыган поставил посреди комнаты фанерную перегородку, так что получилось две комнаты. Как раз над перегородкой, которая не доходила до потолка, висела большая хрустальная люстра, та самая, в которую стреляли гайдамаки. Когда где-нибудь рядом хлопали двери, с люстры, поврежденной гайдамаками, начинали сыпаться хрустальные подвески. Их было так много, что Марийка и Вера нанизали себе по целому ожерелью.

На балконе Сутницкого, где раньше стояла золоченая клетка с попугаем, теперь хозяйничал Сенька Полуцыган. На балконе постоянно гудел примус, вниз сквозь решетку капали какие-то цветные жидкости, сыпался мел и толченый уголь.

Поля с Марийкой занимали большую комнату — бывший кабинет Сутницкого. Всю мебель отсюда забрали для учреждения, и в комнате из вещей Сутницкого осталась только одна стоячая

бронзовая лампа, которая была выше Марийкиного роста. Эта лампа стояла на полу и была такая тяжелая, что ее трудно было сдвинуть с места. Наверху, среди шести матовых абажурчиков в виде язычков пламени, сидел, раскинув крылья, черный бронзовый орел.

Теперь у Марийки было два окна, много простора и воздуха. Позднее солнце заглядывало сюда только часам к трем, но зато уже держалось до самого вечера, и Марийке это очень нравилось. На закате вся комната была залита красноватым светом, точно отблеском дальнего пожара, Бронзовые крылья орла на лампе начинали золотиться, искриться и даже как будто шевелиться. Марийке казалось, что орел вот-вот сорвется с лампы и улетит.

Коммунхоз выдал Поле мебель: старый исцарапанный шкаф, один венский стул, одну круглую вертящуюся табуретку от рояля, столик на выгнутых золоченых ножках и красный плюшевый диван. Под сиденьем дивана было много разного хлама. Марийка часто находила там какие-нибудь редкости: огрызки карандашей, игральные карты и грязные крахмальные воротнички. Каждый день Полуцыган обходил все квартиры и учил новых жильцов, как нужно обращаться

с печками и кухонными плитами. Если где-нибудь был забит дымоход или не в порядке плита, председатель домкома недолго думая закатывал рукава и принимался за работу.

— Печка — она сооружения нехитрая, — говорил он хозяйкам, — но ухода за собой требует хорошего, что за ребенком…

Сутницкий изредка заходил во двор с кошелкой в руках. Он направлялся в сарай, где у него оставались дрова. Наложив полную кошелку березовых поленьев и связав ручки веревкой, он, кряхтя, взваливал кошелку на спину и тащил через двор.

— Сергей Иванович, дозвольте мне дровишки поднести, — почтительно кланяясь, говорил ему старый дворник.

Сутницкий медленно опускал кошелку с плеч, ставил ее на землю, потом начинал хрипеть, топать ногами и кричать на дворника:

— Пошел прочь! Не прошу… Никого не прошу! Сам сделаю… Приучаться надо… Не сегодня-завтра пошлют землю копать!

Тут и там открывались окна, женщины выглядывали во двор и качали головами, а Сенька, свесившись с балкона, кричал:

— Ну и пусть себе приучается!

Прачка Липа и Митя жили теперь у доктора Мануйлова, в детской Лоры.

Докторша хотела было подсунуть им швейную комнатку, в которой раньше жили Поля с Марийкой, но комиссия, переселявшая прачку, нашла, что швейная комната слишком мала для двоих.

Вот и пришлось Лоре переехать в швейную комнату со своей кроваткой и всеми игрушками…

Марийка долгое время не решалась зайти к Липе и посмотреть, как они с сыном устроились на новоселье.

Если ей нужен был зачем-нибудь Митя Легашенко, она становилась под его окном и кричала, задравши голову:

— Митька! Ми-ить!

Так продолжалось до тех пор, пока Марийка не встретила как-то раз во дворе возле водопроводного крана докторшу Елену Матвеевну, которая тащила кувшин с водой.

Марийка хотела проскочить мимо, но докторша вдруг с ней заговорила:

— Ты не видела Катерину? Ушла куда-то и оставила нас без воды…

— Не видала.

— Если увидишь, скажи ей, чтобы она скорей шла домой…

После этого разговора Марийка осмелела и начала ходить к Мите Легашенко.

Поля работала теперь кухаркой в детской больнице.

Марийка с нетерпением дожидалась каждого воскресенья.

Раньше, когда Поля служила у доктора, ей тоже полагалось гулять по воскресеньям. Но в воскресные дни у докторши обычно собирались гости, с утра приходилось печь пироги, и раньше пяти-шести часов вечера Поля не освобождалась. Теперь же день отдыха начинался с девяти часов утра, когда Поля с Марийкой просыпались. Они вместе прибирали свою комнату, потом отправлялись в баню, где долго мылись и яростно терли друг друга мочалками.

После возвращения из бани Поля с Марийкой садились пить чай.

Марийка начинала читать вслух какую-нибудь книгу, а Поля слушала чтение, штопая или удлиняя старые Марийкины платья.

— Ишь ты! — говорила она и покачивала головой. — Напишут же так… Ну, читай, читай!

Марийка принималась читать быстрее. Чтобы Поле было еще интересней, она начинала менять голос на разные лады.

— Постой, постой… — вдруг говорила Поля. — А Павел Иваныч — это кто же будет?

— Ах, мама, опять ты не слушаешь! Это Чичиков… Тот самый, что с Коробочкой торговался.

— А я и прослушала… Голова-то разными мыслями забита. Ну, читай дальше.

Через минуту Поля опять спрашивала:

— Погоди, а зачем же он все по помещикам ездит? Сидел бы дома…

— Так он же мертвые души покупает…

— Ах ты, моя умница! — умилялась Поля. — Все-то ты у меня знаешь, как старая старуха…

День рождения Марийки

Однажды Марийка проснулась, когда матери уже не было дома. Она вскочила с дивана, достала из шкафа краюху хлеба и кусочек сахару и снова улеглась. Когда она сгрызла весь сахар, начала кувыркаться на диване так, что пыль столбом повалила.

Марийке почему-то было очень весело: то ли потому, что в шкафу стояло еще полное блюдце сахару, то ли потому, что впереди был длинный солнечный день.

В коридоре печник разговаривал с женой:

— Наташа, какое сегодня число?

— Четырнадцатое июля.

— То-то же. Мне завтра в коммунхоз идти, в двенадцать часов собрание будет…

Марийка так и подскочила на своем диване. Завтра пятнадцатое июля, день ее рождения! Завтра она вырастет на целый год, ей исполнится одиннадцать лет.

Она начала торопливо одеваться.

— Побегу к маме в больницу. Она, наверно, забыла, что завтра мое рождение. Надо ей сказать!

Марийка выскочила за ворота и побежала вниз по бульвару знакомой дорогой, по которой она так часто бегала, когда носила доктору отбивные котлеты на завтрак.

Вот остался позади базар, вот Гоголевский сквер, вот наконец и больница. Марийка прошла через длинный коридор детского отделения, спустилась по пяти ступенькам вниз и вошла в кухню.

Над огромной плитой плавали клубы пара.

Кухарки стояли на скамеечках возле плиты и помешивали длинными палками кашу в медных котлах. Стучали ножи, пахло подгорелым маслом и капустой. На столах стояли ведра с вишнями для киселя.

Поли здесь не было.

— А где же мама? — спросила Марийка.

— Ее главный позвал, они все в конторе сидят, — сказала одна из кухарок.

Контора была недалеко от кухни. Марийка заглянула в стеклянную дверь, до половины завешанную марлевой занавеской.

В конторе за столом сидело несколько человек. Здесь был главный врач, толстый старик в золотых очках, который лечил Марийку, когда она болела скарлатиной. Рядом с ними сидели

два незнакомых доктора в белых халатах, кастеляншa, доктор Мануйлов и Поля. Марийка даже глазам не поверила. Да, Поля в своем поварском колпаке, красная и как будто сердитая, сидела рядом с доктором Мануйловым и что-то говорила. Все ее внимательно слушали, а старый доктор даже приставил ладонь к уху.

«Вот какая у меня мама! — с гордостью подумала Марийка. — Все доктора ее слушают и головой кивают».

Марийка осторожно приоткрыла дверь и приложила ухо к щели.

— Так прямо и скажу, что это непорядок, — говорила Поля. — Позавчера нам завхоз привез вместо говядины одни жилы. Разве ж можно больных детей таким мясом кормить? Да от такого мяса и здоровый больным станет… Побежала я сама на бойню. Гляжу, а там лазаретный завхоз получает жирную свинину — ну прямо чистое сало. Значит, можно достать хорошее мясо? Можно. Надо только на месте подежурить, да поругаться с кем следует, да похлопотать у кого надо. Опять же, что получилось у нас со пшеном? Завтра и суп засыпать нечем. Нет уж, Илья Давыдыч, утречком я сама пойду провизию добывать, на завхоза надежда у меня слабая…

— Вот-вот, товарищ Внукова, я не возражаю, — обрадовался главный врач. — Возьмите себе бумаги и сходите-ка сами в Губпродком. Вы женщина энергичная и добьетесь своего.

— Да, да, — кивнул головой доктор Мануйлов, — на Пелагею Ивановну можно положиться. Она человек хозяйственный.

«Ишь ты, — подумала Марийка, — теперь хвалит и Пелагеей Ивановной называет...»

Все поднялись из-за стола.

Марийка отскочила от дверей.

— Ты чего тут околачиваешься? — спросила Поля, быстро выходя из конторы.

— Я к тебе пришла.

— Некогда мне, беги домой.

Поля торопливо направилась на кухню.

— Мама, постой-ка! Завтра мое рождение.

— Ну, так что?

— Я гостей хочу позвать — Машку, Стэллу, Веру и Сеньку. Хорошо б Сашу позвать, да он как раз в район уехал...

Поля остановилась, посмотрела на взволнованное лицо Марийки и засмеялась.

— Ну ладно, дочка! Испеку я тебе завтра пирогов с картошкой, зови подруг.

И она быстро ушла на кухню.

А Марийка помчалась домой.

«Сейчас побегу гостей звать, — думала она дорогой. — Эх, жалко, что Саши нет! А вдруг уже вернулся? Забегу-ка я по пути в Совет».

Возле Гоголевского сквера у Марийки развязался шнурок на башмаке. Она наклонилась и начала завязывать его. А когда выпрямилась, то увидела, что впереди нее шагают трое людей — двое военных, а третий в синей рубашке, подпоясанной шнурком, без шапки. Он был очень похож на Сашу.

«Неужели он? Как будто Саша».

Марийка догнала мужчин и на цыпочки, пошла позади, разглядывая темноволосого парня без шапки. Он или не он? Никогда еще она не видела у Саши-переплетчика такой рубашки. А сапоги как будто его.

Осмелев, Марийка уже протянула руку, чтобы тронуть Сашу за плечо, как вдруг один из военных оглянулся.

— Тебе чего, девочка?

Марийка вздрогнула и отскочила назад, а темноволосый парень повернул голову и весело сказал:

— Марийка, это ты? Здравствуй! Чего ж ты испугалась?

Военные, улыбаясь, смотрели на Марийку.

— Саша, — сказала она тихонько, — знаешь, завтра ведь мое рождение. Приходи обязательно в семь часов, я ребят позову, а мама пирогов напечет… Придешь, а?

— Приду непременно, кучерявая, — ответил Саша громко и, похлопав Марийку по плечу, опять заговорил со своими военными.

А Марийка побежала дальше. Какое солнце! Какое высокое синее небо! Как весело чирикают воробьи, точно и у них тоже завтра день рождения…

Не заходя домой, Марийка обошла ребят и позвала их к себе на завтра. Потом она вернулась в комнату, наскоро перекусила, сняла башмаки и, надев старое, выцветшее платье, принялась за уборку. Ей хотелось, чтобы к завтрашнему дню все вокруг нее блестело.

Никогда еще Марийка не прибирала свою комнату с таким удовольствием, как сегодня. Потная, раскрасневшаяся, с вихрами, торчащими как рога, она таскала ведра с водой, без конца поливала дубовый паркет, ползала на четвереньках, скребла его песком и что было силы терла щеткой. На одной паркетной плитке было чернильное пятно. Марийка отскоблила его ножом. Затем она про-

терла оконные стекла и вымыла подоконники горячей водой с мылом.

Теперь оставалось вымыть дверь. Низ двери Марийка вымыла очень быстро. Потом она влезла на стул и отмыла еще кусок. Потом пришлось поставить на стул круглую табуретку от рояля. Табуретка качалась и скрипела, мыльная вода затекала в рукава, но все же Марийка отмыла еще полоску. А выше она уж никак не могла достать.

Марийка вздохнула, посмотрела на темный неотмытый кусок наверху, у самого карниза, потом махнула рукой и принялась начищать медную ручку зубным порошком. К вечеру она так устала, что не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Все-таки она сбегала в прачечную за теплой водой, помылась и легла спать, не дождавшись матери.

Утром, когда она проснулась, она увидела возле себя на стуле клочок бумаги, исписанный кривыми буквами, без точек и запятых: «Поздравляю доченьку тесто для пирогов поставила приду в пять часов будем пекти мама».

«Сегодня мое рождение!» — вспомнила Марийка.

Она вскочила и в одной рубашонке побежала смотреть квашню с тестом, которая стояла на

табуретке, прикрытая полотенцем.

Теста было совсем немного, на самом дне. От него пахло свежими дрожжами.

«Как мало! — подумала Марийка. — А вдруг не хватит? Ну нет, уж мама знает, сколько надо теста…»

Она оглядела комнату.

«Какая чистота! Нигде ни пылинки. Эх, хорошо бы еще нарвать цветов и поставить на стол! Какое ж это рождение без цветов! Но где их взять? А что, если пробраться в архиерейский сад и нарвать там жасмину?»

Марийка заперла дверь на ключ и пошла со двора.

Архиерейский сад был на другом конце города, недалеко от той улицы, где жила когда-то бабушка Михельсон. Сквозь кружевную чугунную решетку этого сада пробивались густые ветки сирени, жасмина и боярышника. В тех местах, где кусты росли пореже, в просветы между листьями можно было разглядеть тенистые аллеи, яркие цветочные клумбы и дорожки, посыпанные красным песком. Где-то в глубине, за деревьями, светлел белый дом архиерея и блестел медный крест часовенки. Каким чудесным и таинственным казался всегда Марийке этот сад! Ворота его

были постоянно на запоре, а в белом доме жил старый архиерей — самый толстый и важный священник в городе. Однажды Марийка увидела архиерея через решетку сада. По аллее медленно шел огромный, пузатый старик, весь в черном, с длинными седыми волосами до плеч. Он был похож на волшебника.

Уже давно Марийка слышала во дворе, что сразу же после революции архиерей удрал в какой-то далекий монастырь. Говорили, что знаменитый архи-ерейский сад скоро откроют для всех. Вот в этот-то сад Марийка и решила отправиться за цветами.

«Раз этот сад теперь народный, — думала она, — значит, мне позволят немного цветов нарвать...»

Но когда она подошла к воротам, она увидела, что на калитке висит большой ржавый замок. Видно, сад еще не успели открыть. Марийка побрела вдоль чугунной решетки. Из сада доносился запах теплой и влажной земли, жасмина и ромашки. Кусты в этом году разрослись так густо, что ничего уже нельзя было разглядеть сквозь ветви. Марийка оглянулась. Узкая улица была совсем пуста. Кругом ни души. Только старая белая коза бродила по мостовой, пощипывая траву. Солнце стояло уже высоко и припекало

Марийкину голову. Марийка вытерла вспотевший лоб, опять оглянулась вокруг и вдруг начала карабкаться на чугунную ограду. Еще минута — и она спрыгнула в архиерейский сад.

Как здесь было тенисто и прохладно! Столетние липы высоко раскинули свои ветви, и солнцу, видно, нелегко было проникнуть сквозь зелень. Нерасчищенные дорожки заросли высокой травой, а лужайки, точно белым снегом, были осыпаны ромашкой. Жасмин уже начал отцветать, и только на двух кустах Марийка нашла душистые, чуть желтоватые цветы.

Марийка сплела венок из ромашек и надела его на свои курчавые волосы. Ей не хотелось отсюда уходить, и если бы не гости, которых они позвала к семи часам, то она осталась бы в саду до вечера. Но ведь надо еще пироги печь!

Марийка нарвала большой букет цветов — ромашки, жасмина и петуньи, — а в середину букета она воткнула два больших красных мака, которые она нашла на одной заросшей клумбе среди сорной травы.

Потом она перелезла через ограду и побежала домой, то и дело нюхая свой букет.

Дома Марийка поставила цветы в синий кувшин. В комнате сразу хорошо запахло и стало

нарядней.

Чем ближе к вечеру, тем больше Марийка беспокоилась, что мать запоздает и они не успеют напечь пирогов. Каждую минуту она приподнимала полотенце и заглядывала в квашню с тестом. Ей казалось, что тесто поднимается очень медленно, и она прикрыла квашню подушкой для теплоты.

В половине пятого Поли еще не было.

А что, если она забыла про рождение? Уж такая деловая теперь стала! Не до Марийки ей теперь…

Марийка решила сама разделать тесто. Она обвязала живот полотенцем, сняла скатерть со стола и насыпала горку муки.

В дверь постучались.

— Кто тут?

— Марийка, чего ты целый день сидишь на замке? — пропищал за дверью тоненький голосок Веры.

— А тебе чего?

— Ничего. Скоро ли ты к себе на рождение пустишь? Ждать надоело…

— Сказано — в семь часов! Раньше нельзя.

Вера потопталась под дверью и ушла. Через десять минут опять постучались. Это наконец была Поля.

— В Губпродкоме задержалась, — сказала она, положив на стол какой-то узелок, — зато выхлопотала мешок рису. Это для больных ребят лучшее питание. Батюшки, цветы какие! Где ты раздобыла?

— Уж раздобыла. Мама, а что это в узелке?

— Подарок тебе купила. Вот гляди.

Поля вытащила из узелка что-то белое, в кружевах, похожее на занавеску.

— Что это?

— Юбка, — сказала Поля. — Настоящий батист. Платье тебе сошью на славу. Выстираю, подкрахмалю — будет как новое. Эта старушка, что продавала, клянется, божится, что юбка только два раза стирана. Я, правда, не думала покупать, да уж очень дешево.

— Эх, кабы сразу можно было надеть! — сказала Марийка, прикинув на себя юбку.

— Ну уж и сразу! Успеется. Давай, что ли, рожденница, пирожки лепить. Половину с вишнями, половину с картошкой.

Было очень весело вырезать стаканом кружочки из теста, накладывать в них сочные вишни и лепить пирожки для себя и для своих гостей.

Когда Поля пошла на кухню топить плиту, Марийка надела чистое белье и платье-татьянку.

«Скоро придут, — думала она, заглядывая то так, то этак в узенький осколок зеркала, — вот только Саша бы не запоздал…»

В шесть часов в коридоре затопали и кто-то громко забарабанил в дверь кулаком. Это явились гости — Машка, Митя, Сенька и Вера. У них не хватило терпения дожидаться семи часов.

Машка смочила водой свои торчащие вихры и подвязала их синей тряпочкой. Свои парусиновые туфли она так густо начистила мелом, что они оставляли на полу белые следы. Все остальные были в своем обычном виде, а у Сеньки щека даже была выпачкана сажей.

— Марийка, вот тебе от меня подарок, — тихонько сказала Вера, протягивая салфеточку.

На салфеточке были вышиты красными нитками две вишни.

— Возьми, вот только строчку я сейчас дошью…

Вера села в угол, вытащила из кофты иголку с красной ниткой и принялась за шитье.

— А это от меня на память, — сказал Сенька Полуцыган и, развернув бумагу, протянул Марийке жестянку из-под кофе, наполненную до краев какой-то черной кашей.

— Что это? — спросила испуганно Марийка.

— Гуталин. Собственной работы!

Марийка осторожно поставила этот подарок подальше под кровать.

Машка подарила Марийке роскошный флакон из-под одеколона «Грезы роз».

— Понюхайте, еще пахнет, — сказала она.

Все понюхали флакон.

— Если налить в него теплой воды и хорошенько взболтать, можно будет душиться, — сказала Машка.

Марийка сейчас же налила воды, взболтала и отнесла флакон на окошко — пусть настоится.

— Ну, у меня тоже есть для тебя подарок, — сказал Митя Легашенко, — только не знаю, понравится ли.

Он запустил руку в карман штанов, вытащил желтоклювого взъерошенного галчонка и посадил его Марийке на плечо.

— Он из гнезда выпал, а я его подобрал… Он умный, все понимает, как человек. Я его Гулькой прозвал…

Все начали гладить галчонка, а он вертел во все стороны своей большой головой, внимательно смотрел на ребят круглыми блестящими глазами и, видно, нисколько не боялся.

Вот это подарок!

— Гуленька! Гулька! — приговаривала Марийка, поглаживая блестящие перышки галчонка, который разевал клюв, как будто показывал горло.

— Он есть хочет, — сказала Машка.

Все принялись ловить мух и кормить Гульку.

Вдруг дверь без стука распахнулась. Стэлла, улыбаясь, стояла на пороге с длинной коробкой под мышкой.

— Стэлла! Стэлла! — закричали ребята.

— Марийка, открой коробку и посмотри, — сказала Стэлла, — это от меня и от моего папы.

«Какое большое! — думала Марийка, открывая крышку. — Что бы это могло быть?»

В коробке лежал какой-то странный предмет, похожий на огромную и плоскую бутылку. Он был старательно завернут в газету и обвязан веревочкой.

Марийка начала развязывать пакет. Ребята столпились вокруг и дышали ей прямо в лицо. Под первой бумажной оберткой оказалась вторая, под второй — третья, а под третьей — четвертая. Казалось, бумаге не будет конца — на полу уже лежала целая гора газет.

«Какой чудной подарок! — думала Марийка. — Ну, уж Стэлла придумает тоже!»

Наконец она развернула последнюю обертку.

— Гитара! — закричали ребята.

Да, это была гитара, перевязанная красным бантом; настоящая гитара с туго натянутыми струнами.

— Я научу тебя на ней играть, — сказала Стэлла, — а пока повесим ее на стенку.

В эту минуту Поля внесла миску, полную горячих пирогов.

— Мама, смотри, что мне Стэлла подарила!

Поля взглянула на гитару, висевшую над кроватью рядом с серебряными часами.

— Вот так подарок! Будем теперь с музыкой. А ты, Стэллочка, у отца-то спросила — можно ли такую дорогую вещь дарить?

— Это он сам и придумал, — сказала Стэлла.

— Мама, а посмотри, какой галчонок, его Митя под деревом подобрал… Он у нас будет жить.

— Ишь ты, птенчик! — сказала Поля. — Да разве можно ему в комнате жить? Того и гляди наступишь на него.

— Марийка, а ты посади галчонка в золотую клетку, — пропищала Вера, которая все еще сидела в уголке и торопливо дошивала строчку на салфетке.

— В какую золотую клетку? — спросила Ма-

рийка.

— Ну, знаешь, у нас в кладовой стоит. Еще в ней Сутницкий своего покойного попку держал.

Сенька сейчас же побежал в кладовую и притащил большую золоченую клетку. Клетка была очень красивая, со множеством жердочек, с кольцом, в котором когда-то раскачивался попугай, и с фарфоровой ванночкой для воды.

Галчонка посадили в кольцо, но он не умел в нем сидеть и сейчас же валился на дно клетки. Он, ковыляя, обошел свою новую квартиру и наконец залез в ванночку. Тут ему, наверно, понравилось. Он почистил клювом перышки, опустил свои серые перепончатые веки и заснул.

— Ну, вот и нашел себе местечко! — сказала Вера.

Было уже около девяти часов, а Саша-переплетчик все не шел. Решили пить чай без него.

— Ешьте, голубчики, за здоровье рожденницы. Вот эти круглые пирожки — с вишней, а длинные — с молодой картошкой.

Но гостей не приходилось особенно упрашивать. Они сидели вокруг стола — кто на стуле, кто на табуретке — и жевали так, что только за ушами трещало.

Саше отложили его порцию и прикрыли тарел-

кой. А он все не шел и не шел.

В десять часов все гости разошлись. С галчонком в руках Марийка вышла на крыльцо и присела на каменных ступеньках. Ей хотелось немного посидеть одной после этого длинного и шумного дня.

Большая круглая луна стояла прямо над крыльцом. Акации отбрасывали длинные черные тени. С полянки тянуло острым запахом скошенной травы.

Марийка подобрала под себя босые ноги и сунула за пазуху заснувшего галчонка.

В темноте послышались шаги. Кто-то подходил к крыльцу.

— Саша? — крикнула Марийка, еще не видя того, кто шел.

— Я! А ты еще не спишь?

— Нет, не сплю, Сашенька. Что ж ты опоздал? Я тебя ждала, ждала. Пойдем скорей — для тебя пироги оставлены.

Они вместе поднялись по лестнице и вошли в комнату.

Тут только Марийка заметила, что у Саши под мышкой толстый пакет.

После темноты комната показалась Марийке маленькой и очень светлой. Поля сидела у стола

и мыла чашки.

— Вот поздний гость! — воскликнула она и пододвинула Саше пироги, накрытые тарелкой.

— Хорошо у вас, Пелагея Ивановна, — сказал он, надкусывая пирог. — Лучше, чем было за синей занавеской! Правда, кучерявая?

— Уж сравнил тоже… — сказала Поля. — Ведь здесь у самого Сутницкого кабинет был. Как увижу я иной раз, что он со двора на наши окна смотрит, так мне даже страшно становится.

Саша засмеялся.

— Не бойтесь, Пелагея Ивановна, — сказал он, — мы вас в обиду не дадим.

Марийка плохо слушала разговор — ей очень хотелось узнать поскорей, что у Саши в пакете.

А он, видно, забыл про него — положил на подоконник, да так и оставил.

«Может, это вовсе не для меня, — думала Марийка, — может, ему на службе сапоги выдали или другое что».

Саша заметил, что она все время посматривает на подоконник.

— Ну-ка, Марийка, развяжи, — сказал он.

Марийка обрадовалась и стала быстро развязывать Сашин пакет.

В пакете оказалась сумка. Школьная сумка,

блестящая, черная, с металлическим замочком и с двумя ручками, — совсем такая, какую видела когда-то Марийка у одной из Лориных подруг.

Сумка была не пустая. В ней что-то тарахтело и перекатывалось. Марийка открыла сумку и высыпала на стол несколько карандашей, ручку, линейку, резинку и три тетрадки.

— Это все мне? — испуганно спросила Марийка, вертя в руке новенький карандаш.

За всю ее жизнь у нее никогда не было целого, неочиненного карандаша. Ей всегда доставались только огрызки.

— Сашенька, это мне? Зачем?

— Как — зачем? — сказал Саша. — Нынче тебе, Мария, в школу идти. Через два месяца занятия начинаются…

Школьная осень

Шатаясь по городу, Марийка с Машкой забрели на Филимоновскую улицу.

— Давай посидим в сквере, ноги устали, — сказала Марийка.

— Ладно. Я там листьев насбираю.

Девочки присели на скамейку в небольшом сквере, как раз напротив бывшей женской гимназии.

Машке не сиделось на месте, и она сейчас же побежала собирать красновато-золотистые листья клена.

Марийка осталась одна на скамейке. Она смотрела на облицованный желтыми кафлями, точно вылепленный из сливочной помадки, фасад гимназии. Ей вспомнилось, как ее присылали сюда с завтраком для Лоры.

Теперь в этом доме было пусто. Одно из окон было распахнуто настежь. На подоконнике стояла женщина и протирала стекла; даже слышно было, как скрипит под тряпкой стекло.

«Наверно, скоро занятия начнутся, — подумала Марийка. — Опять Лора будет ходить в гимназию

под ручку со своей подругой. А я-то пойду ли в свою школу? Хоть бы открывали ее поскорей! Надоело дома одной сидеть».

Марийка вздохнула.

Вернулась Машка с охапкой кленовых листьев:

— Ты чего нос повесила?

— Так. Пойдем, Машка, домой.

— Пойдем.

— Машка, а в гимназии уже окна моют, — сказала по дороге Марийка.

— Ну так что же? — равнодушно спросила Машка.

— Учиться охота.

— А мне так нисколечко.

С тех пор как Саша подарил Марийке сумку, карандаши и тетради, она не переставала думать про школу. Интересно, где ж откроется эта школа? Уж не там ли, где учился Сенька Полуцыган? Один раз Марийка даже отправилась на другой конец города, чтобы посмотреть Сенькино училище. Оно помещалось в узком и пыльном переулке возле вокзала. Марийка с грустью посмотрела на одноэтажное кирпичное здание с выбитыми во время перестрелки стеклами и с грязным крыльцом. Над крыльцом висела, держась только на

одном гвозде, доска с надписью:

УЕЗДНОЕ 4-КЛАССНОЕ УЧИЛИЩЕ

Нет, Марийке совсем не хотелось учиться в этом грязном и скучном доме. Но все-таки она обошла его со всех сторон, заглянула во двор и, шагая назад по кривым привокзальным улицам, подумала:

«Ладно уж! Пусть хоть эта-то школа поскорей откроется…»

Она начала каждый день громко читать вслух и писать чернилами. Уж конечно, в школу принимают только тех, кто скоро пишет и очень скоро читает! Тетрадки, подаренные Сашей, Марийка жалела и поэтому писала на оберточной бумаге и на чистой стороне листков отрывного календаря. Она списывала целые куски из газеты или из «Мертвых душ». Без линеек писать было очень трудно. Буквы сами собой съезжали вниз или подпрыгивали кверху. Строчки иной раз так далеко разъезжались врозь, что между ними приходилось вписывать новые строчки. Не пропадать же бумаге зря!

Но вот уж два месяца прошло с Марийкиного рождения, а про школу все ничего не слышно.

Марийка и Машка лениво брели по дорожкам сквера, подбирая листья. Листья были крупные

и плотные, точно кожаные. Одни — красные, другие — лимонно-желтые, третьи — ржавые.

Марийке было грустно, она сама не знала почему.

Поднимаясь к себе по лестнице, она встретила Лору.

Лора пробежала мимо, что-то весело напевая. На Марийку она даже не взглянула.

«Уж опять нос задрала… Видно, все подруги в город вернулись, в гимназию собираются», — подумала Марийка.

Она пришла домой очень злая, пихнула ногой худую кошку, попавшуюся ей в коридоре, а Сеньку, который хотел дернуть ее за волосы, обозвала «дохлым химиком».

Мать еще не вернулась из больницы. Марийка отперла дверь, бросилась ничком на диван, полежала немножко и не заметила, как заснула.

Ее разбудили чьи-то шаги. Она вскочила с дивана.

Глаза у нее запухли от долгого сна, в ушах звенело, и затылок был тяжелый, точно она спала вниз головой.

Уже наступил вечер, в комнате стояли сумерки, и Марийка не сразу разглядела мать.

Поля зажгла свет и подошла к дивану. От нее

вкусно пахло осенним холодком и капустными кочерыжками — в больнице квасили капусту.

— Ну, дочка, — сказала Поля громко, — завтра пойдешь записываться.

Марийка протерла глаза:

— Куда записываться?

— В школу.

— В какую?

— Да сказано — в третью трудовую…

Марийка как встрепанная вскочила с дивана:

— Мама! А меня возьмут?

— Неужели нет?

— А экзамен будет?

— Экзамен не экзамен, а проверка, говорят, будет. Посмотрят, как вы читаете да пишете.

— Ой, наверно, там нужно очень скоро писать!

Марийка схватила листок бумаги и карандаш и начала быстро-быстро чиркать на бумаге какие-то слова.

— Мама, прочитай! Можно разобрать?

Поля поднесла к глазам листок:

— Ишь ты, намарала! Раньше будто поразборчивей писала.

— Так зато ж это быстро!

Поля с сомнением покачала головой.

Марийка побежала во двор, чтобы рассказать

ребятам новость. Но она опоздала. Чуть только она спустилась по лестнице, как увидела Машку, которая бежала к ней навстречу и кричала:

— Школа открывается! Бесплатная! Завтра записываться пойду!

— Значит, ты тоже учиться теперь надумала?

— А то что ж?

Всю ночь Марийка ворочалась с боку на бок, боялась проспать. Ей все казалось, что если она опоздает в школу хоть на десять минут, для нее уже не хватит места.

Утром она встала очень рано, надела батистовое платье, которое ей Поля перешила из юбки, и побежала за Машкой.

Во дворе было пусто. Трава покрыта росой. На всех окнах закрыты ставни, даже куры еще спали в своих курятниках. Марийка подошла к дворницкой и потопталась возле запертой двери. Постучать или не постучать?

Вдруг дверь отворилась, звякнув щеколдой. Старый дворник, зевая, вышел на крыльцо и побрел через двор, волоча за собой метлу.

— Дедушка! — догнала его Марийка. — Машка встала?

— Спит. А тебе чего надо в этакую рань?

— Да ничего…

Марийка подождала, пока дворник скрылся в сарае, и тихонько стукнула в окно:

— Машка! А Машка!

В форточке показалась Машина голова с всклокоченными белобрысыми вихрами.

— Чего тебе?

— В школу пора…

— Да ты очумела? Только шесть пробило, а сказано к восьми приходить.

— Ну и что ж? Пока дойдем, пока все разузнаем… Нет уж, Машка, ты как хочешь, а я сейчас пойду.

— Ну ладно, и я с тобой…

Через десять минут они вышли за ворота, и тут только Марийка вспомнила, что она не знает, где находится третья трудовая школа.

— А куда же идти? Где эта школа будет? — спросила она у Машки, жевавшей на ходу кусок хлеба.

— Как где? На Филимоновской, в четырнадцатом номере.

— На Филимоновской? Это какой же дом? Я по номерам не знаю.

— А вот придем, тогда и увидим…

От волнения у Марийки началась икота. Она всю дорогу икала, а Машка над ней смеялась.

Дошли до Филимоновской и стали смотреть на номера. Второй, четвертый, восьмой, четырнадцатый номер… Желтый плиточный дом, точно вылепленный из сливочной помадки. Вот тебе и раз! Да ведь это ж гимназия! А сказали — третья трудовая.

— Маша, а ты не напутала? Может, не четырнадцатый?

— Говорю — четырнадцатый.

Марийка и Машка поднялись на крыльцо и вдвоем толкнули огромную дубовую дверь. Она не поддавалась.

— Закрыто! Опоздали! — в ужасе прошептала Марийка.

— «Опоз-да-ли»! Как же! — передразнила ее Машка. — Дай бог, чтоб через час открыли.

Она села верхом на каменного льва и, болтая ногами, принялась доедать свой хлеб. Марийка уселась тут же, на ступеньках.

Через час только начали сходиться ребята. Чуть ли не позже всех прибежал Володька из 35-го номера и, увидев Марийку, сначала удивился, а потом запел:

Кучерявый баран, Не ходи по дворам, Там волки живут, Твои патлы оборвут…

Наконец открылась тяжелая дверь. Марийка

вошла в длинный коридор, где она уже однажды побывала. Здесь ничего не изменилось. Те же высокие окна без занавесок, те же матовые стеклянные двери классов, тот же сверкающий плиточный пол. Только не видно девочек в коричневых платьях и черных передниках. Вместо них по коридору носятся и мальчики и девочки, одетые во что попало.

Многие ребята пришли с родителями. Марийка узнала сапожника Тимошкина из дома № 18. Сапожник привел своих девочек-близнецов. Тут же была портниха Шурочка с огромным родимым пятном на щеке. Она придерживала за воротник сына, мальчишку лет десяти. Мальчишка был такой же, как все. А Марийка думала, что у Шурочки все дети тоже с родимыми пятнами.

Мальчишка поглядывал по сторонам — видно, и ему хотелось носиться по коридору, а не стоять возле матери.

Тут же, в коридоре, за маленьким столиком сидела молодая девушка в коричневом халате и записывала детей. Возле столика вытянулась очередь. Машка и Марийка стали в конец.

— Ну, как тебя зовут? — спросила девушка, когда очередь дошла до Марийки.

— Внукова, — чуть слышно прошептала Ма-

рийка.

— Как? — переспросила девушка. — Ты что же это так говоришь, как будто три дня не ела?

— Боится, — сказала Машка и фыркнула.

— Чего же бояться? Мы не кусаемся. Читать и писать умеешь?

Марийка нерешительно кивнула головой.

— А считаешь хорошо?

— Не очень.

— Ну ладно, иди в комнату № 5. Там сейчас проверочные испытания, и тебе скажут, в какой ты класс годишься.

Марийка пошла по коридору. Через минуту ее догнала Машка. Они отыскали комнату № 5, где за партами уже сидело много детей.

— Сядем на последнюю скамейку, там хоть не на виду, — шепнула Машка, которая тоже струхнула в самую последнюю минуту.

Они сели в последнем ряду.

Марийка осмотрелась. Учительницы в комнате еще не было. Ребята гудели и хлопали крышками парт, будто они не в первый раз в классе, а по крайней мере в сотый. Больше всех шумел Володька из 35-го номера.

В класс вошла молодая учительница. Щеки у нее были румяные, а волосы кудрявые.

— Хорошо, что нам такая красивая попалась! — шепнула Машка. — Она, наверно, не сердитая.

Учительница кивнула головой, улыбнулась и начала вызывать ребят к доске.

— Абросимова Зоя, поди-ка сюда.

Из-за парты вышла маленькая-маленькая девочка, повязанная по-старушечьи платочком. На вид ей нельзя было дать и восьми лет.

— Сколько тебе лет? — спросила учительница.

— Двенадцатый, — ответила девочка тоненьким голоском.

— Ну, возьми мел и напиши свое имя и фамилию.

Зоя Абросимова была так мала ростом, что могла достать только до края доски. Учительница подставила ей скамеечку.

Писала Зоя красивыми круглыми буквами и так ровно, будто по линейке. Читала она тоже очень хорошо и четко, останавливаясь на всех точках и запятых.

«Вот бы мне так!» — с завистью думала Марийка.

— Ну, садись, Зоя! Молодчина, — сказала учительница. — Теперь следующая по алфавиту будет Внукова Мария.

Марийка тихонько ахнула, вылезла из-за пар-

ты, зацепившись ногой за какую-то перекладину, прошла через весь класс и стала боком у доски. От страха у Марийки начался звон в ушах.

Динь-динь-динь! — звенел тоненький колокольчик.

— Ну, Маруся, пиши, — сказала учительница. — «Люблю грозу в начале мая, когда весенний первый гром…»

Писать на доске было еще труднее, чем на листках отрывного календаря. Мел крошился, скрипел, доска покачивалась на шарнирах — от этого Марийкины буквы лезли куда-то наверх, точно взбирались по лестнице. С трудом дописав последние слова, Марийка подумала минутку, поднялась на цыпочки, стерла рукой самое верхнее слово «в начале» и написала «в ночале». После этого она перевела дыхание и вытерла о платье перепачканные мелом руки.

— Не «в ночале», — сказала учительница, — а «в начале». Ну ладно, сотри написанное, только не рукой, а тряпкой. Так. Теперь напиши: 12 умножить на 14.

Марийка стояла у доски, опустив мел. Она могла в уме быстро складывать и вычитать большие цифры. В последнее время она научилась даже умножать, но еще не знала, какой бывает знак

умножения.

— Это будет... двенадцать умножить на четырнадцать... двенадцать умножить на четырнадцать... Это будет... Это будет сто шестьдесят восемь, — тихо сказала она.

— Совершенно верно. Ну, напиши все это на доске.

Марийка написала «14» и рядом «12».

— Поставь же между числами знак умножения.

Марийка стояла, понурив голову, и крошила между ладонями мел.

— Крестик, крестик, — услышала она чей-то шепот.

Маленькая Зоя Абросимова показывала ей два пальца, сложенные крестом.

Марийка нарисовала прямой крест.

— Косой, косой! — закричало несколько голосов.

Марийка изобразила косой крестик.

— Ну ладно, можешь сесть на место, — сказала учительница.

Марийка, спотыкаясь, пошла на место.

— Вот дура! — шепнул Володька, когда она проходила мимо него. — Прямой крест — это же плюс, а косой — это знак умножения, а две точеч-

ки — это делить…

Марийка, нахмурившись, села на место.

«Провалилась! И диктовку написала с ошибкой, да еще и криво, — вон до сих пор в самом верхнем углу доски остались нестертыми слова «в ночале мая».

Крупная слеза скатилась из глаз Марийки и упала прямо на розовую промокашку, лежавшую на парте. Марийка обхватила голову руками да так и сидела, боясь поднять глаза.

А в это время учительница продолжала вызывать ребят к доске.

Одни из них писали быстро, другие медленно, третьи совсем криво, но Марийке казалось, что ни один из них не писал так плохо, как она.

Вот вызвали последнего из ребят — какого-то мальчика, фамилия которого была Терещук.

Потом учительница начала читать список детей и говорить, кто в какую группу принят. Но Марийка ничего не слышала. Вдруг Машка что было силы толкнула ее в бок.

— Слышишь, тебя во вторую, — шептала она. — Тебя во вторую, а меня в первую. А я-то думала, вместе будем учиться…

Марийка как будто проснулась.

Приняли! Да еще во вторую группу!

Ей сразу стало жарко и весело. Она приподняла голову и оглядела всех ребят, точно увидела их в первый раз. Почти все они ей понравились, но больше всех одна девочка, которая тоже сидела на последней парте, только в другом ряду. Девочка эта была сероглазая, веселая, с короткой, но очень толстой косой.

Когда Марийка на нее посмотрела, девочка улыбнулась и кивнула ей головой.

«Вот с кем я буду дружить, — подумала Марийка. — Да и Зоя Абросимова тоже хорошая девочка — она хоть и маленькая, да, видно, умная. Лучше всех на доске писала…»

— Ну, ребята, — сказала учительница, — через три дня приходите на занятия с тетрадками и карандашами.

Марийка вспомнила, что у нее уже есть и тетрадки, и карандаши, и сумка, и ей стало еще веселее.

Она выбежала из класса вслед за ребятами, точно на коньках пронеслась по скользкому плиточному коридору и с размаху отворила дубовую дверь, которая теперь совсем не показалась ей тяжелой.

На крыльце она на минуту остановилась, зажмурившись от яркого солнца. Было тепло, но в

саду уже летали паутинки, и по всей Филимоновской ветер разносил опавшие листья из сквера. Это была осень — первая Марийкина школьная осень.